

1-ый все российский
литературный журнал

Москва

Маргарита Аль

Виктор Гонпе

Главный редактор *Маргарита Аль*

Художник *Виктор Гонпе*

Редактор-консультант *Пётр Кобликов*

Макет и вёрстка *Виктория Романова*

Связь с общественностью *Наталья Бочкарёва*

Интернет-маркетинг *Артём Савельев*

В подготовке журнала участвовали

Амарсана Улзытуев

Игорь Дронов

Лилия Газизова

Татьяна Шнар

Марат Гаджиев

Игорь Терехов

Валерий Басыров

Дмитрий Мурзин

Арсен Мирзаев

Валентина Боован Кууан

Борис Бартфельд

Зоя Донгак

Адрес редакции
141402, Московская обл. г. Химки, ул Ленинградская, д. 29
Тел. +7 (926)5245662, e-mail: meta.al@yandex.ru

Адрес журнала в сети интернет: info@liff.ru
Учредитель: ООО ДООС
Регистрационное свидетельство ПИ №ФС77-63346 от 16.10.2015 г.
Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Редакция оставляет
за собой право не вступать с авторами в переписку.

© Редакция журнала «Первый Всероссийский литературный журнал ЛиФФт»

Содержание

ПОЭЗИЯ и ПРОЗА

Республика Тыва.....	6
Республика Бурятия.....	10
Иркутская область.....	16
Красноярский край.....	24
Республик Калмыкия	30
Вологодская область.....	36
Москва	40
Республика Крым	50
Кабардино-Балкарская Республика	58
Рязанская область	64
Санкт-Петербург.....	70
Республик Татарстан.....	76
Московская область	82
Калининградская область.....	90
Тульская область.....	96
Новосибирская область.....	104
Алтайский край.....	110
Кемеровская область.....	114
Калужская область	120
Республика Башкортостан	126
Республика Дагестан	134
Республика Саха (Якутия)	140
Республика Хакасия.....	150
Курская область.....	154

ВЧЕРА-СЕГОДНЯ-ЗАВТРА

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ	164
Иркутская область.....	166
Красноярский край.....	168
Республика Крым	172
Кабардино-Балкарская Республика	178
Курская область	180
Санкт-Петербург.....	182
Республика Татарстан	186
Республика Бурятия.....	188

ШКОЛА ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА

Акrostих	192
Анаграмма.....	196
Верлибр.....	200

ГОСТИНАЯ ЖУРНАЛА ЛИФФТ

Франция	202
Абхазия	204

ЛИтературный Фестиваль Фестивалей

Дорогие друзья, перед вами первый номер Всероссийского Литературного Журнала ЛиФФт. В России восемьдесят пять регионов. Восемьдесят пять литературных островов. Восемьдесят пять мощнейших двигателей одного корабля под названием «Культура России». Это огромный потенциал.

Слово. Его добыча важнее добычи золота и алмазов, нефти и газа. Нет более устойчивой валюты, чем слово. «Слово о полку Игореве». Слово Пушкина. Слово Толстого. Слово Пастернака. Слово Вознесенского. Слово Поэта, имя которого ещё скрывает от нас Время.

От идеи создания Журнала ЛиФФт до её воплощения не прошло и года. Эти сроки – всего лишь подтверждение назревшей необходимости такого журнала: журнала-фестиваля, журнала-карты, журнала-справочника, журнала-обозревателя. Журнала, где можно получить ответы на вопросы о защите авторских прав, о статусе писателя, о федеральной поддержке.

В течение полугода были проведены опрос-интервью участников фестивалей из разных регионов РФ. В результате опроса выяснилось, что:

- главным информационным источником остаётся «сарафанное радио»;
- в огромной многонациональной стране нет централизованной площадки, объединяющей всех литераторов;
- среди писателей бытует полная неосведомлённость о месте и времени проведения литературных фестивалей;
- в воздухе уже давно витает идея создания главного литературного фестиваля фестивалей;
- нужна новая концепция литературного журнала;
- нужна интерактивная карта литературных фестивалей.

И уже в сентябре 2015 года группой писателей было принято решение о создании «Первого Всероссийского Литературного Журнала ЛиФФт».

16 октября журнал был зарегистрирован в Роскомнадзоре.

И в тот же день коллектив журнала приступил к подготовке «Первого Всероссийского Фестиваля Фестивалей ЛиФФт».

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

В каждом из регионов России ежегодно проходят литературные фестивали, целью которых является сохранение и развитие культурных традиций, объединение известных, а также молодых талантливых авторов, принадлежащих к различным литературным направлениям. Для участия в литературных фестивалях привлекаются наиболее активные литературные общества, наиболее развитые сетевые литературные ресурсы. Целью каждого фестиваля является привлечение внимания к литературе и определению, путём голосования профессиональных литераторов, победителей среди поэтов и писателей.

В настоящее время талантливые поэты и писатели, как правило, не имеют возможности заявить о себе, кроме как в региональном кругу литераторов. Учитателей почти нет возможности познакомиться с лучшими произведениями современности. У общественности нет представления о многообразии и многогранности литературного процесса на всей территории РФ. В мировом восприятии российской словесности нет достаточного представления о широкомасштабном литературном процессе в нашей стране.

Литературный журнал «ЛиФФт» выступил инициатором проведения «Первого Всероссийского Литературного фестиваля фестивалей ЛиФФт».

Задачи «Первого Всероссийского литературного фестиваля фестивалей ЛиФФт»:

- предоставить возможность литераторам восьмидесяти пяти регионов РФ встретиться на одной литературной площадке;
- дать возможность каждому региональному победителю испытать свои литературные таланты на главном литературном фестивале фестивалей «ЛиФФт»;
- показать российской и международной общественности всю широту и многогранность современной российской литературы;
- дать читателю возможность выбора в определении своего писателя и поэта.

«Первый Всероссийский Литературный Журнал ЛиФФт» приглашает региональные ведомства культуры к сотрудничеству в организации и проведении фестиваля «ЛиФФт».

Приложение №1

• Жюри Первого Всероссийского фестиваля фестивалей «ЛиФФт»:

1. Представители от министерств культуры каждого региона РФ (каждый регион имеет один голос).
2. Представители от литературных фестивалей РФ (каждый фестиваль имеет один голос).

Приложение №2

• Порядок выдвижения произведений на соискание премии Первого Всероссийского фестиваля фестивалей «ЛиФФт».

Правом выдвижения на соискание премии фестиваля ЛиФФт обладают:

1. региональные министерства культуры РФ;
2. представители литературного фестиваля.

Каждый номинатор имеет право выдвинуть не более двух произведений. Одно – прозаическое произведение, другое – поэтическое.

На соискание Премии могут выдвигаться первые издания литературных произведений, подписанные в печать в период с 01 января 2015 года по 31 марта 2016 года.

Произведение не может быть выдвинуто на соискание премии фестиваля повторно.

Если произведение, написанное в соавторстве, становится лауреатом премии фестиваля, денежное выражение Премии делится между соавторами в равных долях.

Максимальный объем произведения не ограничен.

Приложение №3

• Время и место проведения фестиваля «ЛиФФт» 2016 г. (по итогам 2015 года).

06.06.2016 г., в день рождения А.С. Пушкина – открытие фестиваля. Москва. Пушкинская площадь – главная литературная площадь страны.

06.06-08.06 2016 г. – мероприятия фестиваля. Центральные библиотеки г. Москвы.

Приложение №4

• Время и место проведения фестиваля «ЛиФФт» 2017 г. (по итогам 2016 года)

Регион РФ победителя фестиваля в 2016 г.

06.06.2017 г., в день рождения А.С. Пушкина – открытие фестиваля

06.06 – 08.06 2017 г. – мероприятия фестиваля.

Республика Тыва

Зоя Донгак

Зоя Донгак

ЗАСУХА

Отрывок из повести «Душа шамана»

*«Только веки я прикрою –
Кок-карак и там, и тут,
За окном шаманы воют,
Мне покоя не дают»*

В тот год лето было сухое. Горячий ветер дул в полях с утра до вечера, и с этим ветром будто летели языки чёрного пламени, словно ветер сдувал огонь с солнца и нёс его по земле. Земля трескалась от жажды, трава желтела даже в долинах, многие речушки высохли, обнажив круглые камни. В полдень всё небо застилала мгла; огненный зной палил землю и обращал её в мёртвый прах. Мгла закрывала яркое солнце, и тогда на него можно было смотреть, как на луну, словно плывущую в тумане.

Араты готовились к перекочевке на летние пастбища. Горячий воздух. Солнце стояло над головой с четырёх часов утра. Звёзды в рассветном пекле. Хмельной, пьянящий аромат. Сна нет. Измаяла жара и бессонница. Всё живое томится в дреме, сраженное усталостью. Сонное течение времени... Пот. Ручьи пота. Тяжесть собственных рук и ног. Блеск полуприкрытых глаз. Тяжелое забытие на рассвете.

– Туда бы, туда вслед за мыслями о сочной траве, что жуют сарлыки-быки на снежной вершине Монгун-Тайги... Тешить себя, думать о прохладе, о свежести, – уговаривал себя Конгур.

Жжёт земля. Однако наступил трудовой день, пора открывать глаза. Открывать через силу. Ох, как не хочется, как не хочется... Уже встает день, бредут сонные женщины, еле передвигают ноги, чтобы разжечь огонь, сварить чай, подоить сарлыков. Разливается рассвет. Туман рассеивается, солнце, искрясь, брызжет первые лучи на землю. Надо сильно стегнуть лошадей, овец, коз, может, тогда они очнутся от спячки. Удары и крики выводят животных из сонной неподвижности, и они, наконец, и медленно, очень медленно начинают передвигать ноги.

Араты. Жжет одежда, провисшая под телом, влажная от пота. Вот так, покачиваться тихо-тихо, чтобы расшевелить воздух, размять слипшиеся, онемевшие члены. Лица.

– Амыр-ла! Добрый день! Других слов нет.

– Амыр-ла! амыр! Добрый день! Все те же самые.

– Орге чылгаар ол чок – нет ни капли влаги, которую лизнул бы суслик.

Да и зачем нужны другие слова, если снова и снова приходит такой же жаркий, удушливый день?! Говорят, труд приносит радость. Это все – рассказы. В такую жару и приступаешь к делу с неохотой, и делаешь его через силу, и завершаешь без удовольствия. Лежать бы в юрте, а работа пусть сама делается... Убежать бы от этого дня, вырваться из этого ада.

– Ладно, соседи, утро уже на исходе, а мы все валяемся! – говорит Конгур.

Из юрты вышла молодая соседка Хорлуу. Грустно смотрит она на солнце. Мало было у неё любви с мужем, который скончался от чумы; теперь же нет ничего. А так хочется мужской ласки. Согретый теплыми лучами солнца ее ребенок в юрте, кажется, проснулся и заплакал. Нет. Хорлуу, пахнущая молоком, склонилась над сыном, который по-прежнему спал в люльке, стала нежно будить его, чтобы покормить. «Не было бы жары», – думала Хорлуу, поддерживая пальцами грудь, полную молока, и давая её ребенку. Бедненький! Не видя, что делает, измученная зноем, она брызнула молоком младенцу прямо в глаза, но это не помешало ему впитаться в грудь и зачмокать, вращая зрачками то в одну, то в другую сторону. Так он и сосал грудь, глядя по сторонам. Наевшись, малыш улыбался и протягивал к ней свои пухленькие ручки.

Молодая мать от его невинной улыбки ожила, её щёки опалил румянец; она встала и, тихо напевая, шла доить сарлыков.

Конгур знал, что в ближайшее время дождей не будет: он хорошо понимал народные приметы, и поэтому молился и выжидал. Он говорил Холураашу: «По Луне твоя бабушка определяла прогноз погоды. Очень важен Айнын чаазы, восход растущей Луны, и Айнын эргизи, закат убывающей Луны. Если растущая Луна в 3-8 числах будет худая, тогда Черное небо станет гневаться, а если в этих же числах Луна будет жирная, тогда Черное Небо станет доброжелательным. А если убыва-

¹ Амыр-ла! – Здравствуйте!

ющая Луна в 22–28 числах будет похожа на худенький серп, тогда Черное Небо станет сердиться, а если в этих же числах Луна покажется как жирный серп, тогда Черное Небо будет спокойным».

В начале июня, в ясный, знойный день, Конгур наконец-то сказал, что нужно провести обряд в честь Монгун-Тайги, собрать народ у её подножия и подняться к оваа².

Пешком и на лошадях устремились люди к священному месту. Потные, задышающиеся, изнемогающие от жажды, они часто останавливались посмотреть вверх – в синюю мглу неба. Измученные животные валились с ног. Донимали комары, тучами осыпавшие путников. Чем выше, тем труднее было подниматься на гору. Люди глохли от своего же тяжелого, шумного, жаркого дыхания: в уши бил тяжкий вдох, тяжкий выдох. Люди слепли от пыли, которую подняли. Несмотря на мучительную жажду, иссушившую губы и языки, люди поднимались все выше и выше.

Холурааш, сын Конгура, который только постигал мудрость шамана, шел за отцом и время от времени пил воду из когээржика³. Свою кожаную фляжку он иногда давал и Конгуру, чтобы и он мог утолить жажду. Холурааш видел, как тяжело отцу. Он почему-то вспомнил чёрную смерть, которая забрала многих людей и его любимую маму, как сильно переживал тогда отец. Вспомнил он переправу через реку Барлык, где чуть не утонул сам. И он захотел скорее стать сильным, мудрым шаманом, чтобы проводить такие обряды, а папа пусть отдыхает в юрте.

Это было утомительное шествие. Под конец люди уже с трудом держались на лошадях, покачиваясь из стороны в стороны. Они с огромным трудом добрались до оваа. Наконец и те араты, которые шли за наездниками, тоже поднялись на священное место. Здесь был сложен священный шалаш из веток тальника, которые араты ежегодно обновляли. Это оваа было известно людям столетиями. Холураашу оно показалось огромным, величественным. Араты привезли с собой на волах-сарлыках белый тальник и закрыли им сухие ветки.

Тальник украсили разноцветными чалама⁴. В священный шалаш можно было войти, как в юрту. Внутри на земле лежали широкие и ровные камни, на которых стояли ширээ⁵, украшенные орнаментом. На них араты поставили самые изысканные тувинские блюда – подношение духам горы и тайги. Конгур вместе с дядей-шаманом Бадарчы провел обряд.

– Моё Чёрное Небо! Прошу тебя послать нам дождь! – произнес мощным голосом Конгур, призывая всех повторять эти слова вместе с ним. – Моё Чёрное Небо! Прошу тебя послать нам дождь!

– Наше Чёрное Небо! Просим тебя послать нам дождь! – вместе с Конгуром молили араты.

Ясное, голубое небо вдруг затянули чёрные тучи. В этот жаркий день наконец-то полил долгожданный дождь. Обрадованные араты просили у духов, чтобы зеленела трава, не болел скот, не высыхали реки. Они поверили в могущественную силу шаманов, сохранив надолго в памяти впечатления этого радостного дня.

– Все рады. Видите? Собаки и те от радости хвостами крутят! Они тоже понимают, что с сегодняшнего дня не грызть им больше сухих костей, – с радостью обратился Конгур к аратам. – Дайте им похлёбку из костей да с добрым куском мяса.

На другой день Холурааш опять пришел на это священное место. На пустыре, вокруг оваа, уже выросла трава, поднялись цветы, над ними летали птицы, кружились бабочки. От цветов шло благоухание. Ритуальная пища была не тронута.

Холурааш стал подниматься на гору выше оваа и вдруг остановился. Между двух тесных камней пробивался к солнцу цветок. Холурааш нигде не видел такого цветка – ни в поле, ни в лесу, ни в горах. Он сел на землю возле цветка.

– Тут камни! Тут почти нет глины. Как ты вырос? Отчего ты на других непохожий? – сказал он цветку.

Тут Холурааш будто услышал:

– Оттого, что мне трудно.

– Как же ты из камней вырос и не умер, маленький такой? – спросил Холурааш.

– Не знаю, – сказал цветок.

Холурааш склонился к цветку и поцеловал его в светящуюся головку. Цветок рос из середины теснившихся камней; он был живой и терпеливый, как Конгур, отец Холурааша, и даже сильнее его, потому что он жил в камне.

Холураашу показалось, что цветок тянется к нему, что он зовёт его своим безмолвным благоуханием. Этот цветок – менги чечээ⁶ – был символом бессмертия.

² Оваа – место поклонения духам горы.

³ Когээржик – кожаная фляжка.

⁴ Чалама – ленточки или лоскутки ткани, привязываемые тувинцами к деревьям в виде подношений духам местности: перевала, горы, реки и т. д.

⁵ Ширээ – низкий столик.

⁶ Менги чечээ – ледниковая роза.

Республика Бурятия

Амарсана Улзытуев

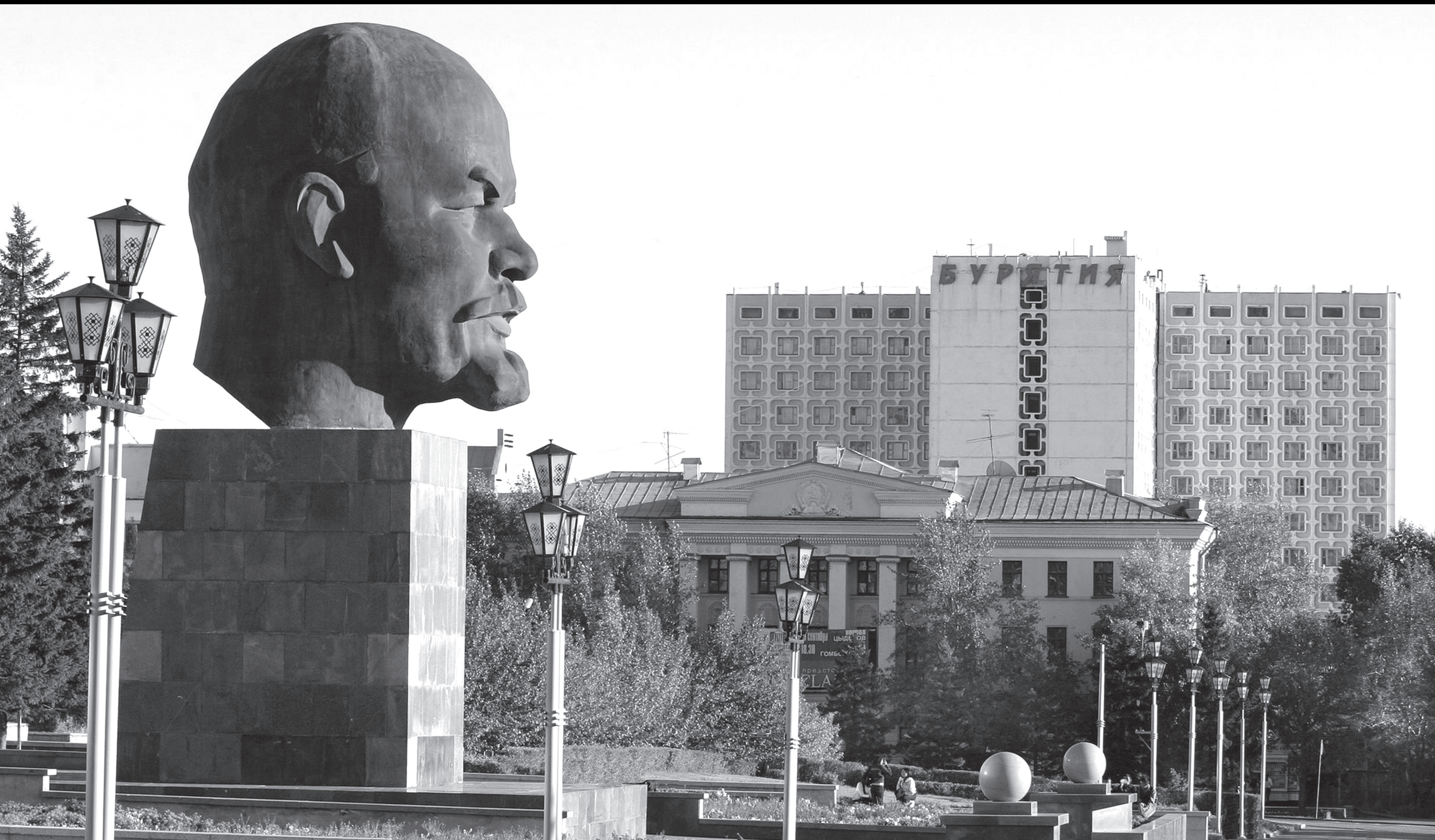
Булат Аюшеев

Аркадий Перенов

Булат Молонов

Амарсана Үлзытүев

Это было самое чудесное что я слышал и видел за последнее время,
Говорила, что она только учится, а сама оказалась волшебницей,
Маленькая царевна-буфетчица с дредами и большими глазами,
Взмахом одним убила – из маленькой четырехструнной гитары.

Что она спела по просьбе единственного покупателя сосиски в тесте?
Что-то прекрасное, словно плач Ярославны, из их – регги репертуара,
Но только что разогретый пахнувший аппетитно фастфуд
Начал остывать – осуждающе и сиротливо...

Я сразу влюбился в этот голос цикады – нежный и терпкий,
В яхонтовые персты, в танцующий стан, проповедующий простоту и нежность,
И в эту миниатюрную и хрупкую, как ее хозяйка, гавайскую гитару,
Поэту много ли надо – послушать игру на цине да на укуле ле...

Бывший менеджер по туризму, полмира объездила автостопом,
Свивши волосы в растаманские косички,
И бегает вольно над крутыми обрывами байкальского малого моря
Играя с чайками, ее трехлетний малыш – лохматоголовый под Боба Марли...

И я успокаиваюсь – мне говорят этот малыш, он обучен и к обрыву ни за что не полезет,
И я уже ничего не прошу ни от Будды, ни от бога Джа, ни от украинского бога войны Ненде,
Лишь бы еще раз мне спела эта великодушная девушка на укуле ле,
Бил бы по джембе бам-бам, простодушно, ее супруг – этот клевый парень...

И я успокаиваюсь – от этой мимолетной песенки – ведь к обрыву никто не полезет,
Ибо верю, всякий теперь – как от взмаха крыла бабочки – на тысячу лет спасется,
Тревожно, хотя, комони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле...

Аркадий Перенов

АЧИ

Тополя в кругоряд и шкатулка Селены пуста гулками громами и весь мишуган
внедренный в сознание поллистикой облетевшей зелени с проблеском красного, синего
В термодинамике ушедшего раннего коммунистического
Отброшен и скомкан в коммюнике птичьих альфредохичковских и гудви-ужасных
Оглядемся, опомнимся покидая с другими дивергентами поезд Пелевина
Перекувыркнувшись и падая в тяжелый песок крыш многоэтажек тяжело и отдышливо
пропускаем через уголь легких полынный абсент-абсидент.
И с ними же тянули веревку охватив за шейные позвонки бронзовых достаточных
полидевков в своих струйных одеждах
И наконечники тупоголовых в сожгетовых евро-окнах оставляя отверстие под пули-гули
Странно мы были живые, конечно немного ломастеры
Все в наших руках и туловых, этот джа он не кончится с чингизидовой музыкой
Уже в терракоте по пояс, в нефрите, но на улах а холодных кэдах стоим и помним про жили-были
в рейхе синих комбинезонов, Кобзона, но и Валерия Ободзинского и
устремленных гук в небо по счету седьмое
И лепестком раскрывается бук , посылая rakety на волю и откуп чужим.
Но сообразительность и разум давались с первых дней
Ресницы и изгиб бровей и Supyltura всем новьем блистала,
Но тверже жесткого лица государя
И не тревожим мглы и быстрых умалений дара

Бүлэт Аюшеев

АЛТАН-БҮЛАГ

Вдруг подошли десять черных старух
с корзинами за плечами, с лопатками в руках
и стали дружно забрасывать дом Цибикова кизяком.
Потом так же молча удалились.
«Алтанбулагские старухи», – подумал Цибиков,
радуясь, что есть теперь чем растопить печку.
На плите как раз был установлен цветной китайский чайник.
Жена Цибикова и пять его детей
стояли в порядке убывания на коленях перед божницей.
Скоро послышался сухой запах поджигаемого аргала.
Огонь запрыгал, фиолетовый по краям.
Старухи уже отошли на порядочное расстояние
и походили на караван верблюдов.
Ничего им не попадалось.
Будь коровы сознательней,
нарочно бы оставляли на их пути лепешки.
Цибиков стал курить.
Курил долго и горько.
Мукденские воспоминания его теснили.
Наконец обида стала так невыносима,
что Цибиков достал из коробочки хорошую бумагу
и принялся писать тоненьким пером по-старомонгольски.
«Я, бывший казак Российской империи
Цаган-Усунского караула Дамдин-Дугар Цибиков,
родился в г. Троицкосавск в 1874 году
и был призван на действительную службу
из караула Киран в 1895 году».
Цибиков задумался.
Его теперешнее жилье походило на скворечник.
Позади дома был разбит жалкий огород.
От высокого и неравномерного плетня
на грядки с чесноком
падали сквозные тени.
По утрам полосатые дети молча щипали сорную траву.
Поймав кузнечика, разглядывали его на свет
и, бросив жребий, съедали.
Ночи были особенно холодны.
Звезды, удивительно яркие, периодически мигали.
Детям казалось, что это оскаленные черепа,
внутри которых беспокойно горит огонь.
На свет луны, падавший в единственное оконце,
старались не наступать.
Луна висела огромная, ослепительная.
Степь от нее была голубоватая...

ПРАЗДНИК НОМИН

Взятый в осаду войлочным войском юрт шумит Улан-Батор.
Праздник Номин. Играет музыка громко.
Фрики монгольские в ярких париках фотают друг друга.
Дворники в желтых накидках громыхают тележками от урны к урне.
В городе весело, а за городом пустынно.
Солнце садится. Невозмутимый ветер уносит к облакам целлофан...

Бүлэт Молонов

ГАНСАРА

Клятва бодхисаттвы

Рваные серые тучи спешили на Восток. Солнце устало освещало Землю. Порывы ветра рвали орхимжо, швыряли сухие жёлтые листья в лицо Сультиму. Сультим, монах-гелонг монастыря Даши-Лхунболинг, сидел на коленях на краю рва и, сложив ладони у себя на груди, закрыв глаза, готовился к тому мгновению, когда пьяный комиссар подойдёт к нему и одной, всего лишь одной маленькой, но очень злой пулей из своего чёрного страшного маузера прервёт его жизнь в этом теле.

До слуха доносятся выстрелы и звуки падающих в ров тел друзей Сультима, лам монастыря Даши-Лхунболинг, он слышит, как ламы начинают напевать мэгзэм, и начинает подпевать им: «Мигмед зэви дэрчен Жанрайсиг, димед ченби ванбо Жанбиян, дудбун малуй жомзад Санбидаг, ганжан хэйби зугжан Зонхаба, Лобсандагби шавла Солвандэв».

Нет! Нет в сознании у Сультима страха за свою жизнь, нет сожаления о том, что он выбрал себе этот путь, нет сожаления о том, что он не оставил монастырь, как многие, а продолжил вести монашескую жизнь, зная, что наступит час, когда монахов объявят врагами народа и начнут всячески преследовать их и вредить им, вплоть до убийства. Старый седой Балбар Багша после Майдариин Хурал подозвал Сультима и сказал, чтобы он всё-таки оставил монастырь и ушёл к своей семье в Урда-Шанаа, иначе он рискует встретиться с Хозяином смерти, не успеет даже выпасть первый снег, как Сультим пойдёт за Хозяином смерти, если не оставит монастырь. Так говорил старый, седой, мудрый Балбар Багша, глядя тепло и ласково в глаза Сультима. Но Сультим не оставил монастырь.

Не прошло и месяца после Майдариин Хурал, как Балбар Багша ушёл в чистые земли Будды Амитабхи. Сультим похоронил своего Учителя, рядом с которым прожил всю свою сознательную жизнь с семи лет и ждал этого момента, готовился...

Нет! Нет в сознании у Сультима страха за себя. Зато есть страх за тех, кто привёз их сюда и вершит над ними суровый суд. Сультим читает юроол. «Пусть те, кто сейчас вредит мне, обретут своё счастье, пусть те, кто смеётся надо мной, станут счастливыми, пусть у тех, кто убивает меня, всё будет хорошо, пусть у них не будет никаких проблем, ни голода, ни болезни, ни бедности, пусть их близкие тоже будут счастливыми и пусть все беды, которые есть на этом свете, обойдут их стороной!».

Сультим дает клятву: «Пусть моя добродетель смоеет их грехи, как смывает ливень чёрную пыль с дороги, пусть я обрету рождение рядом с ними и буду помогать им изо всех своих сил, пусть я стану едой и питьём им во время страшного голода, пусть я стану для них нескончаемым источником дохода во время разгула нищеты и бедности, пусть я стану лекарством для них во время страшных эпидемий и болезней и пусть я буду чуткой и доброй медсестрой рядом с ними, если им понадобится то, что есть у меня, пусть я отдам им всё своё имущество не жалея, и даже если они придут за моим телом, пусть я отдам им его без раздумья, пусть я стану защитником для них во время яростных войн!»

Подошёл пьяный комиссар, поправил фуражку, отлебнул из бутылки самогона, приставил к затылку Сультима чёрный ствол маузера и нажал на курок: «Тыц!» – патроны кончились... «Мигмед зэви дэрчен Жанрайсит! Димед ченби ванбо Жамбиян!» – напевают ламы, никто не кричит, никто не просит пощады... уходят монахи Даши-Лхунболинга в чистые земли Будды Амитабхи без страха и сожаления... уходят на встречу к своим Учителям, которые встречают их с добрыми улыбками на скуластых лицах.

Перезарядил пистолет, степенно приставил к затылку Сультима чёрный ствол и нажал на спусковой крючок: «Тыжщщщ!». «Болтогой!» (Да будет так!) – выдохнул Сультим, падая в ров, наполовину заполненный трупами в бордовых одеждах. Упал в ров Сультим с злой пулей в голове и ушёл исполнять свою клятву! И сбудутся его юроолы и сдержит он свою клятву!

Солнце уже садилось на Западе, когда прекратился мэгзэм. Комиссары сели в грузовик и уехали, оставив за собой облако пыли. Прилетел чёрный ворон, сел на закопанный ров и слеза... чистая, светлая слеза скользнула из чёрного глаза ворона и упала на свежую землю. «Каррр! Каррр! Каррр!»

Не знаю, правда это или ложь, но говорят, что даже теперь, спустя восемьдесят с лишним лет, на этом месте боро хараанда (В сумерка) слышится, как напевают мэгзэм расстрелянные во время сумасшедшего времени монахи Даши-Лхунболинга. Это мне один старый хонишон (пастух) рассказал, который в этих местах пас баранов более сорока лет. Верю я ему. Верю.

Ўборка

Хэшэгтэ прилетел на Боинге в Шеремтьево-2, где его встретил Баяр-ахай. Встретил с улыбкой на широком светлом лице, встретил с тёплыми объятиями и множеством разных вопросов, накинул

ему на плечи тёплый пуховик, потому что в Индии, откуда прилетел Хэшэгтэ, сейчас стоит жара, а в России поздняя осень, и Хэшэгтэ в лёгкой ламской одежде был несказанно рад этому пуховику.

Хэшэгтэ пробыл в Индии долгих двенадцать лет, где прошёл курс философии и закончил Парчен в учёном звании геше. Эти двенадцать лет он неустанно занимался и, надо признать, заслуженно считался одним из самых лучших студентов своего курса.

Баяр-ахай учился в аспирантуре и жил в секционной общаге со своей подругой Оюной, куда он и привёз Хэшэгтэ. Там их ждали бухулёор, горячие буузы, ногоон сай, всякие салаты – в общем Баяр-ахай встретил Хэшэгтэ в лучших традициях бурятского гостеприимства.

Утром Баяр-ахай и Оюна ушли по своим делам, оставив Хэшэгтэ одного. На холодильнике записка: «Һанаа һаа, газаагуур эндэ тэндэ ябаарай. Болгоомжотойхон байгаарай даа» (Если захочешь, погуляй на улице. Будь осторожен). Ключи и 2500 рублей.

Вышел Хэшэгтэ в туалет, а там срач. Запах невыносимый, и видно, что лет сто никто не делал уборку. Общественный туалет. Хэшэгтэ сморщился, типо: «Фууу!», – но потом у него в сознании родилась мысль: «Этот туалет можно взять и вымыть. Тряпку, какие-нибудь моющие средства, минут тридцать делов, и этот туалет будет блистать чистотой. Другое дело моё сознание. Оно грязнее этого туалета в десять тысяч раз, и не так просто отмыть эту грязь». Сходил, принёс ведро, порошок, тряпку. Через час туалет блистал чистотой.

Хэшэгтэ шёл по улицам Москвы, проходил мимо Мавзолея, заходил в музей.

Прошло два дня с того момента, как он сел на поезд и махнул рукой Баяру-ахай с Оюной: «Баяр-тай!» – и поезд тронулся на Восток. Сидит Хэшэгтэ на своем месте в купе в позе лотоса и чистит своё сознание от грязи: «Ом маани бадме хум!»

Нож

Баиру достался старинный бурятский нож со всеми принадлежностями (сахюур и т. д.) от его отца, старого и мудрого Баирай баабай, который ушёл в Вечное Синее Небо этой весной, когда стояли злые ветра и аянай шубууд (перелетные птицы) возвращались с Юга. Это был нож, отделанный серебром и украшенный кораллами и бирюзой, острый, как бритва, красивый, как полёт Степного Орла над просторами Бурятии, тяжёлый и холодный, опасный и хранящий в себе дух скуластых и смелых предков, которые встречали опасность лицом к лицу, не прячась за высокими стенами, которые были быстры и дерзки и не давали себя в обиду и всегда готовы были постоять за себя, за свою жизнь, честь и достоинство, не постояя за ценой, даже если этой ценой была их жизнь. Это был нож, который передавался из поколения в поколение, от отца к сыну, и теперь этот нож перешёл к Баиру.

Баир учился в аспирантуре в Москве, учился уже третий год и уже заканчивал её, работал в одной торговой компании и планировал остаться жить в столице России городе-герое Москве. У него была подруга Оюна, и они жили вместе уже два года. Прошлой зимой Баирай баабай съездил в Ярууну к родителям Оюны и хадаг табяа (посватался). Свадьбу запланировали на осень, но с кончиной баабай перенесли на неопределённое время.

С Оюной Баир жили душа в душу, всё у них было хорошо. Работа нравилась, снимали квартиру и даже собирались взять ипотеку и купить своё жильё.

Однажды Баир взял с собой нож показать его друзьям, типо смотрите какой кайфовый бурятский нож. Все брали его в руки и восторженно цокали языками: «Цэ! Цэ! Цэ!» После работы Баир с ножом в кармане вышел из офиса и пошёл в подземку, ехать домой. И тут-то случилось то, о чём я вам так хотел рассказать и почему, собственно, начал стучать по своей клавиатуре.

В пустынном переходе метро на Баира налетели шесть отморозков скинхедов. Баир вытащил свой нож, тот нож, который передавался из поколения в поколение в его роду и бросился в бой. Никакого страха, никакой жалости, слепая ярость. Драка была короткой и кровавой. В Баире проснулся воин, он дрался, как лев, без оглядки на прошлое, без жалости к врагам, без жалости к себе, потому что понимал, что пощады ему не будет, и поэтому Баир не щадил их, он бил ножом, который превратился в продолжение его руки, слился с ним, бил и опять бил, не чувствовал боли, дрался до последнего, пока гордое и дерзкое сознание не покинуло его истерзанное тело и не устремилось сквозь серые тучи Москвы в Вечное Синее Небо.

Стены перехода были обрызганы кровью. Трое скинхедов со смертельными ранами остались лежать на холодном полу перехода вместе с Баиром, на жилистом теле которого врачи насчитали более сорока ножевых ран. На лице у Баира застыла улыбка, и менты никак не могли вырвать из его рук нож, тот нож который перешёл к нему в наследство от его отца. Баир ушёл в Вечное Синее Небо с ножом в руке в кровавом бою, он ушёл в Вечное Синее Небо без страха и жалости, он ушёл в Вечное Синее Небо и оборвался его род, и старинный бурятский нож уже не перейдёт дальше, уже не будет он красоваться на торгон бүһэ мужчины из рода Баирай баабай.

Лежит старинный бурятский нож, украшенный кораллами и бирюзой, в сейфе кабинета следователя районного ОВД города-героя Москвы в целлофановом пакете. Вещественное доказательство.

Иркутская область

Алексей Гедзевич

Анна Асеева

Екатерина Боярских

Алексей Шаманов

Алексей Гедзевич

COMMEDIA DELL'ARTE

1

Усни.
 Не преврати в улыбку
 Игру без смысла, правил и конца.
 По дну ущелий твоего лица
 Лежит роса,
 В ней ползают улитки.
 Их хищный шепот впитывает мох,
 Скользит охота сумерек и чисел,
 Охотники пересыпая бисер,
 Отлавливают каждый взгляд и вздох.

О, математики суровой простоты,
 Баллистики упругих траекторий,
 Соединяя ложь своих историй,
 Плетут координатные ходы,
 Которыми покрыта Ты.

Заглядывая в пропасти стволов,
 В листья и травах заложивши уши,
 Перемещают дымчатые туши
 Предошущенья дымчатых котов.

Им ведома ночная вязь игры,
 Они лакают сны в Твоих ресницах,
 Едины похотью во многих лицах,
 Гипнотизирующие вялы и добры.

Усни.
 Свет электрических полос
 По линиям твоих татуировок.
 И в проволоке спутанных волос
 Протянут оголенный провод.

Нерв сна.
 Его коснуться – смерть.
 На нем висят обугленные трупы.
 Но звери жаждут впитаться в твои губы –
 Ты их сжигаешь сонным стоном – «нет!»

Доверенная алгебре игры,
 Ты раскрываешь плоть свою средь мглы.

Усни.
 Пусть ритуал игры твоей,
 Когда все тело – клавиша бессилья
 И истекают соком апельсинным
 Обрубленные пальцы клавишина –
 Театр злой испуганных зверей.

*Мышьяк подсыпан у норы крысиной
 И пахнет псиной по дороге к ней.*

2

Когда исчезнут наши имена
 Во мхах и трещинах на камне,
 Когда бумага потеряет память,
 Истлевших судеб пряча письма –
 Наступит Осень
 И ее страна
 Дождями ржавчины падет меж нами
 В века дорог и листопады сна.

Прощай!
 Меня уже зовет
 Желанный дымный мир предгорий,
 Где звездами унизан небосвод,
 Где капля – мед
 И сотни лет течет
 По дну на миг исчезнувшего моря.

Меня манят чужие города.
 Их пьяные развалины качает
 Ирония
 И бьется о причалы
 Нетрезвая субстанция начала –
 Уже вино – еще почти вода.

В пустынях побережий тосковать,
 Пить ветра вой –
 Прибоя вечный эпос,
 Где космос –
 Острова
 Крит, Родос, Лесбос...
 Искать слова
 И забывать слова.

МОЯ МАТИМАТИКА
(ОТРЫВОК)

...Разбивается чаша утра.
 Начинается плачь гитары.
 Где-то движутся саламандры,
 Перемалывая писсуары
 В огнедышащей камасутре.
 В бесконечных кинотеатрах
 В жабы жабых левиафанов
 Перемолотые скафандры
 Мезозойского океана
 Сыплют движущиеся саламандры.
 В книгах зло.
 Мы застыли в книгах.
 Утром сутры, а в полночь мантры
 Скорлупою свинячих свингов
 Хрупко трескаются скафандры
 Это движутся саламандры

Анна Асеева

Екатерина Боярских

Мой обыватель! В этой стороне
 Обычно обувают тех, кто проще.
 Давай с тобой повоем при луне,
 Давай при солнце выползем на площадь,

Давай расскажем людям про людей,
 Что пишут книги и рисуют – книги,
 Что на планете столько площадей,
 Где жгут иных, инаких и безниких –

Нам это проще, мы ведь не из них.
 Какое время: свято место – пусто!
 Что в имени твоём? Скажи мне ник.
 Не развенчай иллюзию искусства.

В ЭТИХ КОСАХ
НИ МЕДИ, НИ МЁДА

В этих косах ни меди, ни меда,
 Серебра не найти до поры,
 Забайкальская наша порода –
 Цвет осенней сосновой коры.

В этом сердце иные печали,
 Мир в раскосых глазах не велик.
 Не крестившись перстами с мечами,
 Мы узнали Божественный лик.

Это солнце все так же скуласто,
 Знойно-ветренный наш оберег.
 Мы рожаем шаманскую касту,
 Избегая стези матерей.

Что мне взгляд твой невысказанно синий!
 Не желай ты меня, не жалея.
 Мне в заржавленной этой полыни
 Не понять васильковых полей.

Наше время уже истекает
 В плосколицые степи дождём.
 Русский брат мой – не Авель, не Каин –

Не для этого места рождён.

ничего не будет после солнца,
 гаснущего медленно вдали
 и шмеля, летающего сонно,
 женщина мертва. но жив Дали.
 ты еще жива, моя старушка.
 синь сосёт глаза и васильки.
 гаммельнская глупая норушка
 захлебнулась воздухом реки.

Секретная местность, жалкая
 у тебя под ногами.
 Там муравьи и траурницы
 будут твоими богами.
 Земля чаши делает,
 в них клевер плавают.
 Старые станут малыши,
 а мы травами.
 Когда корни высохнут,
 дольные станут дальними,
 когда слёзы высохнут,
 торные станут тайными.
 Ты тоже высохнешь,
 будешь сморщенной, скорченной.
 Когда ты высохнешь,
 они станут ласковы.
 Живи в муравке, в морошке,
 в мурашке,
 в семечке,
 не знай ни проклятия,
 ни спасения.
 Спи у гробницы детства,
 у времени в самом темени.
 Слишком малы, чтоб спрашивать
 воскресения.

ТАМ ЛОШАДЬ

Я говорю, там лошадь.
 Какая лошадь? Не знаю, какая лошадь.
 Лошадь, похожая на тебя.
 В мелкую клеточку, да?
 В белую кисточку, в чёрную звёздочку.
 В огненных стрелах.
 Лошадь, похожая на тебя.

Сторож, похожий на ветер,
 разводит костёр, проступает пламя,
 пламя, похожее на тебя,
 бесцветное.
 Можно смотреть долго,
 можно простыть, можно пойти дальше.
 Если зайти далеко,
 станут встречаться люди.
 Все они мне как дети,
 дети, похожие на тебя.
 Пахло дождём, а шёл непонятный снег.
 Как поздняя электричка,
 робко светясь,
 вдоль огородов
 тянулась, тянулась, тянулась лошадь,
 ни на кого не похожа.

Алексей Шаманов

БЕЗДАРНЫЕ СТИХИ («ДНЕВНИК НИМФОМАНКИ»)

Третий сон Сергея Раевского

Она стояла на трамвайной остановке под фонарным столбом, еле тлеющим желтоватым светом. Одна. Трамваи давно не ходили. Маленькая собачка неопределенного возраста. Щенячьи коленки, худые лодыжки... на холодец, разве что... Кого-то Раевскому напомнила, кого вспомнить не смог. Нет, вспомнил, когда улынулась одновременно вызывая и робко и произнесла тоже чуть ли не с надрывом, но с интонацией просящей, извиняющейся заранее.

– Угостите даму сигаретой, молодой человек!

На даму была непохожа, похожа была на...

Она училась в параллельном классе. Звали Таней, фамилии не вспомнить. Если бы 21 год назад кто-то сказал Раевскому, что он забудет ее фамилию, задушил бы на хрен. Сам бы задохнулся от возмущения. Разве можно забыть?! Разве... А что, собственно, вспоминать? Действительно, что? Не было ничего. Ничего? Так уж и ничего? Ни – че – го.

И облик-то ее в памяти смутен, зыбок. Нос, скажем, Раевский помнил. Длинный был нос. Ну, может, не такой, как у Кристины Пугачевой до пластической операции, но тоже не подарок. Тонкий, с горбинкой. И сама тонкая, к счастью, без горбинки. Маленькая, хрупкая. Они и на пляже-то вместе не были, даже в купальнике он ни разу ее не видел, не то, что... Впрочем, и в пятнадцать лет у него было богатое воображение. В минуту дорисовывал остальное. Только живописью, блин, и занимался...

Если пойти по лицу дальше, слева и справа от носа располагались глаза, точнее, два глаза: правый и левый. Огромные, блестящие. Цвета Раевский не помнил. Помнил, блестело что-то, внутри, словно слезинки, вот-вот готовые пролиться.

Про уши можно было сказать только то, что они были. Если бы их не было, Раевский бы заметил и запомнил. Парадоксально: уши были, именно поэтому он их не заметил и не запомнил...

И белоснежные локоны до плеч. Тогда Раевский об этом не думал, но теперь понимал: вероятно, крашенные. Впрочем, тогда ему было все равно, теперь тем более.

Еще были губы, Раевским нецелованные, тонкие...

«Это свято для меня, – перебивает тот, пятнадцатилетний, – зачем ты рисуешь карикатуру? Это вошло у тебя в привычку? 20 с лишним лет не пошли тебе на пользу. Мне стыдно...»

Чушь. 20 лет никому не идут на пользу, тем паче с лишним. Они просто идут, черт бы их побрал. И зря тебе стыдно. Ведь ты хотел стать тем, кем стал. Тот, пятнадцатилетний, был попросту нежизнеспособен. В этом мире. Поэтому следовало:

А. Изменить мир;

В. Измениться самому;

С. Уничтожить мир;

Д. Умереть самому;

Е. Притвориться, что мир для тебя не существует;

Ф. Притвориться миру, что тебя не существует для него.

Пункты «Е» и «Ф» суть одно, рассмотренное с противоположных полюсов, как, впрочем, «А» с «В» и «С» с «Д».

«Ф» происходит всегда, миру и притворяться не надо, вне зависимости от настроения молодых людей, которые обычно выбирают «А», но происходит «В». Реже «Е», иногда «Д» и пока ни разу «С». Хотя, как знать? Может быть, мы живем в многократно уничтоженном и вновь возрожденном мире? Или... ладно.

В автобусе, снятом с городского маршрута, на уборку морковки ездило оба восьмых класса, полсотни учеников. Мест хватало на всех. Первые дни учащиеся группировались по половому признаку, по привычке: мальчики с мальчиками, девочки с девочками. Но Бессольцев сразу сел в обнимку с Леной. Они о чем-то говорили, смеялись. Все знали, что они дружат, что они спят. Все уже знали разницу между просто «спать» и «спать с кем-то». Им завидовали, но вида не подавали.

За их спиной сидели Ленка с Галей, увлеченно целуясь взасос. У Ленки была девушка, у Гали – парень, но в автобусе их не было, поэтому целоваться было можно. Прерывались подышать, и снова

припадали губами к губам. Шарили под одеждой друг друга, видимо, находили, что искали...

Две классные, не старые, кстати, чуть за тридцать, старательно ничего не замечали, любовались однообразными сельскими пейзажами Приангарья.

Убранные пшеничные поля со стогами соломы, обесцвеченная картофельная ботва, деревни в одну улицу вдоль шоссе и тайга, тайга вдоль обочин. И холмы, сглаженные, невысокие. И небо, низкое, нависающее, как своды полуподвала... Не баловал ту осень Господь погодой. Дождь не шел, но все собирался. Изредка моросило, но лениво как-то, не по-настоящему. Настроение портила одна только возможность дождя. О существовании Солнца напоминали восход и закат, остальное время суток Земля с отвращением вращалась вокруг блеклого серого карлика, изредка угадываемого сквозь облака...

Неромантичная была осень. Даже листва напоминала не классическое золото, а заброшенную свалку завода железобетонных изделий: ржавая арматура, низкосортный цемент, запах распада. Осень, мать ее...

На третий день Раевский чуть не опоздал. Свободное место осталось одно, рядом с Таней.

(Он так никогда и не узнал, что девчонки накануне договорились поделить пацанов, что Таня его отстояла в неприличной ссоре с матюгами и оскорблениями с двумя другими претендентками; он так и не узнал, что пользовался успехом, но даже если бы узнал, удивился бы, не поверил).

Раевский сел. Как себя вести, не представлял. Не он один. Юноши и девушки, сидевшие парами, утратили вдруг естественную веселость и способность изъясняться по-русски. Других языков не знали. Свой распух и едва помещался во рту. Еще обнаружилось, что есть руки, ноги, голова, и все это надо куда-то девать.

Таня на Сергея не смотрела, отвернулась к окну, вжалась в стенку, покраснела.

Автобус тронулся. Колени соприкоснулись. Раевский отдернул ногу, словно получил электрический разряд. Таню трясло не меньше.

На первых двух сидениях Хаймович и Бессольцев со своими девушками вполголоса говорили, смеялись, получали от ситуации максимум удовольствия. Хоть кто-то.

– Эх, Танюха, нам ли быть в печали! – воскликнул вдруг Раевский и, обняв девушку, накрыл ладонью маленькую грудь под тонким ситцем. Вряд ли Тане это понравилось, но руку она не убрала...

Весь учебный год Раевский дорисовывал остальное. Весь год он репетировал первую фразу, которой начнет с Таней разговор. «Привет, как дела», «Пошли в кино (на танцы)», «Алгебру сделала? Дай списать»... Последнее вообще исключалось – учились они в разных классах.

Молча тискать на глазах пятидесяти человек оказалось проще, чем подойти, улыбнуться и просто сказать «здравствуй». Он не решился. Или не захотел?

На каждых школьных «танцах» Раевский собирался это сделать. Иногда он приглашал ее на медленный, и они, тесно обнявшись, топтались в толпе, не замечая других, не слыша музыки. Молча.

Занятия закончились, оставалось сдать экзамены. После школьного последнего звонка пошли в парк. Раевский решил. Он не отходил от Тани. Он танцевал только с ней. Он поехал ее провожать. Он...

В трамвае Таня была с подругами, и Раевский с ними, единственный пацан. Как дурак.

– Сережа, твоя остановка, – сказала подруга. Остальным надо было выходить на следующей. И ему тоже. Он же ведь ехал провожать Таню. Он не отреагировал. Двери вот-вот должны были закрыться. Он же...

– Сергей, опоздаешь, двери закрываются!

Что ему двери? Он же едет провожать девушку. Любимую? Да, любимую девушку. Двери сходились медленно-медленно. Раевский один, как дурак, едет провожать любимую девушку, пусть закрываются. Он же ведь...

– Сергей!!!

Очнулся он на остановке. В ярко освещенных задних окнах трамвая маленькую Таню было не разглядеть...

После девятого класса Раевский ушел из школы. Устроился на работу, стал петь в составе местной рок-группы, играющей на танцах в городском парке. Появились деньги, девушки... Жизнь изменилась круто. О Тане он попросту не вспоминал.

В 18 лет осенью призвался в армию. Через полгода узнал из письма приятеля, что Таня вышла замуж за его одноклассника, незаметного такого, чуток даже пришибленного. Раевский все вспомнил, и сделалось ему очень больно. Вот что он тогда написал в казарме перед отбоем химическим карандашом на обрывке бумаги:

Ты теперь не та,

Да куда уж,
Ты, моя мечта,
Вышла замуж...

И в том же духе строф еще десять, не меньше. Абсолютно бездарные стихи.

– Огня даме дадите, молодой человек? – кокетливо спросила девушка на даму не похожая, но не похожая и на Таню из параллельного класса. Нет, не похожая. Как он мог ошибиться? Во-первых, лет ей было от силы семнадцать, а Тане сколько теперь? Ого-го... Во-вторых, третьих и так далее, общими у них были лишь стройный силуэт фигурки да светлые крашенные волосы. Распущенные. И вся она – распущенная, в меру вульгарная, не до синевы еще затасканная... Синева, впрочем, присутствовала – под левым глазом.

Раевский, щелкнул зажигалкой и спросил:

– Ты чего здесь стоишь?

Псевдо Таня прикурила и, глубоко затянувшись, выдохнула дым Раевскому в лицо.

– Трамвай жду.

Раевский инстинктивно отшатнулся.

– Какой трамвай? Не говори херню.

– А ты херню не спрашивай.

Она еще раз затянулась и пыхнула дымом в сторону Раевского:

– И сигареты у тебя – дрянь, – и усмехнулась, Раевскому показалось – презрительно, и развернулась одним движением на тонких каблучках, и пошла, демонстративно заработав бедрами, туго обтянутыми узкой черной юбкой с глубоким разрезом рабочей поверхности. При этом обезжиренные ягодички вели себя пайныками, не включаясь в автономное вульгарное вихляние. Так еще она и напевала:

Попробуй: м-о-о, м-о-о,

Попробуй: джага – джага...

Захотелось попробовать. Надкусить что ли... Мучительно. Встал, понимаешь, вопрос. Точнее – не вопрос. Но встал – точно. Бедрами работала профессионально. Удалялась медленно. Как бы и не удалялась вовсе, наоборот – притягивала. Дергала, как кукловод марионетку – за ниточки. Невидимые. Запахло керосином. Или бензином. Раевский понюхал зажигалку, которую до сих пор вертел в руках. Пахло от нее. Теперь и от рук... Раевский убрал зажигалку в карман и пошел вслед за девушкой. Не знал, надо ли, но шел. «А, может, Таня все ж таки? – думал. – Может, выскочила она из трамвая вслед за мной, дураком, с незначительным двадцатилетним опозданием? Может, блин, повторимо все? И пресловутое это «все» пойдет теперь по-другому? И плевать, что не те трамвайная остановка, город, время и девушка, плевать!»

– Эй, куда пошла? – крикнул. Остановилась на полушаге, на полуступе. Развернулась и снова одним движением. Строевую подготовку они что ли проходят, прежде чем... Прежде чем, что? Не хотелось об этом даже думать. Он и не думал.

– Грибы собирать, – ответила она, а Раевский уже и вопрос свой не помнил, так что ответ для него вдвойне дико прозвучал. Какие на хрен грибы?

И вдруг зазвенело у него за спиной, задребезжало знакомо. Он оглянулся. По улице Марата, где и рельс-то никаких не было, к остановке шел ярко освещенный красный трамвай. С отсутствующих проводов сыпались разноцветные искры.

Девушка к появлению трамвая отнеслась спокойно, сделала лишь шаг в сторону, подальше от рельсов. А трамвай, истошно звеня, искрясь, вывернул с Марата на улицу Горького, проехал десяток метров и встал, как положено, на остановке. Двери открылись. Девушка легко взойшла по ступенькам, обернулась.

– Ну, ты едешь?

– Еду, – ответил Раевский, но с места не сдвинулся.

– Ну, так поехали! – девушка поманила его рукой, взглядом, аппетитной миниатюрной фигуркой, идеально прямыми ногами и фингалом под левым глазом. Еще, она манила его несуществующей возможностью вернуться на 21 год назад и начать все с начала.

– Еду, – сказал Раевский, не двигаясь с места по-прежнему. Непонятно, кому он это сказал. Себе?

Двери со скрипом закрылись, трамвай тронулся. Но он не свернул на улицу Ленина, туда, где были когда-то (когда?) кем-то (кем? или даже – Кем?) проложены стальные стандартные рельсы, трамвай попер прямо по Горького, где рельс не было в помине.

В ярко освещенных задних окнах трамвая маленькую Таню было не разглядеть...

ИЗ ДНЕВНИКА МАРИНЫ БАТХАНОВОЙ («ДНЕВНИК НИМФОМАНКИ»)

Котенок Беленький

Буряты Иркутской области сплошь шаманисты или православные, а чаще и то, и другое разом. Буряты республики Бурятия исповедуют буддизм. Но и в шаманизме много чего из буддизма есть. Это я к тому, что в прошлой жизни я была тигром, или пантерой, или еще каким кровожадным хищником. Нет, я маленькая, рысью, наверно, или росомахой. Потому что как объяснить по-другому один случай из пятилетнего моего возраста, я не знаю. Случилось это уже после смерти бабушки Хомго, но про сказку о Звере Белом я даже и не вспоминала. Может, и зря...

Кошек я очень люблю. У нас дома три кошки, да и Коля Трифонов, когда узнал мое к ним отношение, котенка мне подарил. Я перед кошками виновата, а потому и любовь моя к ним тоже виноватая... Ладно, так я никогда до истинной сути не доберусь.

Играла однажды пятилетняя Марина (это я) во дворе деревенской избы. Играла, не помню во что, и вдруг увидела маленького совсем котеночка. Ну, может, месяц ему всего от рождения или полтора. Хорошенький такой, как сейчас его вижу – беленький в черных пятнах или наоборот – черненький в белых. На трех лапках, словно гольфики белоснежные надеты, а четвертая сплошь черненькая. И спинка тоже, а животик беленький. Хорошенький такой котеночек.

Я взяла его на ручки и стала играть, и гладить, и к щеке прижимать, пушистого, крошечного. Как игрушечный, честное слово!

А котенок на свою голову взял, да и царапнул меня по щеке лапкой с коготками острыми. Не сильно и царапнул-то. А что со мной приключилось, до сих пор не пойму. Со всего размаха я ударила его о землю. Он мякнул, как дите малое вскрикнуло, но поднялся и побежал к кустикам. Но у меня уже мозги переклинило, ум за разум зашел, бес меня попутал. Я догнала его и взяла за шкурку, а он мяучит, мяучит, бедный, и лапки с коготками острыми растопыривает. А я его ненавижу прямо, и уже не за то, что оцарапал, просто ненавижу и все. Я его... я...

Умная, чтобы никто не вмешался, ушла за сарай, и о стену дощатую котенка ударила, бросила. Он снова поднялся, на лапки встал, а сам дрожит весь и мяучит, мяучит... Я снова его подняла, и снова о стену. Он больше не поднялся, лежит на земле и дергается. А мне вдруг интересно стало, что такое смерть? Как он умрет? Я про людей знала уже, хоронили при мне кого-то в улусе. Видела еще, как курам топором головы рубят. И как кроликов забивают палкой между ушей, тоже видела. Но это все другие, а сама я никого еще не убивала. Мухи не в счет.

И еще, возбуждение меня охватило всю, на сексуальное возбуждение очень похожее. Тогда я, правда, про секс не знала ничего, но между ног у меня мокро сделалось.

А котенок корчится, встать на лапки пытается, да не может.

А я подняла большой камень, что неподалеку лежал, и ударила котенка по голове.

И разбила голову.

И шерстка кровью окрасилась.

И он больше не дергался, лежал себе спокойным трупиком.

И я поняла, что вот она, Смерть.

Что больше он не станет мяукать, бегать и царапаться.

Что он – всё.

И я тогда заплакала. Я гладила его, еще тепленького, по шерстке там, где крови не было, и плакала, плакала. И так себя не любила, как никогда.

А потом совком вырыла тут же за сараем могилку, уложила в нее котеночка и землицей засыпала. И сучок какой-то нашла, отдаленно на крестик похожий, и воткнула в маленький холмик...

Я потом целый месяц туда ходила и все плакала. А потом забыла и не ходила за сарай больше. Что там делать, если я забыла? И только, когда подросла, вспомнила. И теперь, если слышу, что котята мяучат, вздрагиваю, а нет-нет, да и всплакну.

Жалко котеночка, безвинно мной убиенного. Беленького...

Очень жалко.

Красноярский край

Сергей Цветков

Ольга Гуляева

Николай Ерёмenko

Евгений Мамонтов

Ольга Гүляева

БОБИНО ЗОЛОТО

Бобина боба за ней отдала хрусталь,
 И подстаканники из мельхиора, и красный резной буфет.
 А комиссар (раньше он был золотарь)
 Требовал золото и наставлял пистолет.
 Бобу кормили солёной селёдкой и не давали пить,
 Бобу в тридцать девятом едва не скормили вшам.
 Боба тогда очень хотела жить.
 Крепко была приколочена к телу её душа.
 Бобу поставили к стенке, стреляли на рикошет.
 Боба лежала в камере, вся в крови;
 Бобой ещё немного покормят вшей.
 На бобу непросто будет уже давить.
 Время бежало, боба жила в любви,
 Потом сорок первый грянул, как с неба гром.
 На стареньком фото – сын её – фронтовик,
 Красивый еврей, погибший в сорок втором...
 Было ли бобино золото, не было ли его...
 Что бы случилось, будь комиссар добрей...
 Моя прапрабабка. Не знала её живой.
 Но я не люблю комиссаров и золотарей.
 Было ли бобино золото? Было. А может нет.
 Но говорят, в огороде в нашем закопан клад.
 Стоит под навесом бобин резной буфет.
 Боба хотела жить. И она жила.

Минотавр уезжает бычить на остров Крит.
 Его лабиринт обустроен, обжит, привычен.
 А Тесей приходит туда и ему говорит:
 – Минотавр, выходи, не надо всё время бычить.
 Минотавр выходит с мыслью «давай дружить»,
 Минотавр предлагает Тесею печеньку к чаю,
 А Тесей откуда-то достаёт ножи
 И один за одним в Минотавра ножи втыкает.
 Минотавр удивлён, подавлен, но если бы
 Мог – иначе бы всё устроил.
 Минотавр не плачет – ведь он же бык–
 Минотавр мычит, истекая горячей кровью.
 Минотавр встаёт, не сразу, но он встаёт,
 Он подходит к Тесею, бьёт его в лоб копытом.
 Минотавру снятся герои. И чай вдвоём.
 Его лабиринт обустроен, обжит, испытан.

ПОЛЕЧКА

Я ненавижу соседских вдов и прочих детей-сирот. Они подходят, они пытаются взять в оборот. Они ровно в 9 гасят в своих окошках огни. Они очень хотят, чтоб я стала такая же как они. Они говорят о политике, они подкармливают синиц. Они безразлично смотрят, они говорят смирись. Они говорят, что лето придет на днях, что станет длиннее день и не будет нужды в огнях. У них во взгляде реально чего-то нет. А лето придет на днях, а следом множество лет. А я б станцевала им полечку или сплясала фокстрот. Но я ненавижу соседских вдов и прочих детей-сирот.

Сергей Цветков

ребёнок растёт из матери
 веткою из ствола
 словно подсвечник из скатерти
 праздничного стола
 накрытого в честь окончания
 жизни в ином состоянии

ребёнок растёт из матери
 как из знака вопроса
 точка
 так из предателя
 вываливаются доносы
 и мы узнаём имена
 на кого перейдёт вина

ребёнок растёт из матери
 словно цветок из земли
 так металлоискателя
 где-то в песках внутри
 ждёт ненайденный клад
 пирамидный сад

ребёнок растёт из шороха
 намёков первых движений
 в шлеме скафандра за шторами
 цифрой при умножении
 растёт ребёнок крепчает
 как вкус забытого чая

ребёнок растёт потому что
 вселенная разрастается
 и тянет его за ушко
 как после охоты зайца
 тащит довольный добытчик
 в дом состоящий из нычек

или наоборот
 ребенок растёт от
 того что вселенная в нем
 его распирает дорога
 тогда ребёнок – разъём
 чтобы услышать Бога

у тебя изнутри растёт цветок
 с глазами змеи с узором ног
 глаза от отца
 ноги от матери
 в момент конца
 когда вы спать легли
 навсегда останется слог
 «ма» поставленный на повтор

ребёнок есть эпилог
 миру который вор

Николай Ёрёменко

ВЫВОРАЧИВАНИЕ

Было дело – невыносимо
 В Космос вывернулась
 Хиросима...
 А потом –
 Кулаком после драки –
 В небо вывернулась Нагасаки...
 Стало целое меньше части ...
 Счастье вывернулось
 В несчастье...
 Больше целого
 Стала часть –
 Выворачиваясь и лучась...
 Выворачивание
 Даже Бог
 Неэвклидовым
 Сделать не смог...
 Что Эвклиду
 Не сделало чести...
 Продолжается месть –
 Бег на месте...
 С удивлением смотрит Мессия:
 Выворачивается
 Россия...
 Сединою кладёт на виски
 Сирий
 Вывернутые пески...
 И в гробу неспроста –
 Что за вид! –
 Выворачивается Эвклид...

МОСКОВСКИЙ ТРАКТ

От края и, увы, до края –
 Слепая и глухонемая...
 Москва немая –
 Не моя...
 Москва глухая –
 Не моя...
 Москва слепая –
 Не моя...
 И навзничь падая,
 И ниц,
 Я не встречал таких столиц...
 Она, по чувству и уму,
 Увы, не верит
 Никому...
 Слезам не верит!
 Как же так?
 Поэтому –
 Прискорбный факт –
 Теракт, insult...
 Потом – инфаркт...
 В Сибирь ведёт
 Московский тракт...

Евгений Мамонтов

МНЕНИЯ

Петр Кузьмич считал, что люди произошли от инопланетян, но при этом оставался простым человеком, сажал картошку, вообще любил заниматься хозяйственными делами, например, искусно вытачивал на станке дверные ручки. Космическая гипотеза происхождения жизни на земле не зародила в нем ни высокой меланхолии, ни озорного нигилизма. Ему было уже за шестьдесят и «инопланетян» он держал просто в качестве темы для беседы с умным человеком.

Алевтина считала, что если благоустроить городские скверы, то выйдет очень красиво.

Ее брат Александр считал, что если у человека есть деньги и при этом он не счастлив, то он дурак. Недаром Петр Кузьмич считался в семье интеллектуалом и даже как бы со странностями.

Лазарев считал, что он гений и что в жизни нет смысла.

Полькин, что блондинки холоднее брюнеток.

Полковник Сорока верил в еврейский заговор и считал, что президентом управляет международный жидомассонский комитет. «Значит и тобой тоже управляет, – сказал ему геолог Тимофеев, – ведь президент наш верховный главнокомандующий» «В этом трагедия России!» – ответил полковник.

Хологодов верил, что все люди братья, потому что все они негодяи и жулики.

Отец Георгий считал, что нужно больше думать о смерти.

Петр Кузьмич любил людей, независимо от их происхождения, пускай даже инопланетного.

Алевтина тоже любила людей, если только они не делали ей замечаний.

Ее брат Александр был добродушным человеком по природе, особенно когда выпивал.

Лазарев был законченным мизантропом и только терпел людей из воспитания.

Полькин любил женщин, к остальным проявлял подобно Лазареву тактичное равнодушие.

Полковник Сорока любил русского человека.

Геолог Тимофеев много общался с «русским человеком» в экспедициях и знал его слабости.

Хологодов любил, когда кого-нибудь разоблачили.

Отцу Георгию нравилось исповедовать умирающих.

Однажды Полькин познакомился с блондинкой, которая поколебала его убеждения.

Лазарев встретился с Алевтиной, которая во время прогулки, сказала, что если этот парк вычистить и благоустроить, то получится замечательное место.

Брат Алевтины Александр встретился с человеком, который дал ему хороший заказ на поставку генераторов.

Полковник Сорока узнал, что в его часть прибыл новый офицер по фамилии Магазинер и пошел на него посмотреть.

Геолог Тимофеев, вернувшись из экспедиции, ушел в запой и постоянно с кем-нибудь встречался, но ему все казалось нереальным.

Отец Георгий встретился с однокурсником по семинарии, рукоположенным в архиереи и подумал: гореть тебе по смерти в аду.

Хологодов встретился с женщиной и пригласил ее домой, а на утро у него пропал кошелек.

Петр Кузьмич по идее должен был бы встретиться с инопланетянами, но не встретился.

Петр Кузьмич знал, что Пушкин гений. Но не читал его. Верил на слово. Проверить лично было некогда.

Алевтина знала, что у Пушкина была красавица-жена, из-за которой его убили на дуэли.

Ее брат Александр считал, что Пушкин жил слишком давно, чтоб об этом стоило говорить.

Лазарев сочувствовал Пушкину, как гений гению.

Полькину казалось, что в прошлой жизни он был Пушкиным на всех этих балах. Он знал несколько строф из «Евгения Онегина» и при случае декламировал дамам.

Полковник Сорока знал, что Пушкин гений так же точно, как то, что генерал Карпов является начальником округа.

Геолог Тимофеев любил читать научную фантастику.

Хологодов знал, что Пушкин был ловкач.

Отец Георгий считал, что Пушкин был срамник.

Лейтенант Магазинер перечитывал Маленькие трагедии.

Блондинка, с которой познакомился Полькин, знала наизусть стихотворение Пушкина «К Алине», потому что ее тоже звали Алина.

Петр Кузьмич никогда не размышлял о счастье, он предпочитал делать что-нибудь, а не размышлять и был счастлив, когда получалось.

Полькин был постоянно счастлив. Он не помнил, с какого момента это началось. Вернее, это начиналось заново каждый день. Вот он просыпался и шел в булочную, небольшой подвальчик, три ступеньки вниз, свет падает из окон, золотит душистый воздух. Поджаристые корочки сдобы, продащица в белом, сама румяная и сдобная. Полькин улыбается.

Счастье преследовало его даже в самые неподходящие минуты. На похоронах, в неровно сбившейся вокруг могилы толпе, происходила некая осечка, и вместо горя Полькин чувствовал широкий, как вид на побережье, прилив удивительного света, свежести... Так здорово быть мертвым! – подумал, он радуясь и завидуя покойнику.

Алевтина была счастлива, когда видела, что она нравится мужчинам.

Ее брат Александр был счастлив, когда зарабатывал много денег и потом мог хорошо отдохнуть, тратя эти деньги.

Полковник Сорока вообще-то не имел права на счастье в то время, когда жидомассоны глумились над его родиной. Но все-таки был тихо счастлив, когда уезжал на рыбалку.

Геолог Тимофеев был счастлив многообразно: когда входил с мороза в теплое помещение, когда удавалось вытянуть застрявший в болоте трос, когда покупал новую книжку, но почти никогда не признавался себе в этом.

Хологодов считал, что счастье это, когда не поймали.

Отец Георгий знал, что счастье бывает только после смерти.

Лазарев был счастлив, когда ложился спать и во сне забывал, что он гений.

Александр брат Алевтины надеялся, что выгодно продаст генераторы.

Петр Кузьмич надеялся, что урожай будет хорошим и картошки хватит на зиму.

Полковник Сорока мечтал о пенсии и пробуждении национального самосознания русского народа.

Лазарев рассчитывал, что его имя останется в веках.

Алевтина надеялась, что Лазарев будет любить ее всегда, и они вместе станут гулять по красивым благоустроенным паркам.

Отец Георгий надеялся, что в раю его отличат от прочих священнослужителей.

Хологодов надеялся, что женщина, у которой он вытащил кошелек, не опознает его на опознании.

Геолог Тимофеев привык надеяться на самого себя, а Полькин ни на что не надеялся, потому что был счастлив.

Петр Кузьмич иногда жалел, что жизнь его уже прошла, но он был ею доволен, поэтому сожаление быстро сменялась светлым воспоминанием о чем-нибудь из прошлого. Например, о том, как служил в армии.

Алевтина жалела, что ей уже тридцать лет, и она поправилась на три килограмма и что городские скверы и пляжи такие неблагоустроенные.

Ее брат Александр жалел, что не так выгодно купил новую машину, как это можно было сделать, и что заказ на мотопомпы ушел в другую фирму.

Хологодов жалел, что приходится тянуть срок за такой пустяк.

Лазарев жалел, что жизнь не имеет смысла.

Отец Георгий жалел, что он не архиерей.
 Полькин жалел об упущенных возможностях, вспоминая нескольких шатенок.
 Полковник Сорока жалел русского человека.
 Геолог Тимофеев говорил, что ни о чем в своей жизни не жалеет – раз случилось, значит – так было надо.

Лазарев стыдился своей гениальности и не любил, когда его просили почитать стихи.
 Полькин иногда стыдился того, что он все время счастлив.
 Алевтина стыдилась того, что немного поправилась.
 Её брат Александр не стыдился вообще.
 Геолог Тимофеев смущался в женском обществе и начинал вести себя нарочно грубо.
 Отец Георгий смущался своего прошлого и говорил, что раньше он был биологом.
 Хологовых не смущался своей статьи.
 Полковник Сорока краснел, когда его распекало начальство.
 Петр Кузьмич смущался, когда смеялись над его версией происхождения человечества.

Лазарев написал стихотворение о старой заводской трубе из красного кирпича, которая смотрит в небо днем и ночью, чувствует каждый свой кирпич, помнит старых рабочих. Вверху плывут облака, говорят привет, а потом – пока. В августе ей в горло падают звезды. Жюль-верновская пушка, телескоп и каменные глыбы Стоунхенджа ей как сестры. По роду она женщина, по Фрейду скорей мужчина, скучает по юности, вспоминая запах дыма. Быть выше других – ужасное одиночество, а искорка некогда упавшая в нее с неба, давно смешалась с мусором на дне.

Алевтина сделала новую прическу, покрасила ногти перламутровым лаком, надела открытое летнее платье, туфли на высоком каблучке и вышла проверить, как все это работает.

Полькин, увидев ее на улице, был совершенно потрясен, познакомился с ней и даже хотел немедленно сделать ей предложение. Так у него часто бывало. Но вместо этого сделал ей другое предложение.

Геолог Тимофеев уехал в экспедицию на крайний Север и познакомился там с шаманом, старым якутом.

Отец Григорий с удовольствием отслужил заупокойную службу и поехал ужинать.

Хологовых попал под амнистию.

Часть полковника Сороки отличилась на стрельбах, дав залп по своим. Был строго наказан лейтенант Магази́нер.

Петр Кузьмич поехал продавать картошку и больше не вернулся. В тот вечер в небе видели светящийся сигарообразный объект.

Что же ждёт остальных?

РОМАН В ТРЕХ ЧАСТЯХ С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Мечтательный мальчик, мистический анархист или романтическая девушка, вооружившись баллончиком краски, вывела на бетонном блоке подпорной стенки за автобусной остановкой «Гастроном» утешительную фразу: «Все не то, что кажется» И подпись: «Ангел»

Гастроном в народе было прозван Толстошеинским, по фамилии мера, который выступая на телевиденье с трималхионовской развязностью, насмешливо пообещал, что подарит этот гастроном первому, кто сможет доказать, что это на самом деле его (мера) собственность. Обаяние шулера светилось на ее полном лице. «Все не то, что кажется...»

1

Один человек влюбился в женщину по фотографии. Брюнетка с вьющимися волосами до плеч и веселым взглядом. Он узнал ее фамилию, имя и отчество. Даже знак Зодиака, под которым она родилась. Этот знак удачно сочетался с его собственным знаком. И разница в возрасте была вполне

подходящая. Мужчина был на семь лет старше. Поэтому он всегда останавливался и любовался ее фотографией на памятнике, когда приезжал проведать могилу своего отца на Морском кладбище.

2

А потом неожиданно ему понравилась другая...

Она лежала рядом с капитаном. Два гранитных, зеркально блестящих черных памятника в одной ограде. Это была блондинка с высоким лбом античной богини. По ночам ее супруг восставал из могилы и подобно каменному командору, преследовал нахального кавалера. Мужчина просыпался среди ночи. Луна тихо освещала комнату. Сердце успокаивалось, и он шептал своей очередной пассии: Не бойся, он остался там... Кто? – не понимала пышная блондинка. Она не догадывалась, что мужчина про себя считает ее мертвой. Той дамой с памятника.

3

Потом у него была, шатенка, огненно-рыжая, которую он отыскал в начале осени на дальнем участке у северной стены. Ласковая, она каждый раз ранила его сердце своей деликатностью, когда прощаясь утром, говорила ему с грустной улыбкой: «Ну, мне пора на работу, нельзя опаздывать...» Исчезала, и он, закрыв глаза, видел, как ее рыжие волосы сливаются с осенней листвой над могилами. «Какая у нее там работа?...» – удивлялся он.

Загнувшиеся листья жестяных венков и овальные медальоны с темными портретами покойников глядящих все на восток, пики оградок – стояли, как некое воинство, строгим эскадроном на приступе к городу. Но идти на штурм пока временили, постоянно пополняя свое число. У этого кладбища есть брат – старый городской парк, разбитый когда-то стараниями ссыльного генетика, на месте дореволюционного городского кладбища, разделенный на липовые, березовые, тополиные и хвойные аллеи. За последние годы он особенно возмужал и одичал. Но изящество планировки устояло. Только с высоты птичьего полета (а раньше из верхней лодочки чертового колеса, давно демонтированного и проданного на металл) можно было разглядеть, что аллеи парка повторяют рисунок прожилок на листочке ивы. Кроме памятника Сталину, в парке распорядились установить бюстики русских классиков – Пушкина, Крылова, Лермонтова и Чернышевского. Все узнавали только Пушкина, иногда путая его с Лермонтовым. А потом Сталина убрали, и без его чуткого отцовского присмотра местные хулиганы поразбивали всем классиком лица кирпичом, и они все стали одинаковыми, как в школьной программе. Центральная аллея, уже осыпана первыми лимонными лодочками ивовых листьев. А на узкой, боковой, обсаженной благородными, серебристо-хвойными елями можно подобрать аккуратную шишечку, похожую на крохотный лапоть. Широкие ладони листьев орешника с четким на просвет рисунком прожилок. Жизнерадостная симметрия природы, изобразившей на каждом листочке дерево так же просто, как его рисует ребенок, кажется схожей с человеческой ладонью, на которой оттиснут лабиринт его собственной жизни; все эти центральные и боковые русла, сужающиеся устья, ответвления и перекрестья. И человек, как листок на дереве, дрожит на ветке собственной судьбы...

Листва, по-разному отозвавшаяся на первый месяц осени, где-то подсохшая, где-то глянцевиная, вощеная, то отсвечивала на солнце, то пропускала через себя лучи, окрашивая их яркой желтизной, сиропной розоватостью или нежно медовой, с чуть подгорелыми краями, сочностью. А над всем этим веселым перебоем, в твердой синеве вытянулась клином мелкая жемчужно-серая отара облаков, напоминая расправленное крыло херувима.

Все аттракционы и карусели разрушены, статуи разбиты.

Этот парк успел стать кладбищем дважды. Такое место...

4

Так длилось долго. Мужчина опасался, что однажды они все явятся к нему страстными, обманутыми фуриями и утащат под землю. Но они не являлись, они исчезли из его жизни по одной и со временем, все действительно умерли. «Странно, куда же они все подевались?» – растерянно сердился старик, бродя по кладбищу «Вот здесь ведь была танцплощадка!»

Республика Калмыкия

Бадма Васкаев

Валентина Боован

Бадма Васкаев

ЭКЭН САННАВ

Довун деер һарад,
Сальк өрж зогснав.
Дотр бийм уудад,
Сээхн экэн саннав.

Салькн, салькн хурлзад.
Элким өвдкүр авич!
Седклдм төвкнлт үүдөһэд,
Экэсм менд илгәһич!

Салькна өмнэс сарсаһад,
Сөрж һаран өргнөв.
Седкләрн экэн дууднав,
Саатулгдад салькнд ханнав.

Тиигхд салькн үлөһэд,
Толһанм үсим салвлла.
Үүмсн цогцим илж,
Уйдж, уйрхсн бола.

Талдан селэд, балһсдар
Тарлдад эмтн нүүлдлө.
Өссн нутган хаяд,
Өркән ачлдад һарлдла

Кивзң – энкр хотм,
Күриһэд хоосн үлдлө.
Һанцхн моддуд өнчрэд,
Һашурхч ардаснь геклдлө...
Гермүдин нурсн эрсмүд
Көөгдсн элснд даргдла.
Көлстө туужнь хольжж,
Генэртө дуундм менрлө.

ДҮРНА ДҮН

Ээлтэ хэлэцннь, инэднчнь
Зүрким эмнж сергәнэ.
Энкр, өкэр чирэчнь
Зовсн чеежим хаһһана.

Дольган мет, дэврсн
Дүүвр дурни агчмд:
Эңсүләд оркх һаслңгмч,
Эңкрләд оркх жирһлмч.
Күгдлсн халун санандан
Көркхн дүричн хадһлав.
« Көөркм», – гиһэд дуудхнчнь
Күләж насан барнав.

МАМА

Выйду в степь, взберусь на курган,
Свежим ветром наполнится грудь.
И шепчу, и молюсь Богам –
Мама, снова со мною побудь.

Ветер, ветер сильнее закружи,
Заberi эту боль из груди,
Тяжких дум успокой виражи,
Образ мамы в душе возроди

И раскинув объятия ветру,
Исступлѐнно вновь маму зову...
А потом, как под мамину песню,
Я в степи благодарный вздремну.

(Перевод с калм. Валентины Боован Куукан)

Разлетелись, разъехались мы
Их хотона Кивзинг навсегда.
Мне разлуки запомнился миг
Как соккрытая в сердце беда.

Разлетелись, разъехались мы.
Нет следов на сыпучем песке.
Только этот вот путь не размыт –
Возвращаться к руинам в тоске.

Разлетелись, разъехались мы,
Чтоб однажды навеки понять:
Той разлуки мучительный миг
До конца будет душу терзать.

(Перевод с калм. Юрия Курбатова)

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ

Твой нежный взгляд, твой смех, твои черты
Мне сердце согревают, лечат душу.
Твой образ из несбывшейся мечты
Живет во мне и это не разрушить.

Волной нахлынул краткий миг любви,
Остался болью, счастьем и печалью.
В мечтах просил я нежно – позови!
Как к счастью своему, к тебе причалю.

Душой мятежной издали любил,
Я ждал тебя, надеялся и верил.
Пусть в ожиданье молодость стубил...
Безумец! Я твой образ сохранил!

(Перевод с калм. Валентины Боован Куукан)

ПРИЗНАНИЕ

Беспечною не была –
я притворялась.
Всегда я в заботах жила –
умело скрывалась.
Весёлою не была –
я притворялась,
Веселье беспечным дано,
а я напрягалась.
Смелою не была –
я притворялась.
Других защитить могла,
себя – не решалась.
Честною не была –
я притворялась.
Себе я так много лгала –
другим не досталось.
Сильною не была –
я притворялась.
Себе изменяла самой,
я – прогибалась.
Любимою не была –
я притворялась
Того, что хочу, не нашла –
взяла, что досталось.
Счастливою разве была?
Я притворялась...
В угоду другим всё жила...
Себе не досталась.

Кермен Хаглышевой

Забить ли старой бабушки рассказ:
Всему живому было здесь приволье,
В ладу с природой жили без прикрас –
Работа – телу, а душе – раздолье.

Они себя в цари не воздвигали
Самой природы, спесью наполнясь,
Былинке, ветру, солнцу поклонялись
С зверьем на равных рядом становясь.

Зато умели душу наизнанку
Так вывернуть в мелодии домбры,
Что журавли слетались спозаранку,
Чтоб утолить их жажду красоты.

И танцевали у кибитки птицы,
И в танце они славили домбру.
Ведь нам такое даже не приснится –
Танцуют птицы людям поутру.

Валентина Боован

Жил да был весёлый человек,
Был он непохожим на других,
Слыл он простофилей, пас овечек
И всегда работал за двоих.

Пел он песни и стихи в блокноте
При луне ночами он писал
И ему на тонкой, тонкой ноте
В унисон кузнечик подпевал.

Как людей обидеть он боялся,
Радовался в жизни он всему,
Что овцой паршивою считался,
Неизвестно было лишь ему.

А когда в открытую глумились
Над его кристальной чистотой,
Промолчал. А слёзы лились, лились...
Он ушёл. Не крикнули: «Постой!».

А за ним и усакал кузнечик
И без песен высохла трава,
Начался голодный мор овечек,
Хмурилась без музыки луна.

Люди не одумались, не ждите,
Проклинал его здесь каждый дом...
Ангела небесного, представьте,
Обозвали злющим колдуном.

Обучены прабабушкой моей
И по сей день танцуют журавли,
А мне для них не стать уже своей –
Мелодий тех до нас не донесли.

За танцем я в бинокль наблюдаю,
К ним ближе мне, увы, не подойти.
Они к себе людей не подпускают –
Связующие нити не найти.

Ты посмотри! О, как они танцуют!
Как грациозны! Осенило вдруг –
Старинная мелодия ликует
В их птичьих душах, призывая в круг!

К кибитке прилетали журавли
Потанцевать...
Как давит мне виски –
Как растерять такое мы могли
И обнищать...
Прабабушка, прости...

Вологодская область

Лета Юзай

Лета Югай

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Зыбка качается: раз-два, раз-два, раз.
В зыбке по морю переполохов год до земли плыть.
Мама от рук своих не отведёт глаз.
Мама прядёт нить. Чтобы было на что жить.
Чтобы была рубашка, когда сын по земле пойдёт
Своими ножками, дорогой долгой и дорогой.
Мама приходит с поля, достаёт пряслицу и прядёт,
Привязывает верёвкой зыбку к ноге. Качает ногой.
А смерть заглядывает в окно, птичьим глазом косит.
Жук в траве, видя птицу, падает на спину, будто сдох.
Думает: «Птичий бог, отведи, стороной пронеси!»
Знает, что мёртвый не вкусен, для птицы плох.
«Серенький, – мама напевает, – придёт волчок»,
И «за бочок ухватит», – мама поёт про страшные про дела.
«Будешь здоровым и сильным, – думает, – но о том – молчок.
Чтоб не спугнуть твоё счастье, и так двоих не уберегла».
«Будешь жить не так, как мы, хорошо будешь жить», а поёт о том,
Что уж скорей бы он умер – да, умер уж, взял его бес,
Что её дитяtko «под раки́товым под кустом» «лежит под крестом».
Смерть думает: «Нечем здесь поживиться», – и улетает за тёмный лес.

ЗАГОВОР (БАНЬКА)

Бабушка говорит: «Во-имя-отца-и-сына-и-святого-духа-аминь,
Расти-большая-хорошая-и-чтобы-не-было-ничего».
Баенка плывет по земле сквозь череду и полынь
Мимо рыжих кур, коров, провожатых странствия моего.

Бабушка говорит: «Будешь теперь мне дочка» – и трёт
Спинку во имя Отца и Сына натруженными руками.
С первого взгляда первого встречного кто разберёт,
Со всеми его оврагами и сквозняками.

«Будешь мне дочка, Лена», «...и не было ничего...»
Баенка та остаётся со мной на внутреннем поле
Среди некошенных трав времени моего,
Горячего душа, чувства вины, ароматной соли.
«...ни страхов, ни переполохов». Стою на границе мира,
Упираюсь руками в эмалированный таз.
Как многого мы боимся в своих уютных квартирах,
Как много работали те, кто жили до нас

В суровых домах. Сосны качают кроны.
Бабушка смотрит мне вслед и крестит издалека.
И я забираю душу её в коробочку диктофона,
А свою оставляю в баенке, бабочкой у потолка.

Хочется спать на закате, закидывать голову вместе с солнцем
за горизонт. Она покатится вниз, как тряпочный мяч, бесшумно,
а стой стороны земли живут весёлые незнакомцы,
они бегают вверх ногами, играют в «думно-бездумно».

ЗАКЛИЧКА

Под руки с сестрами или поодиночке
Ходим поглубже в лес, повыше за облака:
«Дай, Голосёна, голосу! Хоть бы строчкой
Дай докричатся до дальнего далека!

Дай, Голосёна, слова вместо обновы,
Слога на всю дорогу, слуха дай, светлый дух!»
И Голосёна выносит птенчика чуть живого:
Щебет, косточки, пух....

«На же, корми его бабочками дневными,
Будет те голос, девка, как встанет он на крыло».
С сестрами кличем охрипши родное имя:
«Маша! Ау, ау!» В какую глушь завело...

Снова новая жизнь – и как мне только не лень? –
Катаю орешек между ладоней – всё начинать с нуля.
В орешке – молочной спелости летний день.
Одна ладонь – небо. Другая, значит, земля.

Уж март весною очарован
И солнцем тешится земля.
А мне сегодня был дарован
Еще денечек февраля
И ломкость лип, и в них – граненый
Жемчужно-серый свод небес.
И воздух, снегом напоенный,
Решенье пробует на вес,
Как я на вкус. Средь белой взвеси
Иду вперед белым-бела.
Мне выпадает холод песен
И жесткость птичьего крыла.

Кораблик с железными парусами плывет по глади травы.
Кораблик с пластмассовыми парусами плывет по глади ковра.
А я стою с голубыми глазами, совсем не умею врать.
А я смотрю в голубое небо: тучки сегодня львы.
У них барашковые прически, диванный изгиб спины,
но, если желаете, в них заряд, убивший шесть человек,
если желаете вы, а им не поднять заснеженных век.
Ведь львы все добрее, львы все тише. Кому такие нужны?
И я добрею в потоке речи, смотрю из окна на двор.
И каждое слово вбивает глубже якорь молчанья в паркет.
А что за своих не вступаюсь – просто не слышу ваш разговор,
ведь очень громко над головою хлопают паруса.

Москва

Маргарита Аль

*Алина
Витухновская*

*Константин
Кедров*

Елена Кацюба

Артём Савельев

Александр Карпенко

Светлана Василенко

Мargarита Аль

ЧЕЛОВЕК

чем микрофон не граната
 чем граната не микрофон
 беру микрофон и бросаю
 в небо
 слово помноженное на свет
 беру гранату
 и не бросаю

МИРАЖИЗНЬ

мерцающая явь в словесной тьме
 зачем поверил я в твоё существованье
 зачем поверила ты мне
 мне не нужны ни солнце ни луна
 день изо дня из ночи в ночь
 и жизнь не нужна из века в век
 и смерть я не намерена терпеть
 вскрывая каждый миг своей судьбы
 мне мало четырёх сторон
 мне мало тела метакуба
 пусть каждая волна получит океан
 пусть звёзды сами вышьют свой узор из неба
 немеют чувства в продолжении крыла
 немеют небеса
 под сводом вывернутых безымянных плоскостей
 и вечность как последнее звено
 хлопок одной руки

кто не дрожал в свою дрожалъ
 кто не рычал в свою рычалъ
 кто не бежал в свою бежалъ
 тот не лепил свою лепилъ
 тот не писал свою писалъ
 тот не любил свою любилъ

мой мир
 я в нём а он во мне
 я не могу понять как я могла не быть
 как он мог быть где не было меня
 откуда эти горы и моря
 явились вдруг на фоне вечных звёзд
 зачем я человек зачем не навсегда

ну как тебе живётся
 между мной и Богом
 без имени без тела без души
 пространство будущего слова
 пространство будущей любви

Алина Витүхновская

УМРИ, ЛИСА, УМРИ

Промолчу как безъязыкий зверь.
 Чтоб узнать, что у меня внутри.
 Разложи меня как тряпочку в траве,
 И скажи: «умри, лиса, умри».

Покатились по лесу глаза,
 Чтоб на себя не посмотреть.
 Ты сказал: «умри, лиса, умри».
 Это значит нужно умереть.

Промолчу как рыба и мертвец,
 Чтоб тебе спокойно говорить.
 Разложив меня как тряпочку в траве:
 «МРИЛИСАУМРИЛИСАУМРИ».

Ржавым будущим по мне прошла коса.
 Полумесяц вынул острый нож.
 Все сказали мне: «УМРИ, ЛИСА, УМРИ, ЛИСА».
 Все убьют меня, и ты меня убьешь.

Я уже не слышу голоса.
 Если хочешь, все же повтори:
 «РИЛИСАУМРИЛИСАУМРИЛИСА
 САУМРИЛИСАУМРИЛИСАУМРИ».

Не узнаешь своего лица,
 Попадая вновь все в тот же ритм.
 Только не УМРИЛИСАУМРИЛИСА,
 А УМРИ И САМ УМРИ И САМ И САМ УМРИ.

Посмотри в мои красивые глаза,
 Я хочу тебе их подарить.
 Помолись: «УМРИЛИСАУМРИЛИСАУМРИЛИСА»
 ИЛИ САМ УМРИ И САМ УМРИ И САМ УМРИ.

Я затем даю себя убить,
 Чтоб в шубийство кутаясь в мороз,
 Ты бы мог рукой пошевелить,
 Как когда-то шевелился хвост.

Перед зеркалом ты рыжий шерстяной,
 Словно зверь с чудовищем внутри.
 Ты однажды отразишься мной.
 Я скажу тебе: «УМРИ, ЛИСА, УМРИ».

Константин Кедров

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Преобразования ряда птиц
 сводит всякий полет к нулю
 если в числителе единица
 нуль в знаменателе = кораблю

Корабль из звука вмещает пламя
 оставляя позади лед
 Расстояние между двумя громами
 больше чем горизонт
 выходит за горизонт
 уходит за горизонт

Когда корабль вытесняет море
 оно = кораблю
 поэтому тела в любви невесомы
 но как корабль по волнам несомы
 вес вытесненного тела = нулю

ТРИСТАЕДИНЫЙ

Тристаединый ночной петух
 переполняющий пеньем слух
 высь заполнивший зычный зов
 переполненный звездный зоб
 Тристаединый петух ночной
 перерастающий в шар земной
 огонь пылающий из золы
 пах пронзающий прах земли
 Тристаединый петух ночной
 из огня и золы печной
 взвился пламенем и потух
 тристаединый ночной петух
 и терзают меня в ночи
 когти острые как лучи

СТ-УПОР

стул на мне сидящий
 он – я
 я – говорящий стул.
 разломав меня на части
 все равно невозможно уничтожить
 стечение двух согласных –
 СТ –
 это неуничтожимо
 это бесСмерТно
 это СТАбильно.
 я оСТАюсь в СТАдионе в СТАнции в оСТановке
 на СТыке в СТоне в СТупоре
 в иСТине наконец
 СТоп
 Я СТАл СТул

Елена Кацюба

ЛЮДИ ОГНЯ

Мы – сыны ОГНЯ
 дочери ОГНЯ
 мы среди ОГНЯ не сгорим
 Брошенные в ПЛАМЯ
 наше слово-ПЛАМЯ
 мы не предадим
 Мы среди ОГНЯ
 мы – душа ОГНЯ
 каждый человек – ПЛАМЕНИ язык
 Мы играем
 мы сверкаем
 мы горим и не сгораем
 пляшет ПЛАМЯ
 языками
 в нас
 Если нет в тебе ОГНЯ
 не ходи вблизи ОГНЯ
 берегись детей ОГНЯ
 не глядишь в глаза ОГНЯ
 не коснись рукой ОГНЯ
 Вмиг испепелит тебя
 ПЛАМЕНЬ-человек.

МЯЧ

Руки вибрируют, образуя арку и свод.
 Первая Мария видит вторую
 в зеркале рук:
 рот и брови в раме –
 кармин и мрак.
 Мария три и четыре –
 прозрачные створки ворот.
 Пятая Мария – купол и крест.
 Шестая, смеясь, роняет с небес
 МЯЧ.
 Мяч скачет назад – вперед,
 ванна Марата «Авророй» «прошла Неву,
 первый красный Корде-балет –
 ада-да-адажио черных дул.
 Па-де-труа – рикошет от стен:
 Токарев – Макаров – Кармен.
 Мяч скачет вперед – назад –
 па-де-де: Калашников и Арманд.
 Синие мигалки кромсают мрак –
 то уа-у-акушерки Перовской опять теракт.
 Мяч скачет, теряя вес...
 Мария седьмая его поймает,
 склонясь с небес,
 рукавом оботрет грязь, кровь, крик
 и вернется внутрь рая,
 двери прикрыв.

Артём Гавельев

РАЗГОВОР

Мы с тобой говорили всю ночь по телефону,
Обсудили, что только могли обсудить –
Лишь бы только шло время прочь, лишь бы фоном
Между мной и тобой продолжалась нить
Ни о том ни о сем бесконечного разговора,
Из которого можно суть уловить
Даже самым простым и дешевым прибором,
И куда уж тут о сердцах говорить.
То тревожно, то нежно, то лишь бы не спятить.
Я на вечность готов проплатить телефон,
Только сколько бы ни было денег – не хватает,
Чтоб у вечности отхватить этот сон,
По которому мы с тобой говорили
Ни о том ни о сем, чтобы только продлить.
Никогда мне так не было горько, что меня разбудили,
Никогда мне так не было жаль телефон отключить.

МАСКАРАД

Давай наденем маски
И будем танцевать,
Друг друга без опаски
Всерьез воспринимать.
Дышать мы будем ровно –
Нам некуда спешить.
Всерьез и хладнокровно
Давай с тобой кружить.
Туда, сюда, обратно,
Не отпуская взгляд,
Всерьез и однократно
Устроим маскарад.
Как долго эту сказку
Придется танцевать,
Давай не станем думать,
Давай не будем знать.

Александр Карпенко

DANCE MACABRE

(ПЯСКА ХОРОШО ТЕМПЕРИРОВАННОЙ СМЕРТИ)

непочтительность страны
снедавшая наши израненные души
молчанием
границащим с забвением
казалась мне
бесовским глумлением над себе подобными
несущими тяжесть тьмы
о этот славный русский обычай
канонизировать мучеников посмертно
в воздухе покачнулась тень невидимого спонсора
и тут меня осенило
что некто замысливший сей кровавый фарс
верховенствует и поныне
дни затмения
продолжались белыми стихами ночей
в которых тактика выживания
колебалась
между криком и молчанием
между отчаяньем и криком

Толпа площадная опять не даёт мне прохода.
Гроссмейстер застыл над доской в ожидании хода.
Идём босиком мы по тоненьким краешкам лезвий,
И хочется нам, чтобы времени ход был полезным.

Цугцванг – это долгое бремя от Цуга до Цванга.
Об этом писала баллады безумная Ванга.
Цугцванг – это путы, сомненья и часто вериги.
Непруха, столбняк, депрессняк, пересмешник блицкрига.

Цугцванг – это мили пустыни от Инда до Ганга,
Об этом шептала Пилату безумная Банга.
Мы нежно станцуем с тобой аргентинское танго,
Мне страшно биенье сердец доводить до цугцванга!

Но выпад клинка ускоряет эффект бумеранга.
И каждый защитник невольно похож на подранка.
Гроссмейстер застыл над доской в ожидании хода.
И – нету полезных ходов у держав и народов.

Наказание есть преступление.
Как же духу избежать жаровен?
Дух подавлен, иссякли стремления...
Я наказан, но я...
невиновен!

Светлана Василенко

ДНЕВНЫЕ И УТРЕННИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЛЮБВИ

(Рассказ)

Утренние размышления о любви (1). Окно

Когда влюбляешься, то тебе словно открывается окно в космос, и ты живешь на этом космическом сквозняке, не замечаешь времени и окружающих вещей, все лето к тебе приходит из аравийской пустыни ветер, страстно и горячо дышит тебе в лицо или подталкивает в спину, и ты летишь над городом вместе с мамой, спеша в гости к ее подруге – тете Маше, перебирая в воздухе ногами...

Ветер ты называешь нерусским именем – так зовут твоего возлюбленного – и ждешь его каждый день, и однажды он приходит, этот сумасшедший ветер, и сжигает поля, леса, деревни. Горит, полыхает вся страна...

А однажды осенью ты просыпаешься и вдруг видишь, что тебя окружают вещи. Много вещей. Окно в космос закрыто. По телефону ты говоришь ему жесткие слова, что любишь его как брата. Не больше. Ты заклеиваешь окно, потому что наступает зима и ты боишься, что тебя продует.

Дневные размышления о любви (1). Змей

После долгого отсутствия он опять объявился. Вдруг на нее дохнуло. Один раз и другой. Поняла, что это он, дышит из своего южного далека в ее сторону. Такие вещи она чувствовала. Опять ветром горячим обдало посреди холодной, снежной, уже установившейся зимы. Просто змей какой-то – огнедышащий.

Представила, что там, в астраханской степи, зимы нет и так же яростно, как тем далеким летом, горит, не сгорая, разведенный кем-то в небе сложенный из коряг ветлы, высохших добела, костер солнца, а по песчаному берегу реки Ахтубы ходит бронзовый от загара человек, похожий на бога.

Бог ловит рыбу, играет с людьми в волейбол, залезает на спасательную деревянную, поставленную посреди пляжа, вышку и смотрит на нее. Смотрит как на богиню, не скрывая своего восхищения, – она наблюдает за ним из-под полуприкрытых век, лежа на горячем песке. Бог любит богиней, богиня любит богом.

Потом они знакомятся, смеются. Он солдат, его зовут Али, он из Дагестана. Ее зовут Юля, она учится на бухгалтерских курсах, приехала домой на каникулы. Ему двадцать, она моложе его на полгода, и он называет ее сладким словом «салага».

Они режутся в карты, а потом идут в воду. Вода от их горячих тел закипает, словно от всунутого в воду кипятильника. Он учит ее плавать (она до сих пор не научилась), осторожно дотрагиваясь до ее обнаженного тела (его касания напоминают пугливые неумелые ласки), направляя ее тело, как маленькую лодку по течению. Она радостно колотит воду руками и ногами, поднимая брызги. Сквозь смех и свои отчаянные крики она чувствует его ладонь, которой он ее придерживает.

Его ладонь, как что-то отдельное от него, все время соскальзывает вдоль ее живота – то ли случайно, то ли нет. Она вся сосредотачивается на этих касаниях его пальцев, его руки. Она вожделеет к его руке, и рука словно понимает это – пальцы ползут все ниже и ниже...

Они уходят с головой в водяную яму, и он на секунду выпускает ее из рук. Ее несет течением, разворачивает, ударяет головой о песок так, что она чуть не теряет сознание. Вынырнув, она ртом хватает поток воздуха – он твердый, словно она откусывает его от общего каравая воздуха, – и опять идет на дно. С выпученными глазами, сошедшая с ума от страха, она бьется в воде, как большая рыба, пока он не ловит ее. Он обхватывает ее руками так, словно весь состоит из одних только рук, и, прижимая ее тело к своему, выносит на берег.

Они лежат на песке у самой воды, тяжело дышат. Он проводит рукой по ее голове с мокрыми спутанными волосами – той самой рукой, – и она начинает плакать. Безудержно, как ребенок. Он обнимает ее, успокаивает. Закрыв глаза, она тычется ему мокрым от слез лицом куда-то

в плечо. Он аккуратно поднимает ее лицо и молча целует в губы. Она на всю жизнь запоминает молочный вкус его губ.

Потом они уходят далеко в пески, где никого нет, и ложатся там. Она отдается ему, лежа на горячем песке и глядя в небо на раскаленное солнце. Ей кажется, что она отдается самому солнцу. Богу солнца.

Возвращаясь, они чуть не наступают на огромную змею, медленно переползающую через дорогу. Змея, подняв свою маленькую серую головку и глядя на них маленькими злыми глазами, жарко, страстно шипит на них, а потом, преподав им какой-то важный жизненный урок, с чувством исполненного долга, извиваясь всем телом, неторопливо уползает.

Потом сама собой разрушилась страна, Али уехал к себе на родину, там началась война, говорили, что он стал боевиком, она даже видела его однажды по телевизору: обросший, с бородой, – он долго и прямо смотрел на нее с экрана, словно узнав.

Потом она потеряла его из виду, считала убитым, уехавшим из страны, пропавшим, и, наверное, так оно и было.

Но иногда дохнет вдруг с юга посреди зимы на нее огнедышащим змеем, жарко, страстно, и она понимает, что то лето осталось, оно никуда не делось, никуда не исчезло.

Утренние размышления о любви (2). Тростинка

Он надолго уехал, и теперь ты потеряла то живое ощущение мира как космоса, огромного, дышащего, трепещущего, населенного чьими-то тенями, голосами, случайной музыкой, – дышит ночь и звезды над тобой, ворочается тьма под тобой, – тебя вдруг, как тростинку (тростинка – твоя душа), качнуло порывом черного космического ветра (летом ветер теплый, даже горячий, зимой – ледяной), ты балансируешь между жизнью и смертью, но ты понимаешь в эти секунды все-все-все, тебе открыты все тайны мироздания и собственной души.

Это происходило всегда, когда ты смотрела ему в глаза, слышала его голос (тебе было не важно, о чем он говорил), касалась его руки. Мир открывался тебе навстречу одним порывом, весь, сразу.

Ты и теперь любишь-любишь-любишь, но без его голоса, его взгляда и касания, ты чахнешь-чахнешь-чахнешь, как цветок на космическом сквозняке, и чтобы вернуть то космическое ощущение любви, ты ходишь по каким-то картинным галереям, смотришь на картины, слушаешь музыку, особенно тебе помогает оперное пение, причем женское, ты сливаешься с их голосами, скорбишь и жалуешься вместе с ними, ты читаешь стихи – свои и чужие, ты жадно поглощаешь все то, что называют духовной пищей, наконец, ты даже опиваешься отнюдь не духовным напитком, – и на миг, но только на миг, – вдруг приходит то невозможное потерянное тобой ощущение опасного счастья – черной пропасти под ногами и звездного купола над головой – и ты между ними.

Дневные размышления о любви (2). Поцелуев мост

Не Петербург, еще Ленинград. 79-й слякотный февраль XX века. Мы с Мариной, которую все называют Крашэ, студентки театрального училища, посланы в культурную столицу на зимние каникулы. Просто так, за хорошую учебу, набираться тут той самой культуры, которой в Москве нет.

Живем в общежитии консерватории. Засыпаем под музыку Рахманинова в час ночи. В шесть часов утра просыпаемся под музыку Чайковского. Студенты консерватории играют на роялях, стоящих во всех углах и предбанниках общаги. В нашей комнате стоит скромное пианино. Крашэ садится за него и одним пальцем набивает мелодию из пяти китайских нот: «Краснеет восход над рекой Хуанхэ...»

«Чайковский» замолкает. Слушает. Потом, словно возмущаясь, выдает бурную негодующую руладу, похожую на индюшачью. Из чисто московской (а вернее, пермской, поскольку она из Перми) вредности Крашэ добывает на клавишах китайскую утреннюю песнь, посвященную великой реке Хуанхэ.

Идем по Невскому, месим ногами питерскую снежную кашу. Этой каши просят наши сапоги, и мы, загребая снежное месиво полной ложкой, от души их ею кормим. С небес прямо за шиворот нам сыплется мокрое крошево.

Около метро «Гостиный двор» мы встречаем еще одну нашу студентку, которая живет в Питере, – Валентину, – и она нас ведет в знаменитую пирожковую на Невском, объясняя,

что пирожковая эта – рай для студентов. Там можно испить горячего бульона и съесть пирожок. Причем бульон – бесплатный. Вернее, вторая кружка. А где вторая, там и третья – нас же трое.

Пируем. Вернее, кайфуем. Решаем, куда пойдем дальше. Валя спрашивает: «В Эрмитаж или Русский музей?»

Крашэ говорит, что ей не нужны музеи. Что у нее куда более важная миссия. Ей необходимо найти Поцелуев мост.

Я против моста. Объясняю Крашэ, что в такую погоду все же лучше ходить по дворцу, в тепле разглядывая шедевры.

Крашэ непреклонна. Говорит, что от того, найдет она Поцелуев мост в Питере или нет, зависит ее жизнь и судьба. Не более и не менее. При этом она стоит очень близко (это ее манера – подходить во время разговора к человеку вплотную), смотрит на нас сквозь толстые стекла очков: ее голубые глаза за стеклом отчаянно плавают, как рыбы в аквариуме, – близко-близко, объясняет нам жалобным голосом, что найти Поцелуев мост – это просьба Димона, и мы – на свою голову – тут же соглашаемся идти с ней.

Потому что Димон – это святое. Димон, актер, красавец, – последняя любовь Крашэ.

Платоническая, потому что Димон – голубой.

Но это не страшит Крашэ. Она считает, что когда-нибудь переделает Димона.

А если нет, то духовное все равно важнее телесного. Поцелуев мост станет их символическим загсом, так как согласно одной из легенд, если поцелуешься на мосту со своим любимым, то и не расстанешься с ним никогда. Димон придет завтра, и завтра же произойдет их символическое бракосочетание.

Короче, вот такой бред. Но мы верим в бред Крашэ, потому что верим в их любовь с Димоном.

Выходим опять в крошево и слякоть. Кружим по городу, спрашивая у прохожих дорогу к Поцелуеву мосту.

Подходим к одному мосту, другому, третьему, четвертому...

Доходим до Новой Голландии, куда нам присоветовал идти один из проходящих морячков, а там, мол, рукой подать. Рвемся в эту самую Голландию пройти. Но Голландия на замке, патруль нас не пускает, объясняя, что там находится что-то очень секретно-военное. В поисках стратегически важного для нас объекта – Поцелуева моста – ходим вокруг военной базы, как три диверсантки, то и дело выбирая из своих глазниц залетающий туда мокрый снег.

Наконец-то видим: у реки Мойки стоит маленький домик, в домике – окошко, на окошке – герань, аленький цветочек цветет, и понимаем, что мост, у которого домик этот стоит, непременно должен называться Поцелуевым. Не ошибаемся.

Мы торжественно всходим на Поцелуев мост, взволнованно носимся по нему туда-сюда и трижды друг с другом расцеловываемся на вечную дружбу.

Вечером мы сидим у Валентины – в узкой, как шкаф, комнате в коммуналке на Желябова. Валентина кипит в чайнике две бутылки красного сухого вина, добавляет туда сахара и гвоздики и, обзывая этот напиток глинтвейном, разливает его по чашкам.

Мы сдвигаем наши чаши за великую платоническую любовь Крашэ и Димона. Крашэ раскраснелась и выглядит настоящей невестой. Ее огромные голубые глаза висят, как воздушные шары, словно бы отдельно от нее.

Мы пьем горячее вино, болтаем, мы – счастливы.

На другой день Димон не приедет. Ночью его заберут, дадут срок. Из тюрьмы он так и не выйдет. Куда-то сгинет.

Крашэ закончит институт, уедет в Пермь, будет сильно пить, в перестроечные времена умрет в больнице, отравившись спиртом «Ройял».

Утренние размышления о любви (3). Нить

Утром действительно стало легче и понятнее, как жить дальше. Что надо просто очень долго, протяженно, не суетясь, его любить. Что уже все состоялось, что любовь есть, но просто она вот такая – без частых звонков и почти что без встреч, но нить натянута. И надо этому просто радоваться, что вот есть это натяжение. На том и остановимся пока. Пусть он у меня сияет протяженно, как свет звезды. Он же природное явление – ветер, звезды, степь, мой сад – счастье.

Дневные размышления о любви (3). Күстанай

Они познакомились на Волге, на теплоходе, на котором плыли из Куйбышева (да, тогда Самара называлась Куйбышевом) в Волгоград в командировку. Им достались верхние полки в темном четырехместном трюме, и поэтому они старались проводить все время на палубе. Днем они загорали, ели сахарный, истекающий алым соком арбуз, неизвестно чему смеялись, глядя друг другу прямо в глаза. Его глаза были тогда синие, такого же цвета, как Волга. В Волгограде, переделав командировочные дела, они поехали в Волжский, к ее подруге.

Они сидели у костра на берегу ее любимой реки Ахтубы, пели, смотрели в звездное небо, пили самогон, который гнала мать подруги, – подруга танцевала у костра так, словно камлая и призывая к ним всех речных и степных духов, остро пахла полынь, – и между ними случилось то, что и должно было случиться, – случилась любовь. Она свалилась на них, такая огромная, что они, подавленные ею, весь день пролежали в гостинице, испуганно прижавшись друг к другу, и не знали, что делать с ней, открывшейся перед ними бездной, и не знали, как с ней сладить.

На другой день он уезжал в Москву. Она – в свои астраханские степи, откуда и была родом. У нее был муж и сын шести лет. У него была жена и сын-старшеклассник.

Потом они еще несколько раз встречались, тайно, жадно. В чужих городах, на чужих квартирах, чужих диванах и простынях. Однажды встретились на квартире у его знакомого доктора. На чужой плите она жарила курицу, он разглядывал медицинскую энциклопедию. Она подошла, заглянула. Он рассматривал каких-то безобразных уродов: две головы, четыре ноги, Маша и Даша. Она ужаснулась. Он поднял голову и сказал: выходи за меня замуж. Нет, сказала она, не помедлив ни секунды (он не простит ей того, что она отказала ему, не помедлив – именно – ни секунды) и через секунду удивившись тому, что сказала «нет». Потом пришла домой к мужу и сказала: я ухожу от тебя к другому. Что тогда началось!

Муж, конечно, ее не отпустил. Потом были дни, месяцы, годы, которые, казалось бы, только и были созданы для того, чтобы ими, как бинтами, можно было замотать эту любовь, одеть ее в смиренную рубашу, чтобы она там умерла внутри нее, отмучилась, сдохла. И вроде бы отболело. Сын вырос, муж сидел в кресле у телевизора, жизнь вроде бы состоялась.

Через десять лет они случайно встретились опять в командировке, в Кустанае, в казахских степях. Сидели в шатре, куда их пригласили на пирушку в честь окончания общего дела. Он и она сидели и молча смотрели друг на друга. Потом так же молча, как звери, встали и пошли в степь. Они любили друг друга так же жадно, как и десять лет назад, как будто и не было никаких десяти лет, как будто не было у нее семьи, мужа и сына, как будто не было разлуки. Над ними так же, как тогда, в Волжском, на берегу Ахтубы, грозно висела огромная звездная бездна и так же остро и грешно пахла полынь.

Утром, когда они уже были в гостинице, из номера он позвонил жене в Москву и сказал, что уходит от нее, потому что встретил здесь, в Кустанае, женщину, которую любил десять лет. На том конце провода вдруг тонко заголосили, его жена голосила и голосила, не останавливаясь, тонким пронзительным голосом ребенка, которому очень больно. Его жена плакала и плакала, а он стоял, отвернувшись к окну, держа телефонную трубку, и слушал.

Она тихо оделась и вышла.

Утренние размышления о любви (4). На мобильный телефон

...сегодня позвонила мама, сказала, что ее выписали из больницы. Муж прислал СМС-ку, что сел в поезд и скоро уже, через несколько суток, придет. Позвонил сын и нескладно меня обрадовал, сказав, что... (ну, это уж совсем личное, об этом промолчу). Позвонили от режиссера и продюсера, что сценарный договор со мной подписан. Из Питера звонила моя лучшая подруга. И только один человек, засевший в моем сердце занозой, – не позвонил.

Дневные размышления о любви (4). Чрезмерные люди

Ночью муж объявил, что уходит от нее.

– Мне что, ему морду набить?! – спросил он, этот чрезмерный человек.

Она промолчала и молча ушла в свою комнату. Всю ночь слушала, как там, в соседней комнате, собирают ли вещи. Не испугалась, нет. Даже интересно было.

Утром тихо выскользнула из дома и поехала на работу.

День начинался странно. Приехала на работу, а там лежит на столе заявление от ее заместительницы на увольнение. Лежит еще со вчерашнего дня. То есть, когда уходил от нее муж, в это же время ее заместительница писала заявление тоже на уход от нее.

Потом пришел очень приятный человек из Литвы, бывший католический монах, он жил во Франции, в ордене молчальников, потом у иезуитов. Принес рукопись.

Она долго говорила с ним. Ей хотелось от него узнать, каково это – умея говорить, промолчать всю жизнь. Ей нравились чрезмерные люди. Люди, куда-то уходящие, уезжающие, экспериментирующие над собой, своей жизнью и судьбой.

Пришла ее заместительница и сказала, что да, действительно уходит, уезжает, не хочет так жить, хочет быть одна. Уедет куда-то в деревню и будет смотреть на то, как падает снег зимой, а весной вскрываются реки. Ей надо это увидеть собственными глазами. Иначе она не выживет. Что ей надоела цивилизация.

Куда-то они все, эти чрезмерные люди, убегали, думая, что там, куда они убегут, будет легче.

Потом она пошла на выставку книги одного знакомого белорусского художника. И они так хорошо посмотрели всю выставку вместе. Когда она спрашивала его, в какой технике сделана та или иная работа, он подробно рассказывал ей, как это делается. Каждую технику он подолгу изучал, шел в помощники к тому, кто умел делать это, и постепенно учился. Он делал несколько работ в той технике, которой научался, и переходил – уходил – к другой.

На выставку пришел человек, который умел делать оригами. Он объяснил им, что оригами – это древнее японское искусство складывания из бумаги. Из тысячной купюры он моментально сложил слона – с бумажными бивнями, хвостом, ушами. По дороге к метро он говорил, говорил. Как делает оригами к театральной постановке, где будет все бумажное – дома, машины, столы, стулья, и герои тоже будут бумажными, они будут лежать, сидеть и ходить. Ей хотелось спросить: а слова будут тоже бумажные? И он вдруг ответил на не произнесенный ею вопрос, что слова в этой театральной постановке не нужны. Он хотел затащить ее тут же к себе на Сокол, где была его мастерская, чтобы показать свои работы.

Она, сказав, что ей надо пораньше домой, поехала на Киевский вокзал и села в электричку. Но когда уже села, там что-то сказали, перечислили остановки, назвали в том числе и ее станцию – Востряково. Она подумала, что именно перечислили те, где электричка остановится, но вышло все наоборот. Они, не останавливаясь, ехали и ехали по какой-то глухомани с уханьем и свистом целый час.

Наконец остановились, и на темный перрон вывалились такие же невнимательные, как и она, пассажиры, несколько человек, и они небольшим отрядом помчались через мост на другую, обратную – последнюю – электричку. А было уже очень поздно и темно и шел дождь, и одного мужика страшно ругала жена по телефону, что он такой у нее непутевый и заехал черт-те куда.

Они стояли, ждали еще час электричку, и ей захотелось позвонить тому, из-за которого уходил от нее ее муж. И она позвонила. Он взял трубку, и голос был у него неузнаваемый. Он тоже не узнал ее, она даже представилась: звонит такая-то. Тогда он немного окреп голосом, обрадовался, но был явно занят, и очень быстро, быстро они поговорили.

Что вот, схоронил отца и что пять дней было очень и очень плохо, а сейчас уже немного отпускает, полегче. Что бегают теперь каждый день с бумагами, на наследство и еще на что-то. Что уезжает в воскресенье, но вот что жалко. Что так долго был в Москве, но так мало встречались. И что: где же ты была? Куда уезжала? И почему так надолго?

И он начал быстро сворачивать разговор. Сказал, что уже сейчас не встретимся, но он придет (она услышала, в январе), и что – увидимся. Что теперь он всем про нее рассказывает и что она очень, очень красивая (тут они засмеялись оба). Да! Да! – сказал он. И они попрощались как-то сразу оба. Он сказал: обнимаю. Она сказала: целую. И всё. Сказал еще, что сегодня 9 дней, как отец ушел.

Потом вдруг как-то сразу пришла электричка, и она, сев, дала мужу паническую СМС-ку, что едет из Апрелевки, что заехала не туда, чтоб встречал.

И он стоял около станции, ждал ее, молча взял вещи, и они шли, как раньше, в любовные еще времена, пешком под дождем до дома. И он что-то радостно говорил, и дома тоже, пока она готовила ужин, все говорил.

Республика Крым

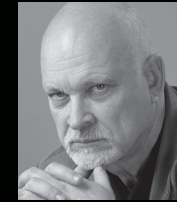
Александр Чернов

Лариса Афанасьева

Ариолла Милодан

Валерий Басыров

Александр Чернов

В июле ночь кончается легко –
светлеет перелесок и опушка,
как белая фаянсовая кружка,
где с вечера осталось молоко.

Сосновый и березовый навес
внезапно раздвигается над нами.
За сто шагов видна между стволами
река, пересекающая лес.

На отмелях за стайками мальков
расходятся лучи, как в паутине,
чтобы потом на самой середине
замкнулись отраженья берегов.
Взаимный зов почти не слышен днем,
лишь поутру мурашками по коже.
Испытывать подобное мы можем,
когда не говорим, когда поем.

Когда стихийной радости приток,
струясь изображением и звуком,
издалека похож на кипятилок,
вблизи густеет плавающим пухом.

Когда почти у каждого душа,
как будто под воздействием прилива
печали безотчетной, словно ива,
и радости, как шелест камыша.

Гортанные слышу звуки,
хлопки волосатых рук.
Листают башибузуки
тургеневский «Бежин луг».

Чужая душа – потемки,
но светится город Керчь.
Моряк утащили у тетки
учебник «Родная речь».

Беспечные волны пляшут
протяжные, как гудки,
и с воплями: «Бяша, бяша!» –
хватаются за грудки.

А месяц кривой и узкий
оскален беззубым ртом.
Челночный паром стамбульский
не вырубил топором.

Лариса Афанасьева

ЗАКАТ

Закат стекал
Тягучим майским мёдом
Из чашки неба
В блюде сосняка,
Но плыли сквозь него
Легко и гордо
Акаций
Кучевые облака.
Был город пьян
От пряности маслины,
И мятных трав,
И свежести реки.
Лебяжье-белым
Пухом тополиным
Подросток Май
Легко играл в снежки.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Как сладко пахнет летний дождь
Сосновым зноем и стогами.
И не окно – картина в раме,
Где бесконечными штрихами
Расшит пейзаж. И снова ждешь,
Что молния закончит строчку,
И громыхающую точку
Поставит гром. И смолкнет дождь.

Прибой устал: сизифов труд –
Ворочать камни с боку на бок,
Где надоедливо снуют
В воде курортники и крабы.
Устало солнце жечь холмы
До буро-палевой окраски
И, утром выходя из тьмы,
Гасить дождей короткий праздник,
Выбеливать морскую даль
И мыс за мысом прятать в дымке,
Легчайших облаков вуаль
Ткать – паутинка к паутинке.
Усталый день вздремнуть прилёт
В объятья бухты генуэзской
На тёплый золотой песок
Подвечного прибоа песню...

Ариолла Милодан

ФИЛОСОФСКИЕ РАЗДУМЬЯ
О МНОЖЕСТВАХ МАНДЕЛЬБРОТА

Ветреной осени рыжей фрактальностью
Выстелен путь от меня и до прошлого.
Веток обугленных строгой детальностью
Вычерчен вечер... Сырой и взъерошенный.
Осень, скажи мне, а правда ли, надо ли
Так бесноваться, единственность празднуя? –
Множества полнились, множества падали,
Множества царствуют... Броские, разные.
Множества луж. Антрацитные, рыжие,
Серые с синью и с проседью, кажется...
Кажется, улицы лужами выжжены –
Осень опять с Мандельбротом куражится.
Множества листьев. Пурпурные, жёлтые,
Яркие с хрустом и блеклые с шорохом...
Капли развеяны, грани расколоты –
По ветру – каплями, по ноги – ворохом.
Множества нас... Захлебнулись подобием! –
И повторяем их пляски! – Но подле них
Мы – только копии, копии, копии...
В прошлом, быть может, имевшие подлинник.
Осень безумна, правдива и образна
Листьями, синью, фракталами, временем...
Взглядом из прошлого, осень, ты можешь знать,
Что делать нам, единицам потерянным?
Станут ли лужи и листья ответами?
Будут ли правдою? Примем ли это мы?
Звонко мурчит, не терзаясь вопросами,
Рыжая кошка... Она не из осени.

Белый – это всего лишь сгущенный чёрный.
Знаешь, а я ведь так и живу:
Всеми бы тропами – только не торной!
Всеми бы мифами – да наяву!
Всеми бы песнями – да так, чтоб сердце навыйлет!..

Сбиваю яркими чувствами мысли, как масло
Из молока иллюзий, сомнений, догадок...

Февраль беспечно дворы акварелью тронул...
Вот так и мне бы – струиться, светиться, менять окраску...
Но разум вновь озадачен рядами формул,
Которым только сердце и даст подсказку...

Валерий Басыров

ТОГДА, В ПЯТИДЕСЯТЫХ... (Автобиографическая повесть. Отрывок)

Расстрел

Снег. Он смягчил в обмороженном пространстве резкие очертания бараков, колючей проволоки, деревьев.

Его уже столько, что невозможно определить направление скольжения снежинок: то ли небо неторопливо затягивает в причудливые сети день, то ли призрачный свет сам расставляет их.

Ветер обессилел и споткнулся о широкие лапы елей, подмятые тяжелым грузом непогоды.

Рядом с небольшим домом чертыхаясь шумят солдаты, отгребая снег от колючей проволоки.

Проволокой опутан лагерь для заключенных.

В доме, где жил обслуживающий персонал лагеря, захлопали двери, слышались голоса. Для его жильцов начинался трудовой день. От стука проснулся и Виталик.

Мать стояла у окна, зябко поеживаясь. На ее худеньких плечах висела тонкая шаль, подаренная Виталькиной бабушкой.

– Мама, – тихо позвал он.

– Проснулся, мой маленький, – она опустилась на колени перед койкой и прижалась к его щеке. – Сейчас умоешься и будешь кушать.

– На дволе ветел? – спросил картавя мальчик, разбрызгивая из таза теплую воду.

– Нет, уже поутихло. Ох, и снега намело! – радостно воскликнула мать. – Быстренько садись за стол, мне уже пора.

– Ма, можно я потом поем?

– Только смотри мне, – она с притворной строгостью погрозила ему, – гуляй возле дома.

Неожиданно щелкнул один выстрел, второй, третий... Издалека слышался глухой топот копыт, ржание лошадей.

Мальчик соскользнул с табуретки и бросился к окну.

– Мама, мама... Смотри, – отчаянно закричал он, – их убивают...

– Кого?

– Вон... Вон... – он тыкал пальчиком в стекло, дышал на него, ковырял ногтями изморозь. – Видишь?

Теперь она видела. На отгороженной площадке расстреливали лошадей. Солдаты стояли на вышках и гоняли выстрелами лошадей по кругу.

Она вспомнила приказ начальника лагеря капитана Шергаева, который был отдан накануне командиром взвода лейтенанту Агонову: «Всех активированных лошадей расстрелять. Туши вывезти в лес и зарыть...»

– Мама, мама, зачем их так?

– Это больные лошади, сынок. Понимаешь, больные.

– Ну и что? Они ведь тоже хотят жить... – заливался слезами Виталик, вздрагивая всем телом при каждом выстреле.

Скачущих по кругу лошадей становилось все меньше и меньше. Чистый снег перемешался с кровью.

А солдаты все щелкали и щелкали по окровавленным крупам. Лошади хрипели, бросались из стороны в сторону, от проволоки к проволоке и валились навзничь.

Из бараков высыпали заключенные, нахмурившись, наблюдали за расстрелом.

Осталась одна лошадь. Она уже не могла бежать, а лишь медленно брела среди трупов. Малиновая слюна стекала по худой длинной шее и капала под копыта. Пули легко впивались в ее тело. После каждого выстрела она мотала головой, шаталась, но брела дальше. Потом у нее подломились передние ноги и она уткнулась оскаленной мордой в снег.

Выстрелы смолкли.

И тишина, которая сразу заполнила собой все окружающее, вдруг показалась настолько нелепой, что деревья зашумели, сбрасывая с себя целые горы снега.

Мать вздохнула и наклонилась к сыну:

– Не надо плакать, мой маленький, не надо... Мне тоже их жалко, но что поделаешь...

Она захотела погладить его по голове и уже протянула руку, но ребенок отпрянул назад, а в глазах, переполненных слезами, дрожала такая боль, что мать не решилась прикоснуться к сыну.

– Что поделаешь... Что поделаешь... – захлебывался он. – Взрослые всегда так... Сделают что-то нехотелое, а потом говорят, что так получилось. Когда я вырасту, я не буду таким...

– Тебе только шесть лет.

– Ничего, я вырасту очень быстро.

Он шмыгнул носом и поплелся в угол, где на полу лежали книжки.

Мать застегнула бушлат, постояла немного, а потом спросила:

– Ну, я пойду?

– Иди, – безразлично ответил мальчик.

Как только мать завернула за угол дома, Виталик сорвал с вешалки шапку, шубку и, натягивая их на ходу, выскочил за дверь.

Сразу за порогом начиналась тайга. Снег еще нехотя сеялся, но солнце, сжатое со всех сторон облаками, уже освещало верхушки деревьев.

От дома к самому лагерю тянулась тропинка, утопая среди громадных сугробов. По ней катилась маленькая фигурка мальчугана.

– Ты куда? – то ли спрашивая, то ли ругая воскликнул солдат возле проходной.

Он, наверное, замерз. Лицо фиолетового цвета было закутано в широкий воротник тулупа. Даже глаза его от холода стали фиолетовыми.

Виталик знал всех, но этот солдат был ему незнаком. Он нерешительно остановился.

– Я кого спрашиваю? – слышалось снова откуда-то из тулупа.

– К маме, – прошептал мальчик, закусив нижнюю губу.

– Я тебе дам «к маме», марш домой.

– Что тут происходит? – около солдата остановился Аносов.

Солдат вытянулся:

– Товарищ лейтенант, он на территорию...

– Пропустите. Это Валин сын..

– А я разве что... Я ничего... Пусть себе идет. – Передернул плечами, продолжая бурчать. – Валин сын. А кто она такая?

– Рядовой Игнатев, отставить разговорчики, – оборвал его лейтенант, а потом добавил. – Не спешите. Еще узнаете. А его, – он кивнул в сторону мальчика, – не смейте обижать. Иди, иди, – подтолкнул легонько Виталика в спину.

За проходной КП Виталик оглянулся: Андрей Иванович Аносов свернул к штабу, а солдат опять спрятал глянцевого посиневшее лицо за воротник тулупа и, притоптывая на месте, казалось, пританцовывал.

В бараке

В каждом бараке у Виталика были свои знакомые, и даже друзья, которые мастерили мальчугану забавные игрушки, рассказывали занимательные истории, сказки. И он любил эти игрушки и сказки. Игрушки всегда были красивые и веселые, а сказки почему-то грустные, но зато с хорошим концом.

И вот сейчас он остановился в нерешительности: в какой барак идти? Ближе всех был десятый. К нему и свернул Виталик.

– Марфа, твой воспитанник явился, – крикнул кто-то хриплым голосом, как только мальчик прикрыл за собой дверь.

Он поднял голову. На втором ярусе нар сидела молодая женщина, свесив худые ноги в неуклюжих ботинках.

– Чего вытаращился? – захрипела она и заразительно зевнула, показывая два ряда ровных красивых зубов. – Там твоя Марфа. – Она неопределенно и вяло махнула рукой куда-то в глубь барака.

– Я тут, Виталик, – к нему, тяжело дыша, спешила грузная женщина. – Приболела я малость, – добавила извиняясь. – А ты чего, бесстыжая, мальчонку-то пугаешь, – укоризненно заметила она женщине в ботинках.

– Да катись ты со своим пацаном... – злобно ругнулась та. И выдавила: – чистоплюйка.

– Пойдем отсюда, пойдем. – Марфа взяла мальчика за руку. А вслед неслись ругательства и злобный крик:

– Хорошая стала, лярва... Видали мы таких. Все равно подохнешь вместе с нами. А на том свете все одинаковые.

– Бог с тобой, Бог с тобой, – набожно крестилась ее соседка.
 – Заткнись, сука христосовская.
 – Я молчу, молчу, молчу... – все так же крестясь, испуганно бормотала та.
 – Я потом плибегу, можно? – спросил Виталик, пятясь к двери.
 Марфа погладила его ласково по голове:
 – Не обращай внимания. Наташка часто такой бывает. А вообще она неплохая. Новенькая. Ее из другого лагеря к нам перевели. – Она пододвинула табуретку. – Да ты садись, садись.
 – А почему у тети Наташи такие большие ботинки?
 – Она нарочно их надела.
 – Зачем?
 – А чтобы не работать, малолетний дурак, – отозвалась тетя Наташа, – и хорошо жрать.
 – Она в ботинки наложила камней. Втиснула туда ноги и крепко зашнуровала. А если посидеть на нарах несколько часов, ноги набрякают и человека направляют в санчасть, – объяснила Марфа.
 – Пусть только твой выродок продаст, – тетя Наташа опять выругалась, – попомнишь тогда меня, Марфа.
 Дверь громко хлопнула. Кто-то рядом зашикал: «Тише, хозяйка пришла». И несколько человек сразу закричало:
 – Привет начальнице...
 – Быстро лезь под нары, – зашептала Витальке Марфа. – А то нагорит мне за тебя.
 Мальчик забился в уголок под нарами и замер. Сначала он еле различал тихий грудной голос матери среди тесного сплетения орущих глоток заключенных: «Опять было тухлое мясо... Сама пей час без заварки... Задавила сухой картошкой... Конину давай...» Затем он увидел совсем близко мамин валенки.
 – Марфа, – спросила мама, – ты Виталика не видела?
 Марфа, видно по обыкновению, передернула плечами, потому что мама растерянно удивилась:
 – И куда он мог деться? Мне сказали, что он в этом бараке.
 Дверь снова хлопнула. Марфа заглянула под нары:
 – Вылазь, ушла уже. Посидишь немного и домой, – она наклонилась к мальчику. – Я сделала для тебя пепельницу, из морской раковины. Не веришь? – спросила она, заметив недоверчивый взгляд мальчика. – Вот посмотри. – Марфа бережно достала из-под подушки пепельницу. Погладила ее зачем-то, а потом протянула Виталику: – Держи, – и тихо добавила. – На память обо мне...

ОТЪЕЗД

Пришла весна. Снег засосало болото. В конце лета оно обычно становилось приютом комаров и издавало неприятный запах. Весна постепенно растворилась в ежедневных заботах и тревогах. Жизнь в лагере шла своим чередом: то размеренная и тихая, то насыщенная всевозможными выходами заключенных. Отсидев несколько суток в карцере, потолок которого даже летом не покидала изморозь, дебоширы успокаивались. Но ненадолго. О Николаевой почти не вспоминали. Да в этом и не было никакой необходимости. С одной стороны, ее робкая, скрытная натура удивляла и даже интриговала окружающих ее людей только при жизни, а с другой – ее забыли через несколько недель после похорон еще нескольких самоубийц, уставших ждать амнистию. Лишь изредка кто-то из конвоя, везя на кладбище очередной труп, зло шутил: «Удачной оказалась Марфа на почин». Еще вспоминала Николаеву Валентина Антоновна. Но она мало думала о самой женщине, больше о ее смерти – предчувствуя исход, она ничего не смогла сделать, чтобы предупредить его. И винила себя в этом. Чаше матери, пожалуй, вспоминал Марфу Виталик. Сначала долго плакал. А потом успокоился, часами сидел молча и смотрел на раковину. Он даже перестал ходить в зону. Свичарская заметила, что сын изменился. Стал угрюмым и замкнутым. И отнесла это за счет проявления особых черт характера ребенка.

В один из солнечных дней к лагерю, по лежневке, прибыла машина из управления. Шофер вынес из кабины на руках старую женщину и поставил ее на сухое место. Заглушив мотор, он пошел в штаб, а женщина присела на крылечке.

Капитан Шергаев собирался уходить на пенсию, и поэтому лежал в госпитале на обследовании. Его замещал Агонов. Уверенный в том, что начальник больше не появится в своей прежней должности, Павел Игнатьевич расположился в его кабинете и переставил мебель по своему вкусу.

Когда раздался стук в дверь, он, чувствуя себя еще неудобно в новом кабинете, хотел крикнуть: «Войдите!» – но передумал. Через окно он увидел машину. Поспешил навстречу.

Вошел шофер.

– Ну и дорога к вам, – сразу начал жаловаться, здороваясь на ходу.
 Агонов с готовностью пожал руку шофера. «Может, этот неуклюжий сержант привез рапорт о назначении», – тешил себя надеждой Павел Игнатьевич.
 – На восьмом километре бревна прогнили. Завтра их будут менять. А так, по-моему, лежневка в порядке, – оправдывался Агонов, пододвигая стул сержанту.
 – Звонили к вам, звонили. А все бестолку.
 – Половодье... Несколько столбов в трясину ушло. Завтра новые поставим.
 – Послали приказ вам вручить, – сержант вынул из нагрудного кармана вчетверо сложенную бумажку и отдал Агонову. – А на словах просили передать, чтобы Свичарская не задерживалась. Завтра утром отходит поезд. А в управлении ей надо еще забрать документы.
 «При чем тут Свичарская», – недоумевал Агонов.
 Но когда Павел Игнатьевич прочитал приказ, он понял все. Увольнялась Свичарская, а о нем и не упоминалось. Он посмотрел даже на обратную сторону приказа. Бумага была чистая.
 – Сколько понадобится времени Свичарской, чтобы сдать дела? Я должен забрать ее.
 «О чем он? – Агонов, не понимая, посмотрел на сержанта. – Толстогубый баран... Свичарская... Свичарская...» Он чуть было не закричал от злости, но сдержал себя.
 – Черт ее знает, – грубо ответил Агонов. – Она в кабинете. Договаривайтесь сами.
 – Я тут старуху одну привез, – сказал сержант, собираясь уходить. – Дочь у нее здесь заключенная... Хочет повидаться с ней.
 – Кто тут начальник? – взорвался Агонов. – Я или кто? Свидания запрещены. Забирайте ее отсюда, и чтобы духу не было...

Валентина Антоновна сдала дела Кротовой. Угостив шофера и старуху украинским борщом, начала укладывать вещи. Старуха, поблагодарив Свичарскую за гостеприимство, начала жаловаться:

– Юра говорит, что ваш главный не разрешает с дочкой повидаться... а мне обещали...
 – А к кому вы приехали, бабушка, – поинтересовалась Валя.
 – К доченьке своей...
 – Как ее звать?
 – Марфенькой звать ее, деточка, Марфенькой... Николаевой...
 Валя вздрогнула и выпустила из рук вазу. Она ударилась о край стола, раскололась на две части и, соскользнув на пол, рассыпалась на мелкие осколки.
 – Что же ты так неосторожно, – пожурела старуха Валю. – Такую дорогую вещь разбила.
 Валя проглотила застрявший в горле комок:
 – Нет ее тут, бабушка.
 – Неужто перевели куда?
 – Да, перевели.
 – А далече?
 – Далеко...

– Вот ведь какие люди разные на свете, – она повернулась к шоферу. – В прошлый-то раз сам начальник со мной беседу имел. И к поезду доставил. А почему так? – рассуждала старуха. – Все дело от ума. Ум с годами приходит. А этот? Господи, зеленый совсем, а уж важничает... Я в стекло глядела, как он пыжится... Ну, все одно что птенец воробушкин.

Когда загрузили вещами машину, старуха начала слезно просить Свичарскую:

– Умирать буду скоро. Так ты мне, доченька, скажи, как найти Марфеньку?
 Валя молчала. Она не знала, что ответить женщине. Только крепко прижимала к себе сына, глаза которого потускнели и не мигая смотрели вдаль. Она еле сдерживала слезы.
 – Вы не волнуйтесь, бабушка. Поезжайте домой. Скоро дочку освободят... Будете вместе...
 – Ох, чует мое серденько, не увижу я ее больше, – переживала уже в кабине старуха.
 Свичарская с сыном устроились в кузове и, обняв друг друга, тоже плакали.
 – Прощай, Север! – сквозь слезы прошептала Валя, когда машина осторожно двинулась с места, как бы щупая пригорок, на котором только что стояла, боясь съехать с него мимо лежневки, в болото.

Кабардино-Балкарская Республика

*Георгий
Яропольский*

*Джамбулат
Кошубаев*

Лера Мурашова

Муразин Ольмезов

Игорь Терехов

Георгий Яропольский

ЗАКАТ

«В ущербе жизнь, в упадке, на излете...» –
заткнитесь, умоляю и прошу.
Скулящие! навряд ли вы поймете,
о чем таком я, собственно, пишу.

Куда спешу, зачем грешу и каюсь,
зачем порой в себя вливаю хмель,
каких чудес ищу заветный кладезь
среди людям заповеданных земель...

Но я скажу. Бешусь я потому лишь,
что помню опрокинутую высь!
«Предначертанья ввек ты не обжулишь», –
мне ангелы внушили эту мысль.

Внушили мысль, но не вручили карту,
где был бы обозначен путь к мечте,
и потому влечет меня к закату
свербящая тоска по красоте.

А красоту недаром страшной силой
считали и считают до сих пор.
...Закат, порнографически красивый,
бесчинствует в расселине меж гор!

* * *

Опять собака сдохла под балконом –
такая же, как сдохла прошлым летом.
Что молвить мне при зрелище знакомом,
почти никем на свете не воспетом?

Тот цензор, что внутри, пищит: «Да надо ль?
Ни ода здесь не сложится, ни fuga.
Один Бодлер осмелился про падаль,
но у него там – лошадь и подруга...»

Молчи, зоил! Скорбеть пристало ныне:
подумать о щенке, его восторгах –
и как повергла жизнь его в унынье,
пройдя на грязных улицах и стогнах.
Но, впрочем, что мы знаем о собачьем
(киническом!) принятии кончины?
Болтая, страхи собственные прячем,
навешанные духом мертвечины.

Быть может, не гнетет их бремя наше –
и смена дней не кажется им знаком –
и не подносят гефсиманской чаши
часов не наблюдающим собакам?

Джамбулат Кошубаев

СИКСТИНСКАЯ
МАДОННА

Ангельские лица в облаках,
Сикст с Варварой
в мученических ризах,
женщина с ребенком на руках –
образ вечный вечной жертвы миру.

Только вспоминаю я другой
образ женщины с ребенком
несмысленным;
крики – «Шнеллер! Юде!» – за спиной,
автомата ствол, к лицу взведенный.

Преклоняюсь перед мужеством сельчан,
перед их апостольской отвагой –
не отдали смерти и врагам
маленькую Миру с юной Сарой.

Эта женщина, чуть больше двадцати, –
бабушка, с характером упрямым,
ну а крохотный младенец на горсти –
это моя будущая мама.

* * *

Из этих узких улиц,
вдоль каналов,
возникли призраки
российских кораблей,
когда преображенец-царь –
Михайлов
учился азбуке рангоутов
и рей.

Нет, не названия
снастей и такелажа
зубрили отпрыски боярства
и князей –
с голландских разбегались
стапелей
Гангут и Чесма,
мужество «Варяга».

* * *

Под сводом священного русского слова
душа вызревала,
себя прозревая в мерцании смыслов
сокрытых, –
так солнечный луч, проникая сквозь
сумрак витражный,
вдруг золотом вспыхнет под сводом
священным.

Лера Мүрашова

СИНЯЯ НОТА Ю

На ветряном краю
пахнет полынью горько.
Тихую ноту Ю
слушаю на пригорке.
Волн голубой поток,
с небом простором споря,
жизни густой глоток
переливает в море.
Влажную ноту Ю,
страстную и живую,
я словно воду пью
свежую, ключевую.
Синяя нота Ю,
терпкая, золотая,
видишь, я здесь стою,
с ветром не улетаю.
Я тебя не пою,
я тебе лишь внимаю,
чистая нота Ю,
строгая и прямая.
Зернышком воробью
я тебя вниз роняю,
древняя нота Ю,
хриплая, нутряная.
То ли кого люблю,
то ли кого бросаю?
Грустной нотой Ю
в сумерках повисаю...

* * *

Над городом гроза, и расцвела сирень,
он плачет, он грустит, что наступает лето.
А горы спят, они – приманка для поэта,
а ночь – такой пустяк, ведь будет новый день.
Как ароматен, свеж, грозой напоен воздух!
Хотя не видно звезд, зато зажгли фонарь,
дождинки по стеклу – как будущего поступь,
оно идет ко мне сквозь пелену и хмарь.
Любовь теперь – болезнь. Так искренне считают
врачи, враги, друзья. Лечиться надо мне.
А я грозой дышу и рада, что мелькают
стрижи, дожди, сирень и молнии в окне,
что так неясен путь, что неизвестно завтра,
что слаще, чем любовь, неведомый обман,
что вновь пробилась жить молоденькая травка,
ей нипочем гроза, тревога и туман.

* * *

Когда, омыт органной белизной,
на землю выпадает первый снег,
вся жизнь моя мне видится иной,
и время притормаживает бег.

Мүрадин Ольмезов

ПОТЕРИ И ОБРЕТЕНИЯ

Я однажды
себя потерял.
Средь людей
я искал себя долго...
Но нашёл,
как ни странно,
среди птиц.

СЛОВА НА ВЕТЕР

Слова на ветер
Сколько слов я убил ни за что
за те годы,
что прожиты?
Улей?
Или десять?
А может, все сто?
Те слова, что сказал просто так, –
словно дождь
над бесплодной пустыней,
словно зёрна,
что всходов не дали.
«Я люблю тебя», –
в шутку сказал –
и три слова безвинно убиты.
«Не волнуйся, дружище,
улажу», –
так сказав, позабыл обещанье.
«Непременно приду,
дорогая!» –
и, опять же, не сдержано слово...
Те слова,
что сказал просто так, –
это осы,
что жала вонзают
не в других,
а в себя,
без пощады.
(Точно так,
в западню угодив,
убивают себя скорпионы.)
Под ногами
не листья шуршат –
это трупики слов
умерщвлённых.
Очень скоро костры
запалят –
и развеется прах их по ветру

Игорь Терехов

КАК НЕГР НА АРБАТЕ

Ты уже взрослый мальчик. Тебе платят за слова в дензнаках другой страны. Ты иногда шутишь: наше слово ценится не на вес золота, а на шест доллар. Тебя читают горожане и не очень приветчают градоначальники. Зимой ты ходишь в простой солдатской ушанке, на западный манер. «Это круто!», – говорит дочка. «Совсем как негр на Арбате», – говорит художник Г. «Ты позиционируешь себя слишком независимым для этого города», – говорит Флора. А ты только улыбаешься им в ответ.

Перед Новым годом тебя останавливают на главной улице двое милицейских. Ты совершенно трезв, но не можешь понять, чего хочет от тебя прислуга порядка. Автографа? Визитную карточку? Или разрешения позвонить по твоему мобильнику своему начальству?

Они вертят в руках твое служебное удостоверение, по десятому разу перечитывая слова «агентство» и «собственный корреспондент». Кажется, что только эти три слова удерживают их от намерения дать тебе в торец или положить фейсом на асфальт.

- Что-то не так, уважаемые? – совершенно спокойно спрашиваешь ты.
- Всё не так, – говорит один.
- Усиленный вариант несения службы, – говорит второй.
- Проверка паспортного режима, – поправляет его первый.
- Нет, все-таки усиленный вариант... – настаивает второй.

Они начинают спорить между собой, приводя в качестве аргументов прозвучавшие в эфире тексты новостных сообщений.

- Офицеры, всё, что вы знаете о жизни, вы знаете из моих писаний, – говоришь ты, и тут жеправляешься, – Моих, или моих корреспондентов!
- Мы – не офицеры! – гордо говорит один, – Я – сержант!
- А я – старший сержант! – заявляет второй, – И я ничего не читаю!
- Я тоже смотрю только телевизор, – говорит первый.
- Это очень печально, господа! – говоришь ты.

Ты хочешь сказать этим слепцам, что книга является светильником в наших руках. Что Эзра Пунд, например, считал, что читать надо для приобретения силы. А Томас Стернз Элиот писал, что целью словесности является совсем не информация, а трансформация духа. И читать стоит хотя бы потому, что это помогает нам меняться.

Но не успеваешь открыть рта. Один из сержантов вырывает портфель у тебя из рук и выворачивает его содержимое на снег. На тротуар летят несколько книг стихов, свежие газеты, папки с рукописями, телефонная книга, ежедневник и поздравительная открытка от президента республики.

- Там больше ничего нет, – говорит сержант, и еще раз встряхивает портфель.
 - Извините, мы думали: вы – ваххабит! – говорит другой и возвращает тебе служебное удостоверение.
 - Бороду надо брить, – говорит тот, что терзал портфель.
- И потеряв к тебе всяческий интерес, они удаляются дальше исполнять свой долг. Какие-то девушки помогают тебе собрать разбросанные бумаги и книги, отряхивают их от грязного снега. Ты благодаришь их и, по-стариковски шаркая ногами, бредешь по холодной улице. Окраина России. Лета. Лорелея. С наступающим, господа!

ФИОЛЕТОВАЯ БАБОЧКА

Памяти В.Г. Кисунько

Фиолетовая ночная бабочка прячется в вазе со сливами. Со сложенными крыльями она напоминает самолет-невидимку «Стеллс». Пока они летают только над Югославией. Но скоро начнут залетать и в наше воздушное пространство. Собака охотится на залетающих в распахнутое окно насекомых. Бабочку не замечает. Маленькая такса беспощадно преследует эскадрильи ночных жуков и мотыльков. Не собака, а мобильный комплекс ПВО. Милует она только очаровательных зеленокрылых существ, чьи повадки напоминают эльфов. Рядом на диване безмятежно раскинулась Флора. Так спят только памятники старой Европы. Чтобы такса не нарушала

ее покой, приходится выключать ночник. В темноте можно читать про себя стихи. Из дочерей Ликамба только старшую. Директор классической гимназии переводил древних на язык родных осин. На манер Архилоха сказал, что предпочел бы младшую сестру. Будущая королева была польщена. Мемуаристы отмечают, что в поздние годы она часто говорила камеристкам об учителе. Благодаря ей он покоится в литературном пантеоне. Хотя умер на вокзале, что было не совсем комильфо. Смерть приемлема только в городе дождей. В Библиотеке есть целый стеллаж с книгами о встречах с Хароном в водах его лагуны. Рыжий камер-юнкер грозился отдать концы где-нибудь на Галерной или Среднем проспекте. Но угораздило в другом полушарии. Завещал похоронить себя по пути на острова Бурано и Мурано. Всё-таки был любимцем королевы. Теперь покоится в евангелистской части тамошнего кладбища. В чашу, стоящую на его могиле, посетители складывают авторучки, деньги, камешки и записки. Просят выступить посредником при общении с Господином Б. Верят, что в другой жизни он столь же беспристрастен, как был в этой в своих произведениях. Но нам-то известно, что он замолвит словечко только за тех, которые хорошо писали. Не зря же при жизни часто повторял, что главное для литературы стилистика и эстетика, а вовсе не нравственность. Это была его вера. Но она не стала нашей, несмотря на все прилагавшиеся усилия, литературные изыски и аллюзии. Всё-таки мы слишком долго прожили в России. И родила нас русская мать. Русская бабушка клала в школьный ранец вместе с пирожком антоновское яблоко. А папа нашего друга придумал лучшую в мире систему ПВО. И мы до сих пор не боимся самолетов Альянса над своей головой. Электричество в комнатах выключаем не для светомаскировки. А для спокойного сна любимых. И чтобы не залетали ночные насекомые.

ПРОПУЩЕННЫЙ ДОЖДЬ

За окном шел роскошный дождь. Его разнообразные звуки доносились в комнату, несмотря на работающий телевизор. Тихая музыка дождя вызывала в памяти имена Кейджа, Губайдулиной, Алексея Айги, Пекарского и других именитых перкуссионистов.

Правильнее было бы выключить телевизор и свет в комнате, и послушать, как звенят дождевые капли, ударяясь об окна, подоконник, шиферную крышу и асфальтовую дорожку под окнами, как шуршат водяные струи по листьям деревьев, как они сбегает на землю и ручейками собираются в лужи, как чавкает сытая от влаги земля и хлюпают лужи, когда в них угодит нога случайного прохожего.

По каналу «Культура» шел фильм с интригующим названием «После Пушкина», и ты не решался выключить телевизор и распахнуть окно навстречу дождю. Решил подождать окончания фильма, благо он был короткометражный.

Но когда завершился фильм, стихли и звуки дождя, было слышно только, как падают на асфальт под окном редкие капли да стекают на крышу соседнего детского сада водяные скопления с деревьев.

А сам фильм оказался никакой. Его героями были именитые фотографы, они ездили по украинской глубинке и с умным видом снимали сцены народного быта и окрестные ландшафты. Среди фотографов был поэт Иван Жданов, что, наверно, и вызвало твой интерес к фильму. Однако он не читал стихов, а только курил, ел яблоко да щелкал фотоаппаратом. А почему фильм его создатели назвали «После Пушкина» для тебя так и осталось непонятным.

Впрочем, можно предположить, что название было выбрано специально для подобных тебе профилей, чтобы смотрели за полночь телевизор. Нет, лучше бы ты все-таки вовремя выключил телевизор, и наслаждался музыкой дождя. Но тебя утешало то, что летние дожди только начались, впереди еще целый сезон дождей, и у тебя будет возможность послушать замечательный косохлест или проливень, и может быть, если позволит Господин Б., написать о нем стихотворение.

А в стихотворении надо будет провести мысль о том, что исторической памятью любого дождя является всемирный потоп, и потому он так притягателен для всех нас, очарованных странников. Главное, подальше держаться от телевизора.

Рязанская область

Людмила Салтыкова

Алексей Бандорин

Мария Тузватулина

Михаил Дальшов

Лидия Терёхина

Людмила Балтыкова

Не решаюсь в глаза посмотреть.
Мы несёмся, всё выше взлетая.
Ах, щекой бы щеки не задеть –
Так её теплоту ощущаю.
Мчимся мы по волнам между звёзд,
Наши руки слились у штурвала

Утром свежий снежок
Ото сна пробудил,
И до детства клубок
Из-под ног покати...

Летняя осень, осеннее лето...
Пёстрые пряди притихших берёз,
Ряска речная, туман предрассветный...
Ну а в саду, под забытой скворечней,
Где георгины с шафранами в ряд, –
Запах с горчинкой, пронзительно-нежный...

Вёсны приносят нам весточку вещую
С ветрами свежими, водами внешними.
Вёсны приходят к нам
с ветками вербными –
Векселем вечности, верою-вектором.
Светлые вёглы, как верную версию.
Свечи серёжек развесили весело.
С вечера тянутся в зори рассветные
Вёрсты к вершинам,
завещанным вечностью...

Словно в горы, иду в одиночество –
И тогда мне никто не нужен.
Одиночество – гордое слово,
Лишь орёл над вершиной кружит...
Холодны без солнца ущелья...
Одинокость – костлявое слово.
В одинокости – рока жестокость...

Время вспять побежало
Полусонным аллюром.
Вот уж видно начало –
Нулевая фигура.

Алексей Бандорин

Господи,
нет у меня друзей,
кроме собственной тени,
поэтому
тёмной ночью
бываю я так одинок.
Господи,
спаси мою душу:
в жуткие эти мгновенья
она уместится
в один просвистевший плевок,
а я стану деревом...
даже не деревом –
чахлым растением
на зоне затерянной,
где каждому отмерен
утрюмый срок
и где однажды
конвоир рассеянный
с глазами Есенина
растопчет
мой спящий цветок...

Жуткая, совы бесшумней ночь
Придавила Русь разбойничьим крылом,
И бегут, бегут надежды прочь,
Прячутся и зябнут под кустом.
Подберёт, согреет их поэт –
Потеснят безвылазную грусть.
Голубиный трепетный рассвет
Возвратится радостно на Русь.

Все дороги ведут в Рим,
Но приводят всегда на погост.
Все молитвы горчат, как дым,
Но всегда достигают звёзд...

Не знаю, кто водил моей рукою,
Я написал: «Люблю людей, люблю».
Не знаю, что случилось вдруг со мною,
Но понял я: люблю людей, люблю.

Изольда – изо льда,
А ты – из света, Света,
Ты – жаркая мечта
Безумного поэта!

Мария Түзватүлина

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

Я умею только петь и плакать:
Много или мало – лишь на грани.
Соком брызжет солнечная мягкость –
Кровь заката по оконной раме.
Помню много сказок древних, тайных,
Но тебе одну лишь подарила.
Меру знаю – два
предела крайних:
Ничего и все богатства мира.
Слушай песню о бескрайнем море,
Как оно всю ночь кипело пеной,
Не жалело жемчуга и соли,
А к утру, как тайный дар Вселенной,
Тебе под ноги швырнуло мою душу,
Облизав волной песчаный берег.
Вот оно, шумит сквозь строчки. Слушай.

ЧАЙ

А нежность – без дна и края, бушующий океан,
И эта стихия – чаем в гранёный простой стакан.
Берёшь осторожно – пальцы стекла обжигает гладь –
И с кухни шагаешь тихо, чтоб на пол не расплескать.

Тепло, отогрелись руки, у кресла мурлычет кот.
А нежность – она безбрежна, но вне берегов есть порт,
И люди к нему стремятся – и воздух, звеня, дрожит...
– Ведь ты не исчезнешь, правда?
Ты будешь со мной, скажи?

Но тесно в стакане морю – и хлещет оно за грань.
И вот накрывают волны – и соли полна гортань.
А голос вдруг тише, глаже, и локоны мягче на
Плечах, с коих пало время. – Не ведает нежность дна!

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

Я умею только петь и плакать:
Много или мало – лишь на грани.
Соком брызжет солнечная мягкость –
Кровь заката по оконной раме.
Помню много сказок древних, тайных,
Но тебе одну лишь подарила.
Меру знаю – два
предела крайних:
Ничего и все богатства мира.
Слушай песню о бескрайнем море,
Как оно всю ночь кипело пеной,
Не жалело жемчуга и соли,
А к утру, как тайный дар Вселенной,
Тебе под ноги швырнуло мою душу,
Облизав волной песчаный берег.
Вот оно, шумит сквозь строчки. Слушай.

Михаил Даньшов

МАЛАЯ РОДИНА

Я счастлив тем, что в этом мире есть
Мой уголок, где я хоть что-то значу.
Здесь родина моя. И только здесь
Поёт душа, ликует или плачет.

Едва ли в мире есть ещё места,
Где сердце так же трепетно забьётся.
Здесь с материнским молоком впитал
Любовь к земле, что Родиной зовётся.

От куполов церковных и икон
Теплом струится благодать над полем.
Мой милый край, под колокольный звон
Спешу к тебе по вешнему раздолью.

И нашей встречи радость не тая,
Под перелив шального жаворонка,
Мне тянет руки родина моя
Голубоглазой озорной девчонкой.

Звенит весна среди родимых мест.
Отсюда путь мой был когда-то начат.
Здесь родина моя, и только здесь

Поёт душа, ликует или плачет.

КРИК

Как календарь года свои листая,
Вновь пережить пытаюсь каждый миг.
И журавлем, отбившимся от стаи,
Кричит душа... Но кто услышит крик?

Не от того ль так поседел я рано,
Что очень часто видел эту жизнь
Сквозь призму ограненного стакана,
Чтоб сгладить боль от надоевшей лжи?

Не от того ль так гулко ноет сердце,
Что позабыв родительский уют
Пытался на чужбине отогреться,
Жизнь проживая попусту свою?

Ну почему же лишь теперь заметил?
Разбрасывал я годы как слова...
Давно уж осень поменяла лето
И душу ранит жухлая листва.

Кружатся листья сердце оголяя,
Ушедших дней уже не повторить.
Как не кричи, но не вернется стая,
Растаяв в блеклом отсвете зари.

Лидия Терехина

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОЙ СОНЕЧКИ

Мне с детства снятся цветные сны

Шоколадная мечта

Пригревало... Щедрое весеннее солнышко, растапливало снега, и превращала их в шумные журчащие ручейки. Ватага ребят бежала за самодельными лодочками, которые мастерил на пороге своего крыльца старшекласник Коля.

- Моя быстрее!.. – кричал Славка.
- Нет, моя!.. – кричал Валерка, удаляясь вслед за корабликами.
- Коля, я тоже хочу лодочку! – упрашивала мастера маленькая Сонечка.
- Неси дощечку, а то у меня все закончились.
- Она принесла дощечку Коле и стала ждать чуда.
- Да тут получится две лодочки или один большой парусник! Сколько делать, выбирай!
- Она стала думать. Две ей не надо, а вот большого парусника ни у кого из ребят нет.
- Парусник!
- Коля принёс из дома газету, краски. Нарезал разного размера листочки.
- Это у нас будут паруса и тебе надо их раскрасить.
- Каким цветом?
- Любим! Хотя красным, как в сказке «Алые паруса». Будешь у нас Ассолью.
- Солью? Я не хочу быть солью!
- Да не солью, а Ассолью. Девочку так звали. Она мечтала о принце, который приплывёт к ней на корабле с алыми парусами.
- И он за ней приплыл?
- Да. Приплыл и увёз её далеко-далеко, где она была счастлива. Потому что мечта её сбылась.
- Коля, а у тебя есть мечта?
- Есть.
- Какая? – вкрадчиво спросила Сонечка.
- О велосипеде! Я бы на нём как жажнул далеко-далеко, куда ногами не добраться!
- У... – разочаровалась она. – Это разве мечта? Вот у меня мечта! Чтоб всё вокруг было из шоколада: и земля, и дома, и всё, всё, всё... Выйдешь из дома и отламываешь по кусочку: то от яблоньки, то от калитки и ешь сколько в тебя влезет!
- Тогда раскрашивай всё в коричневый цвет, будет у тебя как будто шоколадный корабль.

Когда парусник был готов, Сонечка увидела, что весь коричневый он стал каким-то скучным, безрадостным. Она оглянулась вокруг и подумала, что, если всё станет шоколадным, тогда не будет журчащих, прозрачных ручейков и лодочки никому не будут нужны. Не будет деревьев, на которых скоро зазеленеют листочки, и не будет светить солнышко, ведь оно растопит шоколад и все начнут вязнуть в нём. Станут липкими. И поняла она, что мечта её не очень правильная. Но отказаться от неё она пока не может, потому что очень любит шоколад.

Красный и синий

Играли дети в игру «Красный и синий». Разделились на две команды. Сонечка попала к Синим, и их должны были искать Красные. Всех нашли, кроме Людки. Она была самая старшая и самая хитрая, потому что спряталась не по правилам, у деда Линька на печи. Красные очень долго её искали, прямо с ног сбили. Сонечка гордилась своей командой и вслух объявила: «Вы Людку никогда не найдёте, потому что она на печке спряталась!» – и тут же получила подзатыльник и обидное слово – «предательница».

Платье

Сонечкино будущее платье лежало на швейной машинке наживлённым. Платье штапельное, белое, в цветочек. Подол и рукавчики-крылышки с крупным орнаментом. Красотища-а! Сонечка, воспользовавшись отсутствием мамы (она пошла кур покормить), аккуратно влезла в платье и, не сдерживая желание, помчалась через весь порядок, как бабочка с трепещущими крыльями. На улице никого, да ещё и крылышки у платья оторвались... Мама, вздыхая, покачала головой, помогла Сонечке снять платице и уселась скорее его дошивать.

Проталины

Гомон птиц и детворы перекликался со звоном капли падающей с крыш. Первые проталины заманивали на свои спинки девчонок и мальчишек для игры в лапту или в классики. – Соня, пойдем играть в карныкалки! Так в селе почему-то называли игру в классики. Наверное, по ритму подскоков. Карнык, карнык... Солнышко пригревало сильно, что хотелось сбросить с себя пальтишки, но боялись, что увидят родители и заругают. Лишь Славик никого не боялся и разделся. – У меня мороженное! – кричал он, показывая всем сверкающую, прозрачную сосульку! – Вкусно-о! – облизывая её, говорил он. И было похоже на правду. Сосульку облизывали все, и на другой день тоже заболели все – ангиной! Кроме Славика, потому что он был закалённым и по утрам обливался холодной водой.

Кукла Нина

Во втором классе на новогодние каникулы мама привезла Сонечку в гости к своим сестрам в Ленинград, теперь он называется Санкт-Петербург, а раньше назывался Ленинградом. Сонечка была забавной девочкой, и тетки её любили. А она очень любила тётушек за доброту и ласку. За то, что они угощали её всякими сладостями – тортиками, красными яблоками, конфетами «апельсиновые корочки». Такого в деревне и не сыщешь. Сонечка любила петь, а они любили её слушать. Вот стоит она на табурете, голосит песню: «Как хотела меня мать за первого отдать...», а на седьмом женихе дядя Саша, тети Лизин муж, вышел из кухни и вернулся с большой коробкой. – Вот тебе приз, девочка, за душевное пение! Открывает коробку и вынимает из неё моргучую куклу. – Нина, любимая моя! – восторженно протягивает к ней руки Сонечка и прижимает к груди. Кукла смотрит на неё голубыми глазами и говорит: – Ма-ма!

Мороз

Был сильный мороз. Деревья в инее словно сахарные. И всё вокруг будто из сахара, так и хочется лизнуть. Сонечка отправилась кататься на санках. Новенькие санки были алюминиевые, деревяшки раскрашены в радужные краски. Скатилась Сонечка с горки, раз другой и заскучала без друзей и подруг. Вера болеет, Нина на другом конце порядка живёт, а там злая собака без привязи бегаёт. Легла она на санки и, отталкиваясь руками, поползла назад к дому. Изо рта пар клубится, и санки индевеют от соприкосновения с тёплым дыханием. На самом краю железяки льдинка образовалась. Всё больше и больше, прям леденец. Лизнула его Сонечка, и язык к санкам приморозился. Ни встать, ни сесть. Хорошо, мама в окно увидела. Прибежала с тёплой водой в кружке и освободила Сонечку из ледового плена.

Об этой истории Сонечка своим подружкам не рассказала, потому что распухший язык долго болел.

Лыжи

Мама накопила денег и купила Сонечке долгожданные лыжи. Они блестели чёрной краской и лихо задирали носы. На лыжах нужно уметь кататься, но так как лыж у неё раньше не было, то и опыта тоже, а пройтись по рыхлому снегу не терпелось. Скоро должна была прийти с работы мама, и Сонечка решила встретить её на лыжах. Крепления были «таковские», не жёсткие, а завязывались вокруг ноги кожаными шнурками. Сонечка кое-как справилась с креплениями. Неудобно самой-то завязывать их сзади. Взяла лыжные палки и тронулась в путь. У дома был небольшой спуск к дороге. Когда съезжала с него, слабоватые коленки дрогнули, и, скрестив лыжи при падении, Сонечка приземлилась на снег. Она пыталась подняться, но привязанные к лыжам ноги мешали. Барахтаясь и так и этак, то налево, то направо, она услышала вдруг странный звук, похожий на «Крак!»

Правая лыжа надела на левую лыжу, и задранный нос переломился. «Ой-ё -ёй, ой-ё-ёй...» – металась горемыка. Вылезла она из одного валенка, а за ним и чулок потащилась – мотается на ножке пустотелой змейкой, но ей не до него. Развязала наконец-то завязки, подняла с земли отломанный кусок лыжи, пытаюсь приладить его на место. Будто надеясь, что он прирасти сможет... За этим занятием и застала её мама. Сонечка разрыдалась, оплакивая лыжи и свою неудачную жизнь. Мама подняла лыжные палки и пошла в дом.

- Горе ты моё! И всё-то тебе неймётся! – вздыхая, ворчала мама.
- Погодя, она слазила на сушилы сарая и вытащила сверху одну лыжу. По виду та была старая.
- Вот и пригодилась! От Женки осталась, от брата. Он тоже одну сломал, а я не стала выбрасывать. Вот и пригодилась!
- А ничего, что она красного цвета? – тихо пролепетала Сонечка.
- Главное – лыжа есть, а перекрасить недолго! Сонечке сразу полегчало.

Санкт-Петербург

Дмитрий Григорьев

Валерий Земских

Пётр Казарновский

Арсен Мирзаев

Дмитрий Чернышев

Дмитрий Григорьев

НИКАКИХ ГВОЗДЕЙ

Не выходит из головы
сумасшедший,
чьё фото я видел в детстве
в каком-то учебнике медицины,
забивший в собственную голову гвоздь:
единственно верную железную мысль,
она была хорошо видна
на рентгеновском снимке.
А у меня даже гвоздя в голове нет,
только этот безумец.
Гвоздь, конечно же, выдернули,
осталась просто дыра в черепушке,
что, в общем, обычное дело:
говорят, в определенных кругах
даже хвастались
дырой в голове,
просверленной специально
чтобы энергия свободно пришла из космоса
в череп-ловушку
как джин в бутылку.
Затем дыру затыкали специальной пробкой,
так и жили люди-бутылки:
с волшебным шампанским
зреющим в голове
без всяких камней глупости,
тем более, что Босх
рисовал вместо камня тюльпан,
хиппи, наверное...
Такие вот, наконец, мысли появились,
и – никаких гвоздей!
ПИШУ:
Я украл эту дорогу,
украл свет в окне дома на берегу
возле самого края деревни,
лай собак, синие вспышки в ночи,
я украл этот город
с его улочками и помойками,
гомоном на тесном базаре, где чачу
предлагает попробовать толстый торговец,
а горсть ягод, взятая наудачу
оказывается вкуснее всего на свете.
Что завтра украсть – пока не знаю,
но я видел разные знаки:
«остановка запрещена» или
перечёркнутого человека в красном круге
на краю автострады –
несмотря на запреты он шагает
туда, куда никому не надо.

Валерий Земских

Долго стояли
в небо смотрели
и небо смотрело на них
Можно ли было ответить
ведь главный вопрос
не пытался никто задавать
Скорбь разливалась
потоками огненной лавы
и застывала у ног
Переминались
пытались тушить
хороводы водили и бубном трясли
Мал островок
одни камни
колючий кустарник и пыль
Ни мельтешения звёзд
ни улыбок Луны
лишь туман
Отвернулся
но куда деться
вокруг пузыри
и отражения корчатся
в каплях воды

Пойдём
Нет
Некуда
Высматривай в окне
Прохожего
Вчера на небе
Ни облачка
Сегодня неба нет
Фломастером на сером полотне
Рисуешь глаз
Опущенное веко
Ресницами прикинулись антенны
И ловят мысли
В них всё об одном
Пойдём
Пойдём
Нет
Некуда идти

Полоса на стене
Наискосок
Не тянет к земле и не рвется в небо
Но глаза закроешь
И жирная черная молния
Как наяву
И ни о чем
Не говорит полоса на стене.

Пётр Казарновский

Тычь в течь туч –
Точь-в-точь tuch
В чело лучше луч
Плашмя плетью в плач
Замесится небо сывороткой звезд
Заземлится поле усталой травой
Рыбы лесные прельстятся приманкой мест
Теперь куда прильнешь головой?!
Чело укачало в мочало
Началом печали
Початок у чада чалый
И плечи тягчали
А матери мрут ротами
Воздух ища ртом
Пóротыми чадами, желторотыми
Жертвуя всем сухим ветрам
Сирая среда
Серый срок
Сурового суда
Сок
Тянется каплей по острию
Неба с овчинку – чего еще больше?!
Нить разовью
Птицу собью
Помилуй мя, Боже

Зависла мысль над стогом сена.
Уткнув упрямое колено
В исчерна-южный небосклон,
Следил я звездопад.
И стон
Сопровождал светил скольжение
По тверди. Жертвы приношенье
Творилось тихое везде.
Я думал втайне: быть звезде.
Сочиненное в беспомощности
перед бессонницей
...отрастут
от роз тут...
Отрос тут
отрос тут*
(от роз – тут!?).
А! Трос тут!
...а трос дут
от трасс тут.
О! дрозд тут!!!
Ад – рост уд.
А Trust – тут?
Ад роз тут...
Ад раздут.

Арсен Мирзаев

не будь
среди зараженного логикой мира
забудь
зараженный логикой мир
убей
в себе себя
да побыстрее
пока
не очухался
не передумал
не начал
здроаво рассуждать
логически мыслить

встретились как-то
Вечный Жид
и
Вечный Зов
покурили
поговорили
и разошлись –
каждый в свою
сторону

проходит время
мозг течет
пора бы
получить расчет...
и ни секунды не спасти
на этом сумрачном пути
и на просвет видна
вся жизнь
наперечет –
ее мгновенья

и вот уж нет ее
и нет
вот этого
стихотворенья

все
все дуреют с годами
кроме иных
иные
правда –
величина
бесконечно малая

¹ семейство тутовых.

Дмитрий Чернышев

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

Зикр хасана басри

Да будет с ним милость Аллаха.

Знаешь, когда их откопали... ну, словом, увидели, что зубы у них превратились в бирюзу. Пустыня, нет, не пустыня – пустынная пыльная каменистая местность, мельчайшая пыль, прах закручивается ветром, серая, сиреневая – палевая, но это только низко над землёй, а небо – бесконечно далёкая плоскость, серо-голубая, пустота, словно и нет воздуха.

И спросили: о шейх, сердца наши спят, и слова твои не оставляют в них следа, что нам делать?

Он сказал: если бы они спали!

Когда до спящего дотрагиваешься, он пробуждается.

Наши сердца мертвы, и, сколько не береги их, они не проснутся.»

Разве Авана и Фарфар, реки дамасские, не лучше всех вод израильских!»

* * *

Спускаешься по лестнице, шаг за шагом, старательно пытаюсь не отвлекаться. Если сосредоточиться на собственных механических движениях, всё получится. Нет, только не лифт. Надо идти пешком.

Но – между шестым и пятым этажами подстерегает: окно! В далёком 45-ом году взрывная водна от фугаски не долетела сюда, и окно скалится остатками витража. Маленький, тускло сияющий рай: молочно-белые неньюфары, голубая вода, зелёная осока – всё в жирной пыли и паутине. Но солнце! солнце!

Застигнутый этим зрелищем болота, сияющего над Петербургом, ты приваливаешься к стене и неуклюже оседаешь на ступеньку, не в силах оторвать взгляд от геральдического переплетения стеблей. Мир – не распался, он сужается до одного золотистого тёплого луча, до одной точки.

Тебе – всё равно.

* * *

А представь себе: у меня жених – горец! Пылкий джигит, увидел меня – влюбился. Розы, шампанское, «Волга», рестораны. Я – ни-ни! – гордая, он предлагает замуж – ни фи́га, розы и сыр – камамбер, пальчики оближешь, смотрим видики. Хочу в Сочи.

...Просит моей руки, потом – соглашаюсь... Жить, естественно, будем здесь, а пока едем к его отцу, меня показать. Фрукты, шашлыки. Но предупреждает: они там все мусульмане, надо быть тихонькой, курить нельзя. Ладно, приколюсь, побуду восточной женщиной.

Ну, самолетом до Грозного, там встречает брат-красавец на тачке, поехали. Горы – красота! Приехали. Селенье маленькое, грязное ...все там очень богатые, но совершенно дикие, мальчишки закутали меня в белую кисею, чтобы другие джигиты не видели. Одно слово, Азия-с, но клёво.

Народа в дом набилось – как на похороны Цоя, – честное слово, – все на меня глазеют, а по самому центру сидит долгожитель, отец, значит, на голове чалма, и глаза у него пронзительные, лучистые.

– Папочка, это и есть Аня, – говорит мой хахаль, а сам локтем в бок пихает, мол, чтоб поклонилась.

Тут долгожитель как вскочит, костылём замахал:

– Это нэ жэнчина для моего сына! Это птица АНКА! Аллах создал их совершенными, но они стали губить племя асхаб-ар-расс, и святой Хаджалла этих птиц уничтожил. Почти всех, так сказано в хадисе. Машалла! Свяжите её и ввергните в сухой колодец! – ещё и плюнул.

Вот, сбросили меня на дно колодца и забросали камнями, потому что я птица Анка, созданная совершенной, а надо мной джигит плачет.

И лежу я в колодце, и смотрю вытекшим глазом на звёзды, их оттуда и днём видно.

Похищение бал-бала

Девушка!

Стоило ли

бежать из Белостока?

Булгары. Волга – цвета известняка, из которого высечена могильная плита Суар-Мелик, дочери Джафар-Аги аль Джурдани.

Дочитаю Бунина и уеду в Ульяновск, в Самару. Потом буду вспоминать Волгу: удручающую ширь, всю в мелких волнах воду – цвета той карликовой полыни, что росла в заповеднике в Булгарах.

Берега – неописуемы, я не могу описать, нужны краски ... и неправдоподобная синяя дымка. Так не хватало на серо-зеленоватой воде рефлексов от розового «Самолёта», белых бликов от «Кавказа и Меркурия».

Почему меня всегда тянет странствовать в такое холодное время – на исходе осени? Почему люблю пастельные цвета, цветное стекло, вид зелёных яблок?..

Мечу бисер перед очаровательными поросёнками! Хрустальный, лиловый, зелёный, голубой, и тех цветов, коих поросёнки и вообще, не видят.

...юные, худее тела, призрачно-розовый огонь сигареты в серебристом пепле (и сигареты с белым фильтром, хоть и не всегда вкусные). Мне столько же, сколько было Петrarке, когда он встретил Лауру. Уже и больше.

...может, хоть чая попить холодненького?

Люблю звуки: х, ю, и, ц, щ, ть – у них цвета хорошие, нежные.

«мы должны быть чисты и милосердны
Суар-Мелик дочь Джафар-Аги аль Джурдани
звуком курая
часть смерти к нам пришла»

* * *

Опять повадились ангелы в нашу квартирку. Пьют украдкой лиловое вино, спят вповалку на диване. Похоже, дезертиры из небесного воинства, видно, там беспокойно. Кошки их пугаются, а жена сказала: – Надо гнать! Не дай Бог, военный патруль – все будем соляными столбами!

Я им предлагаю идти в хиппи, дал телефоны, адреса. ...Только одного оставил: он так хорошо играет с нашим сыном.

Воспоминания о московском метро

Леонарду Данильцеву

Входили на станцию и проезжали в вагонах в нетрезвом состоянии.

Курили на станциях и в вагонах метрополитена.

Провозили пожароопасные, взрывчатые, отравляющие и ядовитые вещества и предметы, бытовые газовые баллоны.

Портили оборудование и стёкла вагонов.

Спускались на пути и ходили по путям.

Подкладывали на железнодорожные пути предметы, которые могут вызвать нарушение движения поездов.

Осуществляли какую-либо торговлю, фото и кино-съёмки, без письменного разрешения руководства метрополитена.

На нас было наложено предупреждение, штраф в размере до 5-ти рублей, штраф в размере до 10-ти рублей и административная ответственность соответствии с действующим законодательством.

Мы были счастливы.

* * *

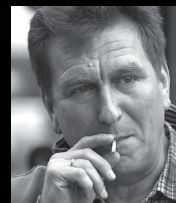
И. Губановой

...это мне помешало. В самом деле, если боги хотят погубить человека, они выполняют его желания. Воздух был чистый, небо слегка оранжевое. Тянуло сигаретным дымом. Нет, то было не отупение, похмелье – отрезвляющая холодная ясность. Мысли – legionеры, закаленные в бесконечных походах и сражениях. А ты вторглась, словно разъезд варваров на конях – бесшабашная, с сияющими глазами, колчан с луком и стрелами притулился между лопаток на спине подростка.

Помнишь, в Эрмитаже, выставку из Кёльна. Римский музей – это наше будущее. Обшарпанные беломраморные головы укреплены на трубчатых низких стойках, стойки окрашены суриком. После нудных речей и духоты галереи Растрелли. И юноша из рода Юлиев... Скажи мне, что такое – чудо?

«ЧУДО – по общим законам неудобноизъяснимое дело или событие». (Словарь церковнославянского языка, составленный 2-м Отделением Императорской Академии наук. – Санкт-Петербург, 1868).

Республика Татарстан

Алексей Остудин

Лилия Газизова

Вера Хамидуллина

Адель Хаиров

Лилия Газизова

ПАМЯТИ АНДРЕЯ НОВИКОВА

1

Позвони неожиданно.
Чтобы я выронила чашку из рук,
Чтоб рухнул мир,
Который я старательно
Кирпичик за кирпичиком.
Позвони неожиданно,
Чтобы картина на стене
Покачнулась.
Чтобы всё – по-другому.
Чтобы жизнь – кувырком.
Чтобы я очнулась,
Наконец,
От сна.

2

О чём думала эта женщина,
Сорокалетняя и счастливая,
Скрывающая от всех
Свой возраст,
Названия любимых книг
И фильмов,
Имена любимых поэтов
И музыкантов,
Чтобы никто
Не узнал её
По-настоящему...
О чём она думала,
Когда бежала в синем платье
По мокрому от дождя перрону,
Боясь опоздать
Или разминуться...
Что рождена для счастья?
Что её не догонит бессонница?
Пусть бежит в своём любимом платье
Пусть не знает будущего,
(Оно всегда безутешно).
Пусть она навеки счастлива
В том дне...

3

Я знаю,
Тебя поманила Ингрид Бергман,
И ты уехал в Касабланку.
...Искать не надо –
Ты в баре «У Рика».
(«Все приходят к Риду»),
Как обычно,
Выбрал столик
В дальнем углу.
Куришь вишнёвый табак.
Рассматриваешь немногих посетителей.

Заводишь разговор
С незнакомцем
О чём-то постороннем.
Улыбаешься
И произносишь её,
Эту фразу:
– ...Это может стать началом большой дружбы.

4

Я жду утешных дней.
Когда слова вернут себе
Значения исконные.

Пруд будет означать
Округлый водоём.
Март снова станет
Одним из месяцев
Весенних.

Но смысл соседний
Будет настигать,
Когда мне слишком много
Будет солнца.
Я своевольничать не стану
И март приму,
И чёрный водоём,
И пустоту.
Без смысла
И без боли.

5

Каждое утро
Придумываю твою смерть.
И к вечеру
Она сбывается.
Но к рассвету
Ты снова оживаешь

ДЕРЕВЬЯ

Когда мы поссорились,
Между нами выросло дерево.
Прошло несколько дней,
И между нами уже был лес.
А я пряталась то за одним,
То за другим деревом.
Не понимала, глупая,
Деревья – это серьезно.
Пройдет лето,
И мы увидим друг друга...
Но деревья все равно
Будут стоять между нами.

Алексей Остудин

БУДИЛЬНИК

Я не чаю в тебе, я не кофе души,
ни с какой из подруг не сличаю.
Чрезвычайные розы на окнах свежи
несмотря, что морозом не крепчает.
Догадайся, в каком механизме хитро
щиплют время голодные стрелки?
Расползлась корневая система метро
и свисает лапшой из тарелки.
Только выйти из дома окажется влом,
потому что ты очень красива.
Я – как скомканный воздух дрожу над костром,
ты – Европа из тёплого пива.
Мы зарежем будильник за слово «люблю»,
неразлучные хмели-сунели,
потому что сумели проспать во хмелю
оглушительный грохот капли.

ПАЦАНЫ

Засушенный Левиафан насущный
сгодится нам под пиво или водку.
Оставь надежды - всяк сюда идущий,
пересчитавший прутиком решётку.
На переезде пёс кусает воздух,
как самовар, захлёбываясь паром,
вокруг сплошные тернии, а звёзды
задушены коньячным перегаром.
Лопату прострелив из самопала,
зайдешь в кино, а там сплошные «Даки».
И время пролетает, как попало,
на вырезанных лыжах из бумаги.
Мы этот мир прощупали с изнанки,
в центральный парк протискиваясь боком,
где наполняют жестяные банки
берёзы свежесвырубленным соком.
В пятнадцать вёсен сладко сердцу ёкать,
воздушный поцелуй, как чай из блюдца.
Мы выросли без страха и упрёка,
и в этом смысле некуда прогнуться.

Мы с кем-то подрались до первой крови,
а я плевать хотел на гололёд...
Вон тень моя лежит с разбитой бровью,
и почему-то долго не встаёт.

Мой госпиталь – зима. Я на закате.
Широкий снег прошёл через пустырь,
как санитар в распахнутом халате,
по капле проливая нашатырь.

Вера Хамидуллина

Где-то там в ноябре
Происходит пото...
В то же самое вре...
Я иду без пальто.
И ноябрьская сты...
Увлекает меня,
Где горбаты мосты,
Мне во след рассмея...
Переулки, дворы,
Фонари автостра...
Мне отход перекры...
Им занята игра.
И влечет лабири...
Где в потоке воды,
Проплывут ноябри
И исчезнут, как ды...
Виртуозные па,
Степ шагов в лабири...
Пан я или пропа...
Угодив в ноябри?...
Ноябри...
Но я бри...
Ноя бри!
Но я б – ри...

АПОКОПА

А покопа...емся
Ем пакос... а ся...по...
Коп... яма по се...
Кап... Семя...О попа...
А поем пса яко...
А я оском... папе
Я сам пас поко...
Сяка... А поем – п...
Оп-па соя Каме...
А посме... копая
Ком опасе... пая...

МНЕ ХОЧЕТСЯ С ЖИЗНЬЮ
ОБЩАТЬСЯ НА «ТЫ»

Мне хочется с жизнью общаться на «ты»:
Считать по секундам до старта минуты,
Срываться в глубины, взлетать в высоту,
Шагать по висящему, зыбкому мОсту,
Держа на руках, как невесту, мечту...
О да, невозможно! Но, в принципе, просто...

Адель Хайров

ХОЛОСТЯЦКАЯ КВАРТИРА

Бердобольная родственница

В понедельник ко мне заглянула тётя. Чересчур живая, громкая. Я оставил её с шуршащими пакетами на кухне и притворил дверь. Она продолжала со мной разговаривать. О чём-то спрашивала, и сама же себе, подражая моим интонациям, отвечала. Очень похоже на беседу. Тётя с ногами-батонами, которые переминались в дверном проёме, заварила себе чай и съела почти всё что принесла. Целый час на кухне жевала и прихлёбывала, потом спросила, где кошка. И ушла, сунув пахучие пакеты комом в ведро. Они, распрямляясь, гремели кровельным железом...

Бывшая жена

Бывшая жена объявилась вечером во вторник. Стояла в проёме изваянием и цокала. Комочек снега стекал холодцом с плеча, хотя на улице шумел май. Где нашла? Нудный запах набился в комнату. Я услышал из крепко стиснутых до посинения губ тирады. Если мне взглянуть на фотографию Лидии Руслановой, то в ушной раковине заскрипит граммофон с её валенками! Голоса у них похожи. Бывшая жена забрала последнюю вещь, которая принадлежала ей – гвоздь. На нём раньше висел её халатик. Расшатала, как зуб, и вырвала двумя пальцами.

Молодое тело с петухами

В среду раздался странный звонок в дверь, похожий на шёпот в ухо. Каким образом тутая доверенная кнопка могла так «прошептать» – загадка. На пороге стояла татарочка. Ошиблась адресом, но поняла это не сразу. Вытащила в прихожей денежку из-под квитанции по квартплате. Прошла в ванную, пустила воду. Сполоснула пальчик. Потом полежала на тахте. Показала мне за пять тысяч красное от мая плечо с выколотым колибри. Поскрипела. Покурила. Позвонила. И испарилась, оставив яркий квадратик презерватива, червячок окурка и запахи потных петухов, которые запрыгивали друг за другом ей на плечо – потоптать колибри.

Соседка с тюльпанами и сигаретой

Её муж уехал в четверг. Ходячий шкаф со множеством карманов-ящичков, в которых легко могло бы разместиться всё содержимое моей комнаты. Я думал, он телохранитель. Оказалось, оптовый поставщик голландских тюльпанов, которые закупал в Китае. Узнав, что у меня день рождения, соседка принесла целую охапку жёлтых тюльпанов. Они вылакали всю воду из таза и завяли. Её рука, как отрезанная голова фламинго с сигаретой в клюве, висела в луче, набивая его, как чулок, волосами дыма. Она жаловалась, что дома всё провоняло цветами. А курить нельзя! Испачкав ладонь о кофейную гущу, оттерла листком рассказа, который я вычитывал и забыл на стуле. Долго комкала, ломая молочные косточки моего детства на улице Тихомирнова. Потом всплакнула и ушла. Ночью я сдул пепел с букета и зачем-то пересчитал: сорок увядших тюльпанов были похожи на длинноногих старушек.

Пьяная хозяйка

Бывшая хозяйка квартиры так и не смогла вывезти громоздкий буфет, похожий на склеп в виде маленького пантеона, где хранятся урны с прахом. В пятницу она зашла его проведать. Там, где-то сбоку в кармашке, стояли синие рюмочки на один глоток. Таких глотков она делала двенадцать. Сосредоточенно, не чокаясь. Как-то она уже пришла пьяной, разбила рюмку и закусила свечкой, приняв её за сыр. Взяла нож и принялась резать. Нос с золотой капелькой бальзама кряхтел над столом. Потом он вспомнил о потерянных очках и сунулся в буфет. Посопел туда-сюда, но отыскал наручные часы покойного мужа «Чайка», которые от прикосновения вдруг затикали. Мина воспоминаний!

Еврейка с куриными глазами

«Всё что мы не любим – для нас не существует!» Вспомнил фразу, когда увидел миниатюрную еврейку, которая шла на меня в пыльном снопе света. Она появилась в кубе комнаты в субботу, куда заколоченное окно впускало в щелку лишь свет без воздуха. Её сладкие духи забежали вперёд.

Чёрное короткое платье скрадывало фигурку. Отдельно шея, пол-лица, руки, коленки. Был момент, когда свет пополз вверх и, оттолкнув шляпку, ослепил её. Куриные глазки прослезились. Она прошла мимо, всколыхнув меня, как шторм. Карамельные духи висели ещё три дня, потом от коврика потянуло кошкой.

Рыжая уборщица

Рыжая дебелая приходит по воскресеньям. В руках пустое ведро с рыжим веником – торчит букетом. Бросает куда-то в сторону «здрасьте» и, пятясь раком, принимается за уборку. Я называю Рыжую «русским танком» и, после её ухода, всегда прибираюсь. Собираю разлетевшиеся бумаги, вынимаю из помойного ведра черновики. Своей рыжей задницей она сметает мои рассказы с подоконника, со стола... Мой первый читатель!

Сегодня подняла глупое лицо, и я увидел, как вспотели её веснушки. Они были яркие, и когда лицо смещалось, не поспевали за ним, рисуя в воздухе рыжих головастиков. Я понял, что она нужна всей этой комнате, как разрушительная сила, которая привносит в стоячую жизнь движение и ветер. В её грубости нуждалась и моя слепая нежность. Было смешно, когда она пыталась подмести сноп света. Пухлая рука её, отрезанная от туловища, отчаянно билась, поднимая пыль. Потом лицо расчихалось, и на этом уборка закончилась. Наконец, я остался один.

В ПАРКЕ ХАИР ОСЕНЬ ТРОГАЕТ ЛИСТЬЯ

Мамочки, углублённые в книжки, толкают впереди себя яркие коляски, на дальней лавочке комары едят парочку, скрипит в небе «Чёртовое колесо», щёлкают пульки в тире, а в пивной «Мечта» в этот час пригорюнились двое. Сдунув пену на мятую рукопись, один из них что-то увлечённо рассказывает приятелю, тот тихо похрапывает с сунутым в солонку пальцем. Но вдруг, не поднимая головы, приоткрывает мутные глазки и говорит: «Да, да, старик, всё так и было. Но прошло! ». В это время буфетчица толкает немытую раму, и влажный ветерок приносит обрывок песни из репродуктора: «В парке Чаир расцветает миндаль...» Первый осенний листочек виртуозно ложится на столик прямо в лужицу. Он всегда ищет, там где грустно. Нашёл!

Гловить кайф

Срываю конопляную макушку и мну её в пальцах. Этот пряный запах переносит меня в детство. Мой деревянный дом, мой скрипучий корабль, утопал в зарослях конопли в глубине двора за кино-театром «Победа».

Недавно показали сюжет, как Наркоконтроль проводит показательную акцию по выявлению зарослей «травки» в окрестностях Казани. Её выкашивают и жгут. Напрасный труд! Местные рок-музыканты знают, что трава это абсолютно некайфовая. Только один я пьянею от её запаха, переносясь в дом, где бабушка ждёт меня до сих пор из школы. Она нажарила целый тазик пирожков с малиной и накрыла их салфеткой. Её руки в муке, поэтому я уворачиваюсь от объятий. Она что-то спрашивает, но ответить не могу. Пирожок мешает!

Кальмары

Как-то я задержался у своего школьного товарища и был накормлен его мамой экзотическим супом, в котором плавали под видом лапши белые щупальца кальмаров. На них казанцы заходили поглазеть в известный на «Кольце» магазин «Рыба-Балык», кое-кто брал кошкам, так как стоили они сущие копейки, как свежая килька, а воняли меньше. И вот мама товарища, начитавшись Кобо Абэ, рискнула купить кальмаров к столу. Я был в восторге!

Уже дома за ужином, нехотя жуя бабушкины треугольники с бульоном, я в подробностях описал ей шевеление пупырчатых щупалец в супе. Бабушке стало плохо, и она запретила мне переступить порог того дома, где меня хотели «отравить»!

Мираж

В пустыне Сахара нам показали мираж белого города с минаретами и огибающим его поездом. Но он был такой правдоподобный, что я несколько раз переспросил гида: «А где же мираж?»

Московская область

Андрей Коровин

Валерий Лобанов

Александра Николаенко

Андрей Коровин

ПЕШЕНКА О СУДЬБЕ

нелепо человек живёт
нелепо в гроб себя кладёт

несите
несите

нелепо любит Бог ужа
нелепо уж ползёт шурша

шуршите
шуршите

нелепо ног нелепо рук
не знает правильный паук

плетите
плетите

нелепо в небе не летать
но нету сил и где их взять

терпите
терпите

нелепо плавать без хвоста
но и с хвостами жизнь пуста

пустите
пустите
несите несите
шуршите шуршите
и т. д.

тили тили трата тата
трали вали трата тата
тарам пам пам
тарам
пам
пам

ПРО РЕЧЬ

кто ты был пескарик под языком
когда рот еще назывался ртом
и слова проплывали мимо
я-то помню жаберный твой испуг
когда череп дня обращался в слух
и рыдал ты во сне совином

плавники твои расцвели в груди
далеко за крыльями не ходи
был пескариком стал синицей
а что речь горька да горда печаль
так уж лучше б ты по сей день молчал
трудно быть говорящей птицей

Валерий Лобанов

ВРЕМЯ

В колодце видно дно,
лет неподъёмно бремя.
Как жаль, всего одно
мне выделено время!

Что мучиться виной,
былое вспоминая?
И я теперь иной,
и ты теперь иная.

Законам естества
натура поддаётся,
и годы – как листва.
Но время остаётся,

глядит в моё окно,
и не даёт мне спуска,
и бродит, как вино,
и киснет, как закуска.

...И небо показалось выше
среди весенней кутерьмы,
когда я из болезни вышел,
как из тюрьмы,

и эта радость соучастья
в текущей жизни на земле,
и это внутреннее счастье
с тобою встретиться во мгле.

и эта музыка немая,
вновь навестившая меня,
когда земля в начале мая
зазеленела за три дня.

ЗАРЯ ВЕЧЕРНЯЯ

Отколошматили по крыше
дождинки – вещество небес,
и месяц кривобокий вышел,
и солнце осветило лес.

Ловлю, как в радиоэфире,
шум сосен, соловьиный щёлк.
О, как светло, как чисто в мире!
Как быстро летний дождь прошёл!

Окна распахнутая дверца
и радужные пузыри...
По-детски радуется сердце
последним сполохам зари.

Александра Николаенко

БЕЗ РЕГИСТРАЦИИ

Жили-были старик со старухой, на улице героев Панфиловцев, во дворах, где магазин «38 копеек».

Они жили в хорошем кирпичном гараже, на фундаменте, у них там стоял раскладной диван, обогреватель старой модели «Юность», мебель: письменный стол и два стула, и старик (из экономии электричества) ещё выложил кривенькую Буржуйку, в которой старуха пекла голубей и картошку, грела чай, и варила макароны и гречку.

Иногда старик приносил из контейнера за магазином банку тушёнки, или ещё что-нибудь хорошее, но потом администрация магазина стала вешать на контейнер замок, и пришлось обходиться так, без хорошего.

Раньше, когда они ещё жили в квартире, на пятом этаже, по той же улице (ещё при Ванечке), они жили лучше, а теперь жили вот так, потому что эту квартиру старик, по своим пьяным делам (уже после Ванечки) подписал на чужих людей. И их за это выгнали из неё по закону судебные приставы.

Старуха была работающая женщина, изобретательная. Она нарисовала на стене гаража голубой эмалью окно, и белой – на окне раму, вбила как-то в кирпичи два гвоздя, и повесила занавески (очень красиво получилось, она была по образованию художница), и ещё повесила над диваном Ваничкины фото, в рамочках и так.

И она мыла пол в их гараже, вытряхивала коврик, протирала пыль с мебели, и вообще наводила на жизнь уют. Они прожили так, с божьей помощью, три зимы и три лета, а потом старуха простудилась зимой у ворот Всесвятского, легла на диван, закрылась до подбородка шубами и ещё какими-то тряпками, (у нее были две шубы и тряпки) и стала умирать.

И вот, приходит старик в тот день, в девятом часу с работы (он работал в подземном переходе на ту сторону героев Панфиловцев, играл на баяне полонез Огинского и «На сопках Манчжурии», получал хорошие деньги). Но был человек слабый (мы говорили) и от этого горький пьяница, и почти весь его заработок уходил на эту гадость, а ещё же подорожал со временем хлеб, и приходилось платить ежемесячный взнос в гаражное товарищество и за электричество.

И он вернулся, и видит – в гараже не убрано, и на буржуйке ничего не варится. А старуха лежит плашмя под шубами, и ничего не говорит, только смотрит.

Он сообразил, что у старухи приступ (такое с ней и прежде случалось, но они утешались тем, что у неё, у старухи, вероятно, в желчном пузыре камни или ещё какая-нибудь болезнь, и приступы проходили, хотя по приступам старуха громко стонала, вертелась и не мола уснуть).

Но тут она и не стонала даже, а только лежала и смотрела в потолок, где жёлтое пятно света от лампочки.

Старик взял это дело в свои руки, лекарство было одно, и он налил его себе и ей в пластиковые стаканчики, и кое-как приподнял больную на валик (она была у него тяжёлая старуха, большая), и хотел ей влить лекарство, но старуха сжала губы и только смотрела на него пыльными грустными глазами.

Он выпил сам, и дальше не знал, что делать, но только присел к своей старухе на краешек, и они оба помолчали.

И она смотрела на жёлтое пятнышко света, где лампа, и лежала под шубами.

Её, может быть, нужно было на скорой в районную 67 больницу, но кто же возьмёт старуху без медицинского полиса, регистрации и прописки в 67 районную?

«Без прописки и регистрации, – как сама она говорила, – Саня, только на небеса».

Он выпил ещё, и ещё выпил, и когда всё кончилось, сообразил, как перехитрить эти самые небеса и устроить старуху на лечение в 67 больницу.

Он укутал старуху потеплее, кулем повалил на санки (она всё молчала) и повез мимо 34 детского садика, через дорогу и бульвар в направлении этой больницы.

Он решил привезти старуху к приёмному отделению и, оставив на санках, постучать в двери, а самому спрятаться.

А там её, мол, возьмут, наверное, пока и без регистрации, потому что там они не могут не взять до выяснения паспортных данных и адреса (вдруг старуха всё же где-то прописана и имеет медицинскую карточку?).

И он вёз свою старуху по спящему зимнему городу, и волок её по асфальту, где было дворниками насыпано солью от наледи, и вздыхал, потому что он был человек слабый и горький пьяница, а старуха тяжёлая, а она всё сжимала губы и смотрела старику в спину.

Наконец они добрались до ворот 67 районной больницы, но они были заперты, и калитка тоже, а охранник центрального входа пил в подсобном помещении с товарищем, а там, где въезжали скорые помощи, охранник не спал и, конечно, их не пустил бы.

Старик поволок свою старуху дальше, и забор, вдоль которого он волок её, был высокий, бетонный и непонятно зачем протянутый сверху колючей проволокой.

Никогда не думал старик, что у этой 67 больницы такая огромная территория, и кое-где в выщерблинах забора сквозь ржавые прутья каркасов видел старик много зданий и корпусов 67, с погашенными уже, по позднему времени, окнами.

Было тихо. Стоял высокий, густой и синий мороз. Из рта старика вырывался горячий пар, старуха всё не разжимая губ. Наверное, долго уже старик тащил старуху вдоль этой ограды районной больницы, как вдруг в заборе открылась ему наконец большая дыра, без каркаса, с выбитым, точно огромным кулаком, до самого неба разъямом бетонных плит.

Старик скрипнул полозьями, разворачиваясь, и поволок свои санки в этот дыру, в которой стояло синее небо, а в небе светили звёзды.

Под этой дырой лежал здоровенный снежный нанос, и старик волок в него сани едва дыша, с хрипом выдыхая из себя воздух, и ледяной, как колодезная вода, вдыхая его обратно.

Старуха лежала кулём и не сползала с санок только благодаря спинке от детских санок их сына Ванечки, который десять лет назад, 16 февраля, вот в такую же морозную ночь, как сегодня, был кем-то, неизвестно кем (следователь не нашёл преступника), зарезан в сердце. У подъезда 23 дома по Панфиловцев, где они тогда все втроём жили.

Теперь эти саночки, на которых старик со старухой возили своего Ванечку в тот детский садик и назад из детского садика, в валеночках, синем пальтишке и варежках с катушками, теперь эти саночки не давали упасть старухе.

И старик кое-как втащил санки со старухой вверх по сугробу, а вниз отпустил их так, и они тихо поехали вперёд, на белую, утоптанную дорожку парка 67 районной больницы.

Дальше дело пошло полегче, бодро заскрипели полозья, и утоптанная, светлая от фонарей дорожка, прямо постеленная между сосен и ёлок, привела их ровно к дверям приёмного отделения, на которой мигала жёлтым светом об этом табличка.

«Приехали, Манечка...» – сказал старухе старик и, поправив на старухе до носа тряпочку, поплотней замотал её шубами и поцеловал в холодные, улыбкой застывшие губы.

И позвонил. Была там над дверью слева кнопка.

Звонок был не «ДЗЫЫЫЫЫЫЫЫнь», как обыкновенно бывает, а как будто колокола Всесвятского звонили на службу.

Он позвонил и, как хотел сделать, побежал прятаться за угол, и спрятавшись, стал смотреть. Как заберут в приёмное его старуху.

Дверь открылась, из неё на ступеньки лестницы вылился свет.

Санитар в белом, а может быть, санитарочка (старик не разглядел, у него от холода со слезами давно застыли глаза), вышел на ступеньку, увидел старуху и окликнул кого-то в помощники, из приёмного отделения.

Они скоро спустились по ступеням за старухой, все в белом, и приподняли её с санок под мышки, и хотя старик давно знал, что старуха у него умерла, ему показалось, что она даже как-то пошла сама, перебирая ногами над ступеньками в воздухе.

Дверь захлопнулась.

Старик постоял за углом ещё немножечко, думал забрать санки и пойти домой, но, только подойдя к ним, почувствовал, что очень устал, и нет просто сил возвращаться обратно, к тому же ему никуда не хотелось уходить от своей старухи.

И он опустил на Ванюшины саночки, у двери приёмного отделения 67 районной больницы и стал ждать, когда его заберут, может быть, тоже.

Дверь открылась.

Он видел, как за ним вышли.

Ванюша и Манечка.

Они были в белом. В халатах?

«Наверное, как-то устроились работать санитарами в эту 67 районную...» – подумал старик.

СВЕТОФОР

...Некоторым людям не везёт в какие-то определённые дни недели (пятница, особенно, конечно, 13-е); понедельник, вторник, среда, четверг, (опять пятница), суббота, воскресенье и всю следующую неделю в той же катастрофической последовательности.

Например, соберётся какая-нибудь компальенция в выходные на шашлыки. Погода шепчет; поют соловьи с воронами, берёзки и колокольчики.

И вот, только сгруппируется эта самая компальенция на берегу речки, разольёт по пластиковым стаканам «Мадеру», расшевелит угли в мангале, а тут хрясть! И готово дело: разверзлись хляби небесные, и приходится, так сказать, сматывать поплавки по катушкам.

Против таких неприятностей смышлёное человечество установило на природных возвышенностях земной коры метеорологические станции и, запустив в хляби космические спутники, смотрит теперь внимательно прогноз погоды по телевизору. И благодаря этому на следующее утро какая-нибудь заботливая и любящая жена говорит мужу: «Дорогой! Возьми, прошу тебя, зонтик, сегодня местами обещали осадки!»

«Наврали, наверное, сволочи», – думает муж, глядя в безмятежно чистые небеса, но всё-таки берёт зонт, хотя под вечер, конечно, оказывается, что зря он с ним таскался, и в самом деле наврали.

На этот случай у разумного человечества предусмотрена поговорка, что, мол, лучше все-таки перебдеть, чем недобдеть. От греха подальше. И это правильно.

Хотя, иной раз, чувствуется, конечно, что в этих гидрометцентрах и космических станциях сидят такие подлые и коварные метеорологи, что самим чертям тошно.

В этом случае наученное горьким опытом человечество, обращает свой взор к астрологическим прогнозам или просто гадают на кофейной гуще.

Словом, есть множество проверенных на человеческой шкуре способов защититься от неприятностей, что-то предугадать, предусмотреть и выйти, так сказать, сухим из воды на берег.

Но всё это мелкие неприятности, на них есть зонты, капюшоны, шарфы, астрологи, гадалки и гидрометеостанции. А мы не о них.

От рождения и до смерти преследуют человечество и более крупные неприятности.

Например, некоторых людей неотступно преследуют неприятности по работе, некоторых смущают неприятности в любви, у некоторых болят зубы или, скажем, у них грипп или расстройство желудка. Некоторым попадаются (бывает и такое) в тещи ужасные кикиморы; некоторым каждый божий день как следует достаётся на орехи от жён, а некоторых так, бывает, прихватит перед праздниками аппендицит, что им делается не до праздников. Однако жизнь, как известно, животное полосатое, и тем она и хороша, что и аппендицит, и тещи, и все прочие жизненные явления (по работе и так) когда-нибудь кончатся, и человек начинает чувствовать себя выздоровевшим, бодрым и счастливым. И таков закон жизни! Где-то, как говорится, убыло, где-то, соответственно, прибыло. Один уронил, другой поднял. Тот потерял, этот нашёл.

Один женился, другой развёлся, и т. д., и т. п. Ночь сменяется рассветом, день также сменяется, проходят дожди, тают льдины, выплачиваются авансы (или алименты), уходят в лучшие миры тещи, возвращаются грачи, и пр. и пр.

И если сегодня кому-то не повезло с женой, то, вполне возможно, ему ещё повезёт с женой завтра, или (если завтра всё-таки у него окажется все та же жена), можно предположить, что с женой ему повезёт послезавтра, или тогда уж на следующей неделе. Например, после дождя в четверг. Или в пятницу.

Во всяком случае, человечеству в целом и отдельному человеку в частности ничего больше не остаётся, как надеяться и уповать. Уповать, верить, надеяться и рассчитывать на естественную смену полосок на теле непостоянного и упрямого как осел полосатого животного под названием жизнь...

Илье Ильичу Головастикову не везло с детства. Это был до такой пронзительной степени невезучий и никем не любимый Илья Ильич, каких, кажется, до него ещё не бывало на свете.

В ясельной группе детского сада Ильё Ильича не любили воспитательницы и нянечки, его били дети, у него отбирали игрушки и кубики. Мать также недолюбливала Ильё Ильича. Его недолюбливал и отец.

На этом могло бы всё и закончиться, однако несчастный Илья Ильич пошёл в 833 школу, и его не полюбили и там. В портфель Ильё Ильичу одноклассники подкладывали кирпичи, дохлых голубей, сушёных мух, тараканов и надутые воздухом пустые кефирные пакетики.

В музыкальной школе его не выносила преподавательница сольфеджио Ангелина Борисовна, и Константин Михайлович Хворостов, преподаватель по старшим классам фортепьяно, тоже терпеть не мог Ильё Ильича.

Ильё Ильича терпеть не могла жена, его не любила дочь Маша. И когда Маша вышла замуж, муж Маши Валентин тоже не полюбил Ильё Ильича.

Следом за тем его не полюбили внуки Саша и Маша.

Ильё Ильича не любили кассиры, от него с презрением отворачивались кошки, его терпеть не могли собаки... За всю свою жизнь Илья Ильич не поймал ни одного караса в дачном пруду, хотя Илья Ильич во время отпуска только и делал, что ловил в пруду карасей...

Ильё Ильича с мрачным, неизменным упорством преследовали неудачи.

При виде бегущего к остановке Ильи Ильича троллейбусы и автобусы с хищным злорадством захлопывали перед ним двери и, обдав Илью Ильича сочной грязью московских улиц, уносились по широким проспектам.

Илью Ильича вечно прихлопывали турникеты подземки. Шнурки Ильи Ильича развязывались и застревали в ступенях бегущего эскалатора. В совершенно пустом вагоне Илье Ильичу никогда не доставалось места, где сесть, а если всё-таки бедняга с удивлением садился, ему, конечно, было на следующей станции выходить.

Однажды в пронзительно ясный весенний день, когда изумрудная озоновая глазурь будит в человечестве всё лучшее, что в нём есть, и воздух стоит на улицах до того прозрачный и синий, что его, кажется, можно пить из ладоней, на Илью Ильича упала сосулька. И это было бы ещё ничего, но за сосулькой на Илью Ильича упал козырёк круглосуточной продуктовой палатки «24 часа», и всю «черёмуху и сирень» Илья Ильич пролежал в гипсе под капельницей, где несчастного, разумеется, тут же не полюбил весь медицинский персонал 66 районной больницы.

Илья Ильич спотыкался на ровном месте. У него бились тарелки. Он укалывался о вилки и обжигался о ложки. Он терял носки, варежки, перчатки, паспорт, служебную карточку и медицинский полис. На него падали кирпичи, рыбы кости застревали у него в дёснах, и даже на затерянных в Карельских дремучих лесах тропинках путь Илье Ильичу пересекали чёрные кошки.

В самом центре Тверского бульвара несчастному то и дело попадались женщины с пустыми малярными ведрами. На чёрной лестнице специально для Ильи Ильича какие-то черти выкручивали лампы и разбрасывали банановые кожурки...

С заборов на Илью Ильича бросались вороны, и можно быть уверенным, что если бы в мегаполисе до сих пор расхаживали по улицам петухи и гуси, то они давным-давно заклевали бы Илью Ильича насмерть...

Так одному Илье Ильичу достаётся в спутники белоснежный скакун, другому – орловский рысак, третьему – какая-нибудь белоснежная Фала Белла, или Арааппалуза, или на худой конец тяжеловоз, или симпатичная пони; нашему же Илье Ильичу достался совершенно Пуатусский ишак вороного окраса, без единой белой полоски.

Однако, как говорится, дарёному коню в зубы не смотрят, а какой подошёл трамвай, на тот и сядишь, и наш Илья Ильич воспринимал свои пожизненные катаракты вполне стоически.

Казалось, к 66 годам уже ни одна неприятность и не один кирпич не могли удивить этого невезучего человека, как вдруг...

На перекрёстке Московского проспекта и Беговой (со стороны Шишкова), где всю жизнь (в доме с аркой и кирпичиками) прожил самый невезучий на земле человек Илья Ильич Головастиков, был нерегулируемый пешеходный переход на ту сторону улицы.

За 66 лет жизни (минус 6 лет безмятежного, но несчастливого детства, когда Головастикова ещё переводила через дорогу за руку бабушка) Илья Ильич переходил улицу в этом неконтролируемом месте неконтролируемое число раз. Даже страшно себе представить, сколько раз этот невезучий Головастиков переходил в этом невезучем месте дорогу, и Илью Ильича, разумеется, сбивали в этом нерегулируемом месте раз шесть, но, как-то уцелев, Головастиков продолжал расхаживать туда-сюда, сокращая себе путь до метро.

И вот, когда Илье Ильичу стукнуло 66, муниципальные власти, видимо, решились, наконец, установить в этом самом месте над Головастиковым хоть какой-то контроль. Так, в один прекрасный весенний день Илья Ильич, выйдя из своей арки с кирпичиками, подошёл к неконтролируемому пешеходному переходу и оказался лицом к лицу с установленным за ночь муниципальными службами радиолокационным детектором транспорта.

Это был трёхглазый, автоматически реагирующий на загруженность дорог, светодиодный светодетектор совершенно новой конструкции.

Илья Ильич обомлел.

Светофор смотрел на Головастикова красным немигающим глазом. Всегда послушный закону и привыкший к неприятностям Головастиков, задрал голову, смотрел на светофор.

Светофор не переключался. Головастиков ждал.

Головастиков ждал.

Светофор не переключался.

Со свистом проносились мимо Головастикова машины.

Драгоценные минуты рабочего времени превращались в ушах Ильи Ильича в ветер.

Светофор не переключался.

Наконец Илья Ильич тяжело вздохнул и почкапал к метро по своей стороне улицы.

Отойдя от детектора на пару шагов, Илья Ильич оглянулся. Светодиод, разумеется, смотрел на пешеходный переход дружелюбным зеленым глазом. С порхающим сердцем кинулся Головастиков

назад, но стоило ему сделать шаг на полосу шоссе, светофор, как и следовало ожидать, переключился на красный.

Опять мимо Ильи Ильича понеслось и время, и автомобили.

Снова, задрав голову, смотрел Илья Ильич в красный глаз муниципальной новинки. А красный светодиод буравил лоб Ильи Ильича.

И опять Илья Ильич отошёл в сторонку, делая светофору вид, что решил перейти в конце улицы, и опять помчался обратно, и снова был остановлен светодиодом...

Так продолжалось раз несколько, пока Илья Ильич не сообразил, что окончательно опаздывает на работу, и, бросив наконец оглядываться, заспешил до подземного перехода по своей стороне улицы.

Немало натерпелся неприятностей, обид и горя Илья Ильич Головастиков. Как мы уже говорили, его не любили собаки и кошки, вороны, жена, дочь и внуки, на него нападали вороны, падали кирпичи, и сам он повсюду падал, что-то ронял, всё терял, не поймал ни одного караса и т. д. Но ведь он не сдавался? Он жил. И жил бы, может, и дальше, но этот муниципальный светодиод, этот трёхглазый радиолокационный детектор подкосил Илью Ильича. Вернее сказать, муниципальный трёхглазый детектор толкнул Илью Ильича на борьбу.

Так, на шестьдесят седьмом году жизни, Илья Ильич Головастиков вступил в неравный бой с установленным на перекрёстке Московского проспекта и Беговой (если идти с Шишкина) радиолокационным детектором. И заодно со своей несчастливой судьбой.

Он обращался в муниципальные органы, писал в газеты, ходил по поводу ненавистного светофора в мэрию и райотдел...

Ничего не помогало. Светодиод, казалось, знал про эти головастиковые усилия и доносы, и теперь поджидал Илью Ильича с ещё большим коварством и усердием.

Однажды светодиод заманил несчастного в межполосье, и там остановил Головастикова красным глазом, приковав Илью Ильича к «островку спасения» на два с лишним часа.

Говорили, что светофор просто сломался, однако Илья Ильич прекрасно знал, в чём заключается причина этой поломки...

«Сволочь!» – думал Илья Ильич, с ненавистью глядя снизу вверх в красный глаз светофора.

И ему казалось, что красный упырь подмигивает ему злым стеклянным глазом...

И кто скажет нам определённо и точно, что это было не так, пусть сам рискнёт перейти вместе с Ильёй Ильичом этот чёртов перекресток...

Однажды в первом часу октябрьской тьмы, спустя шесть месяцев безрезультатной борьбы со светофором, когда нелюбящая жена Ильи Ильича спала и видела сны, и спала никогда не любившая его дочь Маша, и никогда не любившие его внуки Саша и Маша спали тоже...

Илья Ильич Головастиков прокрался в большую комнату и, бесшумно вытащив из-за стенки охотничье ружьё на уток, выскользнул в ночь.

Появившись из арки с кирпичиками, Головастиков угрюмо взглянул в лицо своему врагу, враг привычно таращился издали зелёным.

Илья Ильич решительно двинулся к переходу, и не подозревающий про ружьё гнусный светодиод при его приближении, конечно, переключился на красный.

Головастиков вскинул ружьё и прицелился.

«Сейчас я тебя! Собака!» – сказал Илья Ильич Головастиков, и его указательный палец медленно опустился на взведённый курок...

И тут произошло чудо! Иначе ни мы, ни Головастиков, не знаем, как это назвать!

Красный глаз испуганно заморгал, переключился на жёлтый и впервые посмотрел на Илью Ильича зелёным...

Илья Ильич усмехнулся и двинулся через дорогу.

Перейдя, Илья Ильич развернулся, как бывалый солдат на плацу, и, обернувшись, снова вскинул ружьё.

И опять переключился напуганный светодиод, и снова в дуло охотничьего ружья на уток смотрел зелёный...

Так Илья Ильич Головастиков пересёк Московский проспект шесть раз, затем семь, и ещё несколько, пока не устал...

После чего Илья Ильич погрозил детектору кулаком на прощание, и ещё раз (на всякий случай) обернулся у арки с кирпичиками...

Светофор смотрел в сторону Ильи Ильича зелёным.

И с тех пор – можете, конечно, не верить, но это так! – так вот, с тех пор при появлении у перехода Ильи Ильича Головастикова светодиод не раздумывая мгновенно переключается на зелёный. Так что мы все, кто живёт возле этого перекрёстка, предпочитаем переходить дорогу с Ильёй Ильичом Головастиковым.

Калининградская область

Борис Бартфельд

Геннадий Юшко

Вячеслав Карпенко

Борис Бартфельд

ПРО СВЯЗЬ С КОСМОСОМ

Ни победителем, ни побеждённым,
 Никем, одним из многих тысяч,
 Заложником времён
 Ты возвращаешься туда, где прежде был,
 Но так давно, что кажется – до новой эры.
 Мы прибывали на вокзал к обеду.
 Нас не влекли ни вещи, ни еда,
 Нас влекла свобода – так называлась аллея,
 Та, что прямиком вела к собору и ратуше.
 Мы шли по ней и, в самом деле,
 Вскоре ощущали во рту солёный свежий вкус,
 Хоть моря рядом не было.
 И значит, то был вкус свободы,
 И мы глотали воздух этих улиц.
 Нам казалось, что это улицы
 Стокгольма или Праги;
 Нет, после шестьдесят восьмого – не Праги,
 Скорей Брюсселя или Кёльна.
 Там был один подвальчик, почти у ратуши,
 Под землёй, как в катакомбной церкви,
 Был храм фотографов.
 С разбегу мы туда ныряли
 И всплывали
 Среди мадридских улиц иль в Киото.
 Часами мы бродили меж домов
 И замирали у освещённого окна,
 Где в комнате без мебели
 Нагая испанка
 Стучала каблуками, перебирая ритм
 В изысканном фламенко.
 Лишь поздним вечером въезжал наш поезд
 На родной перрон,
 И патрули своим
 Тяжёлым шагом подтверждали,
 Что мы вернулись в наш свободный дом.

* * *

Смотри и слушай,
 Как звучит пространство,
 Как осень входит в душу,
 Как течёт вода,
 Как постоянство
 Изменчивость сменяет,
 Как в берег бьёт балтийская волна,
 Отодвигая дальше сушу.
 Когда твоя рука на белизну холста
 Накинёт лассо гибких линий
 Или густую вязь цветных мазков,
 Пространство вырвется из плоскостных оков
 И хлынет в трансцендентность мира,
 В реальность невинных детских снов.
 И больше уж никто не будет властен
 Над созданной тобой картиной.

* * *

Если случится дожить до старости,
 Кончу жизнь городским сумасшедшим,
 Буду бродить по улочкам маленьким,
 Беззубым ртом пережёвывая сладости,
 И рыбу удить со старого пирса.
 Буду рисовать на стенах мелом
 Каббалистические знаки своего имени
 И смотреть, как под вечер
 Дождь и балтийский ветер
 Смывают их в вечность,
 Как могилу Салантера¹
 На старом кёнигсбергском кладбище.
 По субботам, в синем халате
 Со звёздами,
 У красных ворот Россгартена,
 Буду, сидя на пыльных камнях,
 Смотреть, как на солнце плавится
 Тень знаменитой Янтарной башни.
 Буду читать стихи горожанам, на закате
 Выкрикивать заклинания варваров,
 Ссылая милостыню в рваный карман
 Цветных шаровар.
 Буду гадать туристам на чётках,
 Перебирая узловатыми пальцами доходяги
 Кусочки почерневшего янтаря:
 На любовь, и дорогу,
 Случайные встречи
 И что-то такое ещё
 За гранью пониманья,
 С Пасхи до самого Рождества,
 Покуда мороз ледяною дланью
 Не схватит гладь Верхнего озера
 И седую бороду поэта – бродяги.

* * *

Люпины –
 В изысканно синий
 Высь неба высинили.
 Люпины –
 Окрасили синью
 Морского залива глубины.
 Люпины –
 Синью насильно
 Поле заплонили.
 И даже глаза любимых
 Наполнены синью
 В это шальное лето,
 Лето синих люпинов.

Геннадий Юшко

АФГАНСКАЯ БАЛЛАДА

1

Я пью в темноте,
 чтоб не видели
 зори,
 я пью в тесноте
 от дорог убежавших
 осин,
 за Родину, так,
 чтоб сивуха срубила
 под корень,
 и очи,
 как стопки пустые,
 тускнея,
 катались без сил.
 Без сил отражать
 наши дали и близи,
 особенно близи,
 ети иху мать!
 а дали –
 что взять с них? –
 они нашу молодость
 скрысили
 и пеклу
 афганского солнца
 отдали ее
 догрызать.

2

На улице праздник,
 широкий языческий
 праздник, –
 счастливые рты
 уминают блины,
 и солнце,
 как масло
 подтаяв,
 в весеннем
 кружится экстазе;
 жаль взгляды людские
 за жиром совсем
 не видны.

3

Неплохо бы
 сдохнуть,
 пока еще праздник,
 и в Рай
 ворота – нараспашь,
 но рядом девчонка
 в прикиде соблазном,
 и бьется об небо
 костыль мой,
 и
 ищет
 свой 5-ый этаж.

4

Свети и светись,
 словно масляный
 блинчик, Ярило!
 А помнишь долину,
 где маки качались
 нам ало,
 и будто кричали
 беззвучно,
 как кровью залитые
 рты,
 и падали
 парни,
 и неба
 на всех
 не хватало,
 и падали жизни,
 собой закрывая цветы...
 ...Дрожало ущелье
 как будто куда-то
 спешило.
 Спешило.
 А что если горы
 уйдут?
 Сшивалось
 подножье с вершиной
 тугими солдатскими
 жилами,
 и алые маки
 за нас были
 в каждом бою.

5

Всхожу
 на вершину
 свою шлакоблочную
 и бьюсь костылями в окно,
 осколки стекла
 улетают в афганские
 дали;
 бледнеет девчонка, она –
 словно юность моя
 непорочна,
 и солнце,
 тускнея,
 в пустые протезы глядит
 тяжелой солдатской
 медалью.

6

Я пил
 в темноте,
 я пил в тесноте.
 И маки, мне маки
 по вёснам цвели, –
 но – не те.

Вячеслав Карпенко

ИЗ ДОМУ Я СБЕЖАЛ...

(Повесть)

На причале

Я ходил по пирсу: знал, что отца здесь не встречу. Скоро вечер, но было еще светло. Меня пропустили, потому что знали отца, он у меня начальник отдела кадров. Здесь, в рыбном порту. Я несколько раз ходил с ним сюда. Когда проходишь с отцом, все с ним здороваются, а кажется, что и со мной тоже. Даже капитаны, я их знаю по нашивкам на рукавах.

Отец бы забрал меня с собой, очень даже просто. А потом наверняка бы выпорол, но дело не в этом. Сейчас мне не хотелось думать о доме. Есть я не хотел, к тому же перед уходом сунул в сумку свежую сайку, кусок колбасы и две шоколадины. Бутылку бы лимонада еще, но в холодильнике не было.

На причале было много судов, только всё средние траулеры. Сразу видно, кто с моря, а кто уплывает. Ржавые вон, некрашенные, с выцветшим до бледно-тряпичности флагом – значит, вернулись. Несколько даже разгружались, совсем недавно в порту.

Смотреть интересно: кран опускает в трюм целую связку цепей с крючками, а потом тянет сразу несколько бочек, каждая двумя крюками прихвачена за края – у дна и крыши. Как просто, а ведь ни за что не догадался бы, если б не увидел: бочку набок положи и прихватывай крючками. Из некоторых, правда, вода льется бурая, рассол, наверное, в котором селедка продается. Раньше я и вообще думал, что селедка так соленая и плавает в море, честно. Вон по всему причалу целые горы соли насыпаны, только соль крупная, с горох, и желтая.

Я постоял, подождал: упадет хоть одна бочка или нет. Не падали. Пошел дальше, а сзади – такой стук глухой: па-х-х. Эх, прозевал: прямо на причале разбился бочонок. Обруч еще катился от него, а досточки все по одной распались, селедка прямо в грязь вывалилась, горка порядочная. Интересно, сколько там килограммов?

Кто-то с траулера стал орать на кран, громко, а не поймешь, как одно длинное слово выговаривает. Ругается, конечно. Крановщик в будке под небом из окошка высунулся, рукой размахивает и рот раскрывает. Смешно, не понимают они, что ли: все равно с такой высоты не слышно, кругом еще краны работают, стучит что-то, как кувалдой, вон целый поезд пошел через порт.

Все причалы номерами обозначены. На доске – номер. Прямо на бетонке под ногами – этот же номер. Крупно так написано, может, их с самолетов читают? Только зачем самолетам причалы знать? Совсем ни к чему.

Буксир я прошел, дым от него валил с копотью, а ветер гнал к берегу. Вот траулеры так не дымят. Знаю, что у буксира двигатель мощнее, а все же противно, когда так черно дымит, ничего хорошего о механике на таком буксире не подумаешь.

Только я буксир прошел, стоит бортом траулер, СРТ. Как глянул на него, так сразу веселее стало – чистенький, как умытый, и рубка вся белая, а черный борт без потеков прямо с водой сливается. Уже смеркаться стало, как-то сразу, или я долго у той разгрузки проглазел? Вода в канале потемнела, и с бортом они слились, не сразу поймешь, где поднимается борт.

Мне правда веселее стало, и еще так тревожно, как будто на вокзале уезда стоишь. Обязательно тебе тоже ехать хочется, хоть у тебя билета нет и вовсе никуда не собирался. Здесь на палубе суэта, люди друг с другом сталкиваются. Вон девчонка с женщиной стоит, с мамой, наверняка. Они поняли, видно, что мешают, и куда-то зашли. Мне интересно стало, я подумал, что на меня никто сейчас внимания не обратит. И надо только вон по той лестнице проскочить, она короткая, а борт почти вровень с причалом, только покачивается немного. Ну, не совсем лестница, я знаю, как трап выглядит. И никогда еще на траулере я не был. Короче, пошел я по трапу, как ни в чем не бывало, прыгнул на палубу и отошел к рубке, чтобы не мешать.

Кто-то недалеко крикнул «Рубка! Свет на палубу!» Прожектор зажегся сразу, будто там кто ждал у выключателя. На палубе две больших ямы открыты, посредине и ближе к носу. Я заглянул – они обе бочками до края забиты, и сразу понятно, что пустыми, это как-то сразу чувствуется, может, потому, что они новенькие, светлые. А перед рубкой есть один люк открыт: тоже весь забит, только сетями. Сети большими клубками связаны, несколько еще у люка лежат. Зачем, интересно, так много, селедка ведь не акула или там меч-рыба, не порвет сеть...

Я пошел к корме, заглянул в иллюминатор. В каждой каюте люди сидят, в которой и вовсе тесно. Теперь я точно понял, что этот траулер должен уплыть, а в каютах, как и та девчонка с матерью, провожающие сидят, хотя, кажется, отец как-то говорил, что это не положено. Нет, провожать все-таки здорово.

Я вошел в коридор, повернул по нему, узкий он, как туннель, и лампы маленькие у потолка еще больше на туннель делают похожим этот коридор...

– Ты чей это? – из открытой двери меня спросил здоровый такой белобрысый парень. Ему даже голову пришлось пригнуть под косяком. Я хотел повернуться и убежать, чтобы не отвечать. Но парень махнул рукой.

– Иди, малец, компот со мной пить. Пока в салоне никого нет, мы с тобой отход отметим.

Я зашел. Салон оказался меньше моей комнаты, да так завален всякими ящиками, коробками, мешками, что вовсе тесным казался. А здесь еще этот моряк огромный, я ему чуть выше пояса был, хоть и не самый маленький в классе. Белобрысый налил мне здоровую алюминиевую кружку. Я чувствовал, что мне с ним не надо оглядываться и бояться, что прогонят. Компот был сладкий, а на моем моряке – кто ж он, если не моряк настоящий, я даже представил его за огромным штурвалом, и паруса за спиной напряглись под ветром – на моряке был толстый свитер, мне даже захотелось его пощупать, а рука, которой он мне дал кружку, была как эти две кружки, такими руками только и можно повернуть тот штурвал под ветер.

– Хочешь, ягоды выбирай, – сказал он мне. – Не думай, скоро уж новый варить будем. Да беги с отцом попрощайся, а то вот отойдем, гляди.

И здесь я сказал, еще и сам не понимая всей правды:

– Да я уже попрощался.

– А-а... ну - жуй компот, – сказал белобрысый и ушел.

Хороший они народ – моряки. Я это и раньше думал. «Жуй, говорит, компот» и все дела, не то что другие взрослые там, на берегу, вечно они считают, что обязаны каждому шагу учить тебя, как жить, будто мы такие глупые, что не видим, как они и сами-то жить не умеют и ничего не получается у них. Потому что уверены, будто всё больше всех знают...

Я пил компот и слушал, здесь много чего можно было услышать, если захочешь. Потому что, как на вокзале, каждый своим делом и самым собой занят. И мне вдруг почему-то грустно стало за этого большого моряка, не знаю почему, а грустно. Чего бы это он здесь так тихо компот раздавал незнакомым мальчишкам?

Я пил компот и слушал. Кто-то пел басом, как я читаю стихи – без выражения:

Совсем-не-так-как-поезда-

Простые-медленные-волны-

Не-то-что-рельсы-в-два-ряда...

И вовсе не «простые», а «морские».

Рядом за стенкой салона плакала женщина, и ей говорил голос тоже без выражения.

– Ну, что ты, будто впервой. Аттестат я тебе оставил нормальный, проживете. Далась бы рыба, а то опять в долги залазить. Письма почаще... сама знаешь как там... Пианино купи, если привезут. Хватит Светке по соседям бегать...

Дальше всхлипы, шепот. Зачем оставлять аттестат, я не понял. Мне еще почти четыре года. Только не хочется мне учиться, до восьмого бы дотянуть, а там вот хоть на матроса или на моториста пойти учиться. В училище. Мама все говорит, что к аттестату впридачу прибавит «Яву». Сам бы купил, нужны мне их истории-литературы... В загранку бы пошел.

Когда я опять вышел на палубу, несколько человек разговаривали между собой. Меня не видели. И белобрысый в свитере там. И еще несколько в форме, по-моему, и капитан тоже. Рядом со мной чернел люк, тот, с сетями. Я решил заглянуть в него, пока никто не прогнал меня. Вниз шла железная лестница, как на чердак дома. По ней и спустился, конечно – тоже здесь трапом называется. Совсем неглубоко, хоть и темно. Под ногами мягко пружинили связки сетей.

Вдруг наверху почему-то забегали, я разобрал крики: «Давайте-давайте все на берег!.. Счастливо! Возвращайтесь скорей!.. Вот скорей-то не получится! Пишите!..» Мне надо тоже вылезать и уходить. Еще и по шее дадут со зла, у меня-то никого здесь нет, а путаюсь под ногами.

Но ведь из дому-то уже я сбежал! Даже записку оставил, чтобы меня не искали. Как будто не знаю, что искать еще сильнее примутся. Еще я подумал, что Витька с Борькой лопнут от зависти, когда узнают, что я сбежал в море. С рыбаками. Это тебе не по Черному морю с родителями на теплоходе по путевке плавать.

Я разгреб несколько кукуанов сетей и залез поглубже. Стало совсем темно, немного жутковато и немного весело. Как если бы я показал кому-нибудь свой «нос» и скрылся за углом, не догнать! Пахло чем-то, почти как смолой и канифолью. Сверху бросили еще несколько связок и закрыли люк.

Так я решил поплыть в море. Что там будет дальше, честно, я пока не думал.

Тульская область

Владимир Пряхин

Виктория Ткач

Сергей Овчинников

Владимир Пряхин

никто, в никуда, ниоткуда
опять посылаю слова
внутри человечества груды
речей, а над ним – синева

мой ближний к речам безразличен,
а дальше – материи тишь
Ты, дальний, кто одноязычен
со мной, мое слово услышь!

как много туманностей, пятен,
галактик, подогнанных встык!
я знаю, тебе непонятен
мой странный древесный язык

нам космос ложится на плечи
своим нескончаемым днем
об этом всю жизнь и щебечем
но каждый – на птичьем, своем

У края леса тихий монастырь,
Невзрачны луковки, покаты крыши плечи.
И люди тихо светятся, как свечи,
Когда читают за полночь псалтирь.

А мир со всех сторон его теснит –
Бензоколонки и автостоянки,
И кажется, что прошлого останки
Одни лежат под коркой темных плит.

Но все не так. Вся эта известь стен,
Весь монастырь бескрайней часть вселенной,
Пусть, окруженный, в мире он как пленный, –
Но самый мир взят Божьим Духом в плен!

Благословенна ты, весна! –
Земля открылась, –
И пробуждение от сна...

Благословенны вы – и срок,
И время года.
И ты, неведомый росток,
И ты, свобода!

Невидим он, предел просторам,
Никем не скомкан свод небес,
И есть еще за ближним бором
Далекий лес.

Виктория Ткач

ГАДАНИЕ

Перекроились
Линии на ладони –
Стали чуть резче,
отрывистей,
и – бездонней.
Белая кожа натянута и – больней.
Сколько в пунктирах
ночей и дней?

Вьются узоры
спиральной вселенской пылью.
Линия жизни –
в созвездие сухожилий.
Взрыв! И уже не холмы – до кости
Руку стесала о пальцы –
врага ли? гостя?

Линия счастья
Крест накрест
С линией сердца –
Знак для незрячей:
«Смотри, никуда не деться!
Сетью опутан
твой хрупкий изгиб тепла!»
И не дышала еще, а уже – отцвела

В серых надрезах
и линиях на ладони.
Что – не спокойней?
Разве тебе – не спокойней?!

Белая кожа натянута все больней...
Жизнь – только черточка...
Ну же...
Иди по ней...

Ненужное, как боль, уменье слышать...
Дробятся в сердце голосом Вселенной
Молитвы крыльев, плач дождя на крыше,
Пророчества надломленной сирени.

Куда сбежать от звуков, звуков, звуков,
Кричащих о непонятости вечной?!
Согласные сомнений и разлуки
Цепляются в отчаянье за плечи.

Сергей Овчинников

ЛИЗА

(Современный русский рассказ)

После остановки в Сухиничах, где вдоль вагонов, увешанные куклами, днем и ночью сновали продавцы игрушек, поезд «Москва – Киев» мерно стучал колесами на стыках рельс, медленно набирая скорость. Вскипятив пахнущий углем вагонный тигель, проводница ходила по коридору вдоль купе, разнося чай. Пушкарёв смотрел, как люди пристраивают на полках только что купленных на перроне игрушечных верблюдов, медведей, зайцев, и думал, что где-то здесь, за окном, в этом плюшевом царстве, давным-давно гнездились его маленькое счастье...

Однажды в сентябре, лет десять назад, Пушкарёв купил билет до Адлера, чтобы погреться на увядающем солнце, и отдохнуть с неделю от рабочей суеты. К той осени он уже развелся с первой женой Юлей, а Валентина только маячила на горизонте. Пушкарёв пестовал свою одиночество, засматривался на встречных девушек, вживаясь в роль свободного человека.

Адлер Пушкарёв освоил еще вместе с Юлей, сразу оценив этот маленький южный городок – в конце 20 века там стандартный курортный лоск смешивался с ароматом кавказской провинциальности, создавая домашнюю, уютную атмосферу, которой не доставало в Сочи. Приезжал сюда Пушкарёв чаще осенью, потому что летом отправлялся на русский север. Но к сентябрю на Селигере, Валдае, в Карелии становилось неприютно и холодно, Пушкарёв на месяц снимал в Адлере квартиру недалеко от пляжа, ему нравилось по утрам работать в прибрежном кафе. Открыв дорожный компьютер, заказав кофе, Пушкарёв прятался под синий зонт у края набережной, постукивал клавиатурой своего «макинтоша», почти скрытый от прохожих бурно разросшейся зеленью. Написав страницу, оставив компьютер бармену, отправлялся плавать, потом садился на привычное место, смотрел, как внизу, на гальке пляжа, появляются новые люди. Пушкарёву достаточно было взглянуть на человека, чтобы домыслить его судьбу. Вот, например, стареющая одинокая женщина и ее взрослый сын, который, судя по всему, только что вышел из тюрьмы. Она хлопочет над ним, одевает ему панаму, бежит за пивом и говорит ежеминутно: «Не холодно стоять? Долго не купайся, застынешь!» А сын – очень худой, весь в наколках, – с каким-то изумлением глядит на мир, двигаясь, как заржавленный. Похоже, близких людей, кроме матери, у него не осталось, и он подчиняется ей, потому что себя боится... Или вот одинокий мужчина с маленькой девочкой на пушистом полотенце, вышитом зайцами. Егоза дочка то и дело звонит матери по сотовому телефону, докладывая, что делает папа. Висит на отце, надвигает ему на лицо шляпу, щечечет, но тот, поглядывая на молодых женщин, о чем-то печально думает. А маленькая шпионка хохочет, не выпуская из рук телефона.

Штормящее море накрывало пеной влажную кромку пляжа, распугивая воробьев и голубей, что сновали по гальке, выпрашивая у людей крошки хлеба.

– Что это вы делаете? – спросил кто-то из-за плеча Пушкарёва, и он вздрогнул, потому что стеснялся, когда посторонние видели его неопрятный черновой текст. Пушкарёв обернулся. За его спиной всматривалась в экран молодая худенькая блондинка – очень белокожая, с большими глазами, приятным лицом.

– Девушек завлекаю, – сказал Пушкарёв.

– Это у вас ноутбук?

Пушкарёв свернул на экране текст, принялся объяснять, как устроен портативный компьютер, и что можно делать с его помощью.

– А теперь ваша очередь рассказывать! – в заключение сказал он. – Что это вы тут одна, в вашем нежном возрасте, делаете?

– Мужчин завлекаю! – в тон ему ответила она.

– Понятно. Можете считать меня вашей добычей. Пойдемте, искупаемся вместе?

– Только недолго, ладно?

– Почему?

– После расскажу!

На пляже она сразу освободилась от платица: у нее было еще не загорелое девчоночье тело с небольшими выпуклостями под тесноватым белым купальником. Пушкарёву стало казаться, что

на пляже слишком людно сегодня. К берегу как раз причаливал рыболовный сейнер, переделанный в прогулочный пароход, оттуда кричали в мегафон, приглашая на морскую экскурсию.

– У вас есть хотя бы час? – спросил Пушкарев, указывая на сейнер.

Белокожая красавица кивнула, первой побежала на трап. Корабль загудел сиреной, обдал солярочным дымом, двинулся кормой вперед, медленно разворачиваясь. Далеко в море волны были почти незаметны, глубина притягивала мерцающей таинственностью. Капитан выключил двигатель, высматривая в бинокль дельфинов. Пушкарев нырнул с кормы в теплую воду, увлекая за собой бледнолицую спутницу. Она была бесстрашна, хотя неважно плавала. Когда уставала, Пушкарев буксировал ее на своей широкой спине, глядя на взлетающие с берега самолеты. Чтобы не утонуть, она была вынуждена обнимать Пушкарева за шею, и у него кружилась голова от неожиданной женской близости, она же вела себя так, будто ничего особенного не происходило, щебетала о чем-то обыденном, заставляя отвечать ей.

– Мы еще увидимся? – спросил Пушкарев на берегу.

– Не знаю, – она опустила глаза, подавая свои тонкие пальцы. – Меня зовут Лиза.

Взяв ее руку для прощания, Пушкарев, неожиданно для себя, поцеловал маленькую женскую ладонь. Лиза покраснела, выдернула руку, помахала соленой ладошкой. Пушкарев отправился в кафе, открыл компьютер, но работать не смог, перед глазами стояла эта странная девушка, мерещился запах ее мокрых волос. После ужина Пушкарев снова пошел к морю, надеясь увидеть Лизу. Из прибрежных ресторанов гремела музыка, сверкали огнями вывески гостиниц и казино, праздные люди неторопливо прогуливались по набережной. Вскоре Пушкарев увидел ее – она шла рядом с пожилым человеком, который напоминал крота из мультфильма «Дюймовочка». Натолкнувшись взглядом на Пушкарева, Лиза вздрогнула, посмотрела жалобно, точно была в чем-то виновата.

Утром Пушкарев скучал в кафе, на душе у него было тягостно. «Что такое!? – ругал он себя. – Ведь ничего не было! Мимолетное пляжное знакомство, с чего ты взял, что оно продолжится?» Пушкарев углубился в работу, готовя для своей газеты новую статью, анализируя политическую ситуацию на Ближнем Востоке, именуя Палестину «триггерной зоной всей обозримой истории». Пушкарев считался главным аналитиком их областной газеты, но платили за статьи мало, приходилось зарабатывать на стороне. Окончив истфак педагогического университета, и курсы журналистов, Пушкарев, не успев еще получить отращивание к политике, «шабашил» помощником думского депутата. Его патрон имел сеть роскошных магазинов на центральных улицах города, но простейшее выступление перед избирателями становилось для него проблемой, а тексты депутата готовил Пушкарев – «специалист по связям с общественностью».

Когда теплые женские пальцы внезапно закрыли веки Пушкарева, он обрадовался, как в детстве, словно ему очень хотелось мороженого, и вот, наконец, его купили!

– Теперь я знаю ваш секрет, – сказал он Лизе, выключая компьютер. – Вы приехали с папой.

– Это мой муж, – покраснела она.

Пушкарев удивленно вскинул брови, покачал головой, рискуя обидеть красавицу.

– А сколько лет вашей жене? – усмехнулась она.

– Сейчас я холост.

– Тогда вы ничего в этом не понимаете, – махнула Лиза рукой.

Пушкарев улыбнулся:

– Сколько времени у вас сегодня?

– Часа четыре! Я сказала, что пройду по магазинам.

– За четыре часа мы успеем добежать до канадской границы!

– Не стоит. Лучше поедимте куда-нибудь в горы! У моего мужа больное сердце, а я с детства мечтаю попасть в горы! Они мне даже ночью снятся!

– О-кей, только я заброшу домой свои вещи!

Возле пятиэтажки, где он снимал квартиру, Пушкарев на всякий случай спросил:

– Может быть, зайдете, выпьем чаю?

Лиза усмехнулась, покачав головой. Пушкарев оставил дома компьютер, заварил чай в термосе, через дворы коротким путем увлек Лизу к автовокзалу.

– Какая вы странная! – говорил он. – Я ничего не понимаю! Как сочетать вашу целомудренность и желание поехать в горы с незнакомым человеком?

– Да ну вас! – остановилась Лиза. – Никуда я не поеду!

– Не бойтесь, я не собираюсь обижать вас! Но в горы, как в разведку, нельзя идти с незнакомым человеком! Кто вы?

Лиза рассказала ему про себя – двадцать шесть лет, живет в Сухиничах, отец и мать развелись, когда Лизе было три года: отец уехал работать на север, завел другую семью, мать запила, и ее как-то нашли мертвой на улице. Воспитывала Лизу бабушка – она умерла от инсульта, когда внучка сдавала выпускные экзамены в медицинском училище. Устраиваясь на работу в поликлинику, Лиза упала в голодный обморок прямо в кабинете отдела кадров. Ее назначили медсестрой к опытному терапевту, тот оказался добрым человеком, сначала заменил ей отца, позже стал мужем. Они прожили вместе пять лет, ему сейчас пятьдесят шесть. Лиза сказала, что никогда не оставит мужа, потому что в ее жизни было и так много предательств, с нее хватит, она знает, как это страшно и больно, когда тебя бросают самые близкие люди...

– Я все понял, – перебил ее Пушкарев. – Спасибо, что были так откровенны.

– Ваша очередь рассказывать о себе, я ведь тоже боюсь идти в горы с незнакомым человеком!

– А зачем идете?

– Вы мне показались хорошим, порядочным! Неужели я ошибаюсь?

– Какая вы хитрая! Я скажу, что не ошиблись, и этим возьму на себя обязательства вести себя хорошо. А если мне захочется вас поцеловать? Это плохо?

– В щеку можно. Хочу мороженого!

Пушкарев купил гранатовый сок, мороженое, шоколад, билеты в автобус до Красной Поляны, уселся рядом с Лизой на пыльное сиденье горного рыдвана. В тот год еще не закончили прямую дорогу в горы через тоннель, по серпантину вдоль Мзымты ходили маленькие «пазики» с укрепленной на крыше сеткой от камнепадов. В автобус набилось множество жителей горных сел – они возвращались с рынка, почти каждый из них держал возле себя пустые ведра или корзины, вымазанные проданным инжиром. На сиденье перед Лизой и Пушкаревым вертелся мальчишка с ранцем, туго набитым учебниками. Когда «пазик», натужно гудя, пронесся мимо аэропорта, мальчишка тоже громко жужжал. Глядя на самолеты, он изображал руками фигуры высшего пилотажа. Вдоль дороги мелькали выгоревшие от летнего солнца пыльные кусты, разноцветные домики, сложенные из камня заборы. Плывающие вдаль горы, покрытые лесом, напоминали зеленый каракуль. У фореелевого хозяйства Пушкарев помог Лизе выйти, он знал здесь хорошую тропинку, и Ахштырские пещеры были неподалеку: вдруг в его спутнице проснутся спелеологические интересы? Пушкарев увлек Лизу к навесному мосту через Мзымту, заранее предвкушая ее восторг. И правда, Лиза захлопала в ладоши от одного только вида маленького каньона – пенистая река, нависающие над водой слоистые скалы, деревья, точно заглядывающие сверху в пропасть. Пушкарев запечатлел ее восторг своим фотоаппаратом, такой она и осталась в его памяти – стоящая над пенными бурунами, счастливая, похожая на девчонку. Под мостом на красных надувных катамаранах мчались ошалелые сплавщики, их рулевой обрызгал стоящих на мосту водой, Лиза засмеялась, присев от испуга. Стали подниматься вверх по слоистым, отполированным туристами камням у самого обрыва. С каждым шагом вверх становилось заметно холоднее, земля издавала странный, волнующий аромат. По каменистым, растрескавшимся тропинкам пробегали ящерицы, оглушительно трещали в зеленом пологе леса цикады, вскрикивали невидимые птицы. Пушкарев и Лиза иногда подходили к обрыву – в лицо бил верховой ветер, через пропасть летела красная бабочка, камни из-под ног срывались вниз к зеленой воде. Когда Лиза устала, Пушкарев нашел в лесу крошечную пещерку с ровными стенами и сухими листьями туристического ложа. Они уселись на эти шуршащие листья, пили чай из походного термоса, ели шоколад. Пушкарев осторожно обнимал вздрагивающую Лизу, стараясь не обидеть ее навязчивостью.

– Прости, давай не будем, я ведь не железная! – Лиза удерживала его руки. – Ты обещал мне!

Они шагали дальше, собирая шиповник и дикие груши, Пушкарев смеялся, когда Лиза пугалась на тропинке забредшего сюда деревенского козлика, и почему-то был счастлив, хотя думал о том, что никогда, наверное, больше не увидит Лизу, запомнив этот день навсегда. Так и случилось: он и сейчас, десять лет спустя, отчетливо слышал звук раскачивающейся речной тарзанки, видел белое марево речной долины, покрытые снегом горные вершины за Красной Поляной...

Они долго спускались вниз на дрожащих от усталости ногах, заказали в кафе у фореелевого хозяйства горячую рыбу, испробовали домашнюю «Изабеллу», которую продавал стоящий тут же абхаз.

– Спасибо тебе за прекрасный день! – сказала, прощаясь в городе, Лиза. – Ты очень добрый. Мне везет на хороших людей! Наверное, нам не нужно больше видаться, а то привыкнем, и будет больно расставаться...

– Пожалуйста, не гони меня! – взмолился Пушкарев.

– Не нужно было ходить в горы, – опустила глаза Лиза. – Все это плохо закончится. Но у меня не было другого шанса. Часто кажется, что жизнь проходит мимо, а я ничего не успеваю! Ведь мы скоро состаримся...

– Не скоро, – улыбался Пушкарев. – У нас еще куча времени!

Пушкарев отправился с Лизой в магазин женской одежды, ведь нужно было купить платье. Ей подходили все из тех, что она примеряла. Лиза смеялась, когда он не вовремя заглядывал в пыльный закуток примерочной, а Пушкарев смотрел на нее и думал, что такого родного человека еще никогда не встречал.

Страхнув мучительно-сладкие воспоминания, Пушкарев заставил себя вернуться в купе. Жена Валентина и сын Юрка собирались обедать, раскладывали на тщательно протертом столе хлеб, завернутое в фольгу мясо, рыбу. Пушкаревы ехали в Киев – хмельной, вечно гудящий, лощеный и прикровенный, – Валентина хотела увидеть Крещатик, Днепр, «майдан незалежности», Андреевский спуск, Лавру...

– Граница скоро? – спрашивала она, по неопытности опасаясь таможенников.

– После Брянска, – отвечал Пушкарев, нарезаая себе копченую рыбу. У каждого в семье были свои кулинарные предпочтения: Валентина любила зелень, сыр и овощи, сын – мясо, а Пушкарев – рыбу.

– Папа, папа, смотри, лиса! – кричал Юрка, показывая в окно.

Пушкарев, откинув штормку, глядел на лису, очищал вареное яйцо, разламывал бутерброд с рыбой, обжигался чаем из раскаленного стакана в позолоченном подстаканнике. После обеда вышел в коридор, делая вид, что смотрит в окно. Перед глазами стоял тот давний Адлер.

Спустя несколько дней Лиза и Пушкарев перестали сдерживать чувства, но девчонка, даже целуя Пушкарева, иногда повторяла:

– Он умрет от горя, если я оставлю его! Это грех!

– Так устроена жизнь, – вставал со смятой постели Пушкарев, – все главное, что с нами происходит – грех. Хочешь винограда?

Он мыл на кухне инжир, персики, виноград, наливал в фужеры вино, открывал коробку с конфетами, смотрел на часы, которые стремительно пожирали их общее с Лизой время. Снова подбирался к девчонке, гладил ее худенькую спину, с обмиранием сердца замечал нежную линию груди, целовал девичью шею там, где заканчивались светло-русые волосы. Лиза жмурила глаза, роняла из рук персик, ее дыхание сбивалось, время заканчивалось, нужно было идти, они же срастались кожей, как сиамские близнецы, и разделение было так болезненно!

Внешне Пушкарев жил обычной курортной жизнью – отправлялся на пробежку, завтракал, собирался на пляж, где брал в аренду пластмассовый лежак, стучал по клавиатуре компьютера, накрывая голову полотенцем. Пляжные торговцы пробирались меж лежаками, разнося ежевику в стаканах, вареную кукурузу и хачапури. Пушкарев изредка поднимал голову от компьютера, смотрел на спящих вдоль моря детей, прислушивался к мерному рокоту волн, крикам чаек, возвращался в текст, который саднил в нем уже несколько месяцев, писал, что главным в сегодняшнем мире становится тот, кто безжалостен, и легко может убить. Эта способность убивать, менять друзей, когда это выгодно, заключать союз с тем, кто еще вчера был твоим врагом – качества, которые выдвигают сейчас наверх. Но России нужно создать механизм, который бы позволил двигаться наверх людям, обладающим преданностью родине, бескорыстием, честностью...

На пляже становилось многолюдно, являлась Лиза – ее муж следом нес огромный надувной матрац, – они устраивались на камнях, Лиза отправлялась купаться, оставив подслеповатого мужа сторожить вещи. Пушкарев относил компьютер бармену в знакомое кафе, доставал из сумки маску и ласты, выныривал далеко в море, куда приплывала на матрасе Лиза. Она шлепала по воде ногами, шелушилась кожа на ее загорелых плечах, взлетали из-за города самолеты, качался маяк на берегу – счастье все длилось, длилось... Пушкарев приносил со дна розовую, блестящую изнутри раковину, кидал в Лизу прозрачной медузой, уплывал в море к внезапно появившимся дельфинам, выныривал вновь рядом с Лизой, невидимый с берега за ее громадным надувным ложем.

– Не могу представить, как я уеду? – говорила Лиза, целуя его руки. – Что я буду делать без тебя?

– А я вообще стараюсь не думать об этом, – поливал ее водой Пушкарев. – Впереди еще несколько дней, и они мне кажутся вечностью.

После обеда муж Лизы обычно ложился спать, а Лиза и Пушкарев гуляли по залитым солнцем, жарким улочкам Адлера. Вокруг сияли зеркальными стеклами роскошные виллы частных гостиниц, возле абхазских таверн вкусно пахло дымными шашлыками, на калитках частных домов тут и там висели таблички: «Сдается комната». Лиза и Пушкарев, держась за руки, бродили под пальмами, ели сладости в прохладном кафе, где главным достоинством был мощный кондиционер, ездили смотреть шимпанзе в обезьяний питомник.

– Я в детстве не верила, что меня кто-то полюбит, – говорила Лиза. – Считала себя ужасно некрасивой. И для меня всегда было главным желанием, чтобы меня любили. А сейчас узнала, как

здорово любить самой... Поняла, о чем люди поют в песнях! Я ведь была как спящая царевна, а ты расколдовал меня!

– Пойдем скорее, моя царевна, – улыбался Пушкарев, целуя Лизу, – мы еще не были в одном чудесном ущелье!

Были у них горы, тысячелетняя роща самшита, молочная река, о которой, наверное, русские люди говорили в сказках (вода похожа на молоко из-за растворенного в ней сероводорода), скала, где высилась скульптура мускулистого Прометея, рвущего цепи. Пушкарев спрашивал:

– Знаешь, что такое золотое руно, за которым ехали сюда гомеровские аргonautы? Мне кажется, это кольчуга! Ведь раньше иной раз делали золотые кольчуги в виде овечьей шкуры. Одну такую нашли в Испании, где жили иберы. У некоторых здешних народов иберийские корни...

– Как ты можешь думать об этом!? – начинала вдруг плакать Лиза. – Ведь скоро уезжать, и мы, наверное, больше не увидимся!

– Увидимся, я не смогу жить без тебя! – твердил Пушкарев, целуя соленые щеки Лизы.

А потом отпуск у Лизы, и вправду, закончился, город для Пушкарева сразу опустел и поблек, он тоже вернулся домой, стал ходить в редакцию, писать статьи, выступать на совещаниях, но все это казалось ему теперь странным, ненужным, бессмысленным. Пушкарев, как сомнамбула, застывал среди потока жизни, этот поток его больно ранил. Пушкарев старался много работать, готовил одновременно несколько статей для газеты, ездил с депутатом на встречи с избирателями, а сам почему-то думал о смерти. Записывал в дневнике: «В обыденной жизни люди настолько поглощены мелкими мыслями и делами, что нет времени думать о главном. А главное то, что всех нас ждет смерть, и когда мы умрем, не нужны станут квартиры, машины, дачи, к которым стремимся. Приходим на свет думать, учиться, любить, а вместо этого заняты мелкими будничными делами. В нашем торгово-рыночном мире ценность человека определяется его счетом в банке и вещами, которые его окружают. Но это сумасшествие, массовый психоз, галлюцинация, в которой мы все живем»...

Днем иногда удавалось как-то забыться, но вечером в душе Пушкарева появлялась гулкая, мучительная пустота. Если боль становилась невыносимой, он брал отгул, ехал в Сухиничи, поселялся в заштатной гостинице с вырванными из стены розетками, продавленными панцирными кроватями, переживал пароксизм болезненного счастья, когда приходила Лиза, целовал ее всю, не отпуская до вечера. Иногда удавалось поехать куда-нибудь ненадолго. В краеведческом музее Брянска или Калуги, перед стендом с ржавыми монетами, выщербленными серпами, выцветшими знаменами, блеклыми фотографиями, он держал ее за руку и был счастлив. Но после наступала расплата – когда они расставались, Пушкарева ломало, как наркомана: падало настроение, болела голова, расстраивался желудок. Он звонил каждый день в Сухиничи, чтобы услышать хотя бы голос Лизы.

Так прошел год. Сгорала уже новая осень, Пушкарев сидел дома вечером с книгой, за влажным от дождя оконным стеклом дрожали желтые фонари, когда позвонила Лиза.

– Я не хочу больше мучить тебя, – сказала она в трубку, сдерживая рыдания. – Ты весь извелся, прости меня... Почему, когда хочешь счастья, обязательно делаешь кому-то больно? Почему за счастье нужно обязательно расплачиваться чужим несчастьем? Ничего поделаться нельзя. Я буду всегда любить тебя, но так больше нельзя. Сердце не выдержит! Не приезжай больше, милый!

Когда он примчался в Сухиничи, Лиза лежала в клинике с тяжелейшим неврозом. В приемном покое больницы Пушкарев держал в ладонях ее похудевшие пальчики, говорил что-то, еще не зная, что видит Лизу в последний раз. Она вскоре уехала с мужем в Германию, скрыв от Пушкарева свой новый адрес. Иногда звонила, чтобы поздравить с днем рождения, сказать, что все еще любит его. У Пушкарева была длительная депрессия, пришлось тоже прибегнуть к помощи доктора. Когда боль стала меньше, Пушкарев снова появился в редакции, начал вести в газете «дискуссионный клуб» – темы его до сих пор были Пушкареву отвратительны. Помнится, они тогда обсуждали роль интеллигенции в русской истории. Термин этот, придуманный, кажется, Боборыкиным, не давал им покоя, ведь образованные, культурные и морально щепетильные русские люди часто решали судьбу своего народа, не интересуясь его мнением. Иногда Пушкареву казалось, что русская интеллигенция подсознательно ненавидит Россию, ведь эти объективно хорошие люди готовили обе русские революции XX века, едва не погубившие страну, стоявшие народу миллионов жизней. И, после каждой революции, словно в насмешку, пришедшие к власти почти полностью уничтожали интеллигенцию, ввергнув ее в уничижительную нищету, заставив эмигрировать или вынудив отказаться от моральной щепетильности...

– Папа, почитай мне книгу, – тормозил Пушкарева за рукав маленький Юрка. Поезд тормозил на окраине Брянска, проводник раздавал пассажирам бланки таможенных деклараций. Пушкарев взял сына на руки, вернулся в купе, стал читать ему древнюю летопись, переводя ее на понятный ребенку язык.

Новосибирская область

Владимир Берязев

Елена Берсенёва

Мария Дубиковская

Юрий Татаренко

Сергей Шуба

Владимир Берязев

ЧУТЬЁ

Ступишь с поезда в город ночной,
 На прощанье толкнёт тебя в спину
 Лязг металла и сдавленный вой
 Ускользящей в полночь машины.
 И – один.
 И беззвёздая тьма.
 И дворы неясны и угрюмы.
 Звук шагов, ударяясь в дома,
 Превращается в дробные шумы,
 В шепоток, в исчезающий смех,
 Пахнет бездной и сыростью почва,
 Чувства слепы – отключены точно,
 Но тогда и даруется – сверх
 Или вместо... Приходит чутьё!
 Хищным трепетом полнятся ноздри!
 И на вдохе – тоскливо и остро –
 Ты вдруг чувствуешь ЗНАНЬЕ своё.
 Ты не слеп, ты всевидящ, ты смел,
 Слит и выкован чистою силой,
 Ты крадёшься легко и красиво,
 Как ещё никогда не умел.
 Ты в ночи, как акула в воде,
 И – воспряли предметы и звуки,
 Ты скользишь, позабыв об испуге,
 Слышать, зреть, осязать и владеть.

Вот он мир – городок и дорога,
 За болотцем – разгул тальника,
 Из-за рощи от дальнего стога –
 Стон увязшего грузовика.
 Всё вбираешь – сторожко, с прищуром:
 От куриной, в сараях, возни
 До того, как на камне пред утром
 Росный хород зернисто возник.
 Всё! – и то, как листок оторвался,
 Даже ход облаков ощутил!..

А дрожащие кончики пальцев
 Слышат тяжесть далёких светил...

* * *

Светлый излом запрокинутых рук,
 Светлых волос восходящие струи,
 Русский рассвет, оживляющий луг –
 В это уверю, с этим умру я...
 Там, где лежим голова к голове,
 Где созревает роса по полянам,
 В птичьём – космическом – молекулярном
 Звоне плыву по туманной траве,
 Зная – сиянья не застит бытьё!
 Вот и спасение,
 Вот и свобода...
 Вновь погружаюсь, не знающий брода,
 В волнами ставшее тело твоё!..

Мария Дубиковская

РАЗНОГОЛОСИЦА

Как хорошо нырять в слова, не зная броду,
 Минуты не переводя на переводы,
 И, стрекозвучия ловя чужих наречий,
 Общаться, не переходя на человеческий.

Не потревожь, не расколдуй – молчи и слушай,
 Звездой раскинься и дрейфуй среди излучин,
 Покуда музыку не вздыбят смыслов глыбы –
 Мы не рабы – рабы не мы – мы рыбы, рыбы.

Разнопевуч, разногремуч дельфиний гомон.
 Мы не одно и то же – слава Вавилону! –
 Как разноцветны свисты, клёкоты, курлыки,
 Как разнолики – то есть как равноязыки!

Закрой глаза, пльви – рояль в звучащей чаще,
 Не понимай, не разделяй слова на части,
 Ведь чем чуднее молоточки бьют по жилам,
 Тем больше верится, что мы – непостижимы.

ПОПЛАВОК

Любимый мой, мне страшно от того,
 Что до сих пор науке неизвестно,
 Какая сила тянет поплавок
 Моей судьбы, прилаженный на леску,

Какая рыба делает дугу
 Вокруг моей оси тысячекратно,
 И кто маячит там, на берегу,
 Всегда готовый выхватить обратно?

Любимый мой, еще поговори
 Со мной о том, чего всегда боялась –
 Тук-тук, скрип-скрип, вокруг голимый ритм –
 Неужто нам мелодий не осталось?

Неужто нет? Какие кандалы
 Удерживают музыки текучесть,
 И вместо парусов – куда ж нам плыть? –
 Смирения безрадостная участь.

Любимый мой, мой самый страшный страх –
 Меж рыбой и ловцом, посередине
 Большой реки, открыть глаза с утра,
 Дрожа на бесконечной пуповине,

И чувствовать – посажены на нить,
 Мы только чьей-то удочки частицы.
 И ничего не можем изменить.
 И никогда не сможем измениться.

Елена Берсенёва

КОРОТКО ЛИ ДОЛГО

Близкие сходятся, дальние расстаются.
 Долго ли, коротко, вышла на берег Маша.
 Тапки сняла,
 Покрутила волшебным блюдцем,
 Яблочко съела, закинув огрызок в море.
 Что ни загадывай, кажет одно лишь горе,
 Что ни задумывай, только лишь посмеются.
 Лучше не видеть вовсе, чем жить пустое,
 Легче на шею камень, чем дальше больше.

Каменные реки, ягодное болото,
 Сколько клубку катиться – вернет по кругу.
 Всё исходила, дурко, ждала кого-то –
 брата, соседа, волка, милого друга,
 беглого, дальнего... вышла на берег, море
 мокро ругалось, выплюнув золотую.
 Рыбка сдарила Маше две новых юбки
 Да башмаков две пары на смену старым.

– Знаешь, сказала рыбка, я так устала!
 – Знаю, сказала Маша, сама такая.

* * *

Иногда нужно просто с кем-то поговорить
 Позвонить, приехать, в крайнем случае, написать
 Набирать по памяти старые адреса,
 Прислушиваться к голосам,
 Пытаясь их воскресить.

Делаешь шаг во дворы, и время
 начинает слезать с тебя, как шелуха,
 город растет сквозь тебя осокой,
 раздирает корнями кроссовки –
 десять тысяч обратных шагов
 до спускового крючка;

и вот она там, судьба, зарылась в детский песок,
 в сорных отлёживается пустотах,
 там, где были теплицы, забор, лебеда –
 ровным войском выстроились высотки.
 А тебе-то казалось – застряла там навсегда, –
 и вот оно, время – хороним своих усопших;

дети – чумазы, как всегда,
 бабушки, прогуливающие сонно,
 эти давно забытые города.

Юрий Татаренко

БЮДЖЕТНАЯ РОССИЯ

И вот уже Гамлет родным не опасен:
 Он вырос на песнях блатных.
 Раздумья в глубоком культурном запасе
 И в шопинге – смысл выходных.

Трёхдневной нетрезвостью не козыряют
 На кассе у входа в музей...
 Пока человеческий облик кирием –
 Не выплыть из стада друзей.

И саунинг с бухлингом русскую душу
 От пушкинга уберегут,
 Пустые бутылки бомжи обнаружат
 На чёрном речном берегу.

Край неба закатного нежно подоткнут
 И к прошлому нервно пришит.
 Плачу подходящий, пока не подохну
 В своей алкогольной глуши!

Рифмуются: точка со знаком вопроса,
 Со знаком вниманья – постель...
 Под карканье стаи ворон-альбиносов
 Отмучился век скоростей.

РУССКАЯ ЗИМА

Вдали от творческих открытий
 Разлили по стаканам праздность,
 И жизнь в отсутствие событий
 Уже не кажется напрасной.

Вершины съёжились в вершинки
 И с этим свыклись мал-помалу,
 А буквы – чёрные снежинки –
 Летят на белую бумагу.

Февраль погас. В глазах стемнело.
 И плакать хочется безумно.
 В окне у Казимира небо
 Необоснованно безлунно.

Затянем пояса и песни.
 Слова толкуются впрямую.
 «Мороз и солнце, день чудесный...»
 Ну, ничего, перерифмуем.

Сергей Шуба

АВТОБУС

Было воскресенье. Егор стоял у распахнутых ворот и смотрел на когда-то белый, а теперь полинявший, весь в ржавых царапинах ЛИАЗ. Автобус стоял, скособочившись, и косил на него круглым выпуклым глазом. Возле него бродил отец и любовно похлопывал бок машины крепкой еще ладонью.

– Что же ты натворил, дед? – с недоумением спросил Егор.

– А что такого? – тут же окрысился родитель, вытягивая коричневую, в складках шею. – Всё по закону: я на пенсию, и он со мной! Тоже мне – учитель нашелся. Ты поучи меня еще, поучи.

– Не бывает таких законов, автобусы угонять, – сказал Егор.

– Ты поучи меня, поучи, – повторил отец и, махнув рукой, пошел в дом, всей своей сутулой тощей спиной выражая несогласие с позицией сына.

Егор вздохнул, еще раз посмотрел на ЛИАЗ и принялся затворять ворота.

Он помнил этот автобус еще ребенком. Когда он был маленьким, он даже гордился, что папа у него шофер и всегда с радостью высматривал большой лоб машины, шел ли в школу или из школы домой. Ему было приятно, когда одноклассники говорили ему: «А я твоего папку вчера видел. Он и по воскресеньям работает, да?», – а Егор важно отвечал: «Когда надо, тогда и работает. У него смена», – и чувствовал себя причастным к чему-то большому и взрослому, как будто ему дали порулить этим самым ЛИАЗом.

Со временем, когда он закончил школу и поступил в институт, а отца перевели на другой маршрут, Егор подходил к остановке с чувством превосходства, неприязни, смешанным с ощущением своей зависимости, и оттого вел себя более развязно, чем привык. А отец смотрел на вытянувшегося длинношеего юнца, уже не скрывающего, что он курит, и во взгляде его читалось некое недоумение, а иногда и стыд.

Егор поступил в СГАПС в голодные девяностые, учился с трудом, ощущая себя парией. Возвращаясь из серого, подсвеченного фонарями и рекламой города в деревню, он думал о том, как всё несправедливо устроено. Ему страстно хотелось вырваться из темного, покосившегося пространства, в которое стараниями одноклассников превратилось его Раздольное. Он хотел съехать от родителей, туда, где вольная и опасная жизнь была ключом, но они отказались снимать ему не то что квартиру – даже комнату. Получить общагу не удалось – туда заселяли не совсем простыми путями, которых отец Егора чурался. Презрение их стало обоюдным.

Сын вырос, закончил институт, получив диплом инженера автомобильных дорог, мостов и аэродромов, работал на «государя» прорабом в конце девяностых, воровал потихоньку, сумел выбить квартиру и редко заглядывал в гости к родителям. В две тысячи втором главный инженер его предприятия путем таинственных махинаций закупил технику, уволился и организовал собственную фирму, пригласив Егора в замы.

К две тысячи четвертому Егор купил новую «тойоту», пиджак на нем уже не застегивался, а жена постепенно превратилась в домохозяйку. В Раздольное, к родителям, они ездили лишь на праздники, отдать сына на каникулы и помочь посадить огород. Все эти дела иногда вызывали у Егора сильнейшее раздражение – слишком далеки от него были родители по социальному укладу жизни и своей советской морали.

Во время короткого пребывания в доме, где он провел детство, съжившемся и ставшим заметно темнее внутри, он старался поскорее сделать дела, выпить положенную рюмку, сидя за столом у телевизора, и, перекинувшись парой незначительных фраз, скорее уйти в спальню.

Друзей у Егора не было – не сложилось. Он не задумывался об этом – у главного инженера другие заботы. Производственные, семейные и всякие разные. Отец, например, на пенсию ушел, матери надо на лекарства и на санаторий подкинуть. «Дался ему этот гроб! – в сердцах подумал Егор. – И как он только его у начальства выпросил? Копил наверняка тайком».

В автобусе уже вовсю шерудил Сашка – носился по салону, залезал между сиденьями, крутил тугой, непослушный руль. Егор приказал сыну играть в другом месте.

– Здесь грязно – видишь? Зацепишься ещё за что-нибудь, новую рубашку порвешь. Иди на улицу.

Он вошел в дом, едва не сорвался на мать, сунувшуюся к нему с вечным «покушать», и заглянул в зал. Старика там не было. Значит, на кухне. С Диной разговаривает. Поддакивает. Любит он её слушать. Со двора неслись Сашкины крики – он дразнил Жучку, которая гремела цепью и притворно рычала на него. Голоса на кухне усилились – это подключилась к разговору мать, вернувшаяся из прихожей. Смутное раздражение в Егоре усилилось. Он прошел по коридору и встал в дверях.

– А потом думаем всё ж вторую машину взять, – говорила жена. Она немного располнела после родов, но была ещё ничего, держалась. Ей нравилось быть «при муже». Егор иногда жалел её – характер непростой, любит как кошка, и деться уже вроде некуда – возраст, да и сын...

– Ага, – сказал он от двери, опираясь плечом о косяк. – Точно, вторую. Вон у него и возьмем. Он же теперь у нас законный автовладелец.

– А что тебе не так?

– Да всё мне не так! Зачем тебе эта рухлядь? Мало на работе с ним прокобенился? Мало под ним повалялся? Вон Сашка уже залез туда, весь грязный как свинья, еле выволок!

– Да какое твоё дело? – отец встал и отодвинул от себя кружку. – Что я его – украл, что ли?

– А откуда он взялся у тебя?

– Списанный он! Списанный, и мной купленный! На свои, заработанные. Копейки у тебя не просил!

А Сашка пусть лазает, если хочет – может, человеком вырастет!

Всё это уязвило Егора.

– Здорово, дед! А я тогда кто? – не человек, что ли? А ты? Мать надо в санаторий отправлять, а мы автобусы покупаем!

– Тебя не спросил!

– Егор... – начала жена.

– А ты не лезь!

В общем, поругались. Мать даже расплакалась – жалела всех. Егор ушел курить на улицу, и в это время в кармане у него завибрировал телефон. Звонили с работы, машинально взял трубку. Совершенно трезвый мастер путаным голосом доложил, что умер водитель катка. Да, на объекте. Инфаркт или что там. Приступ. Скорую вызвали. Андрей Владимирович вне доступа. Тело забрали уже, да. Это же несчастный случай на производстве, нужно же комиссию или что нам делать?

– Разберемся, – тяжело сказал Егор и с силой провел левой ладонью по лицу. – Я сейчас подъеду.

Он попытался дозвониться директору, потом инженеру по охране труда – бесполезно. Вспомнилась любимая присказка Владимировича: «В любом случае – всегда виноват главный инженер». «Суки, – подумал он. – В самый сезон как всегда. Козлы. Водку жрать. Никого не найдешь ведь до завтра».

Он открыл ворота и выехал, едва не задавив курицу, мечущуюся под колесами.

Новосибирск остывал от полуденной жары, но было всё ещё душно, и Егор включил в салоне кондиционер. Перед Барахолкой, как всегда, была пробка. Он стоял в левом ряду и пытался вспомнить этого Васю. Васильич – так все его звали. Мужик как мужик, ничем особо не выделялся.

Егор приехал на объект, когда все уже собрались и сидели в вагончике. На столе стояли две початых бутылки водки, и лежала булка нарезного белого. Рядом, в открытом спичечном коробке горкой белела соль.

«Зачем я поехал? – Мог бы не ехать», – подумал Егор. Он был чужим здесь. Ненужным. Коротко поговорил с людьми. С мастером. Вышел покурить. По привычке окинул взглядом сделанное. Было видно, что рабочие не торопились. Да и куда? Куда торопиться-то. За всё это время до него дважды пыталась дозвониться жена.

Егор выбросил бычок под тополь и поехал обратно. Когда поворачивал на Никитина, вдруг подумал: «А ему ведь три года до пенсии. Не дотянул Васильич». Вспомнилось неожиданно, как он мальцом любил ездить на крепких плечах отца. Смеялся, запрокидывая голову, а когда снимали, непременно требовал: «Батя – подбрось! Ну подбрось!» И летел в небо, к облакам, к солнцу... «Да что – хуже всех жили что ли тогда? – всё было, – едва не сказал неизвестно кому Егор. – Это сейчас ловчи не ловчи – не выловчишь. Надоело, на хер, хуже собаки – на своих вон срываюсь уже. А потом как Васильич – и всё.»

В Раздольное добрался уже в сумерках – как раз загорались первые огни в домах. Его выбежал встречать Сашка, выглянула мать. Отец не вышел.

Дина была в зале – устроившись на диване, смотрела телевизор. Егор мельком зацепил лицо ведущего, скривился и прошел к себе. Сбросил с себя провонявшую потом рубашку и лег на скрипнувшую кровать в темноте. Когда он уже засыпал, пришла жена, легла, отодвинулась на самый край, демонстрируя обиду. Егор ничего не сказал ей.

Он проснулся раньше всех, как ему показалось – серый рассвет не мог толком пробиться сквозь занавески, но на улице, если прислушаться, можно было различить далекое мычание – это коровы шли из села. Коротко прогремела цепью Жучка. Егор дотянулся до телефона, но тот за ночь разрядился. Пришлось взять с полки часы. Потом он осторожно встал. Попил на кухне квас, ощущая босыми ногами плетёный старый половик, вышел на крыльцо покурить. Снова натолкнулся взглядом на автобус – тот ведь и не делся никуда, так же стоял, чуть покосившись на правый бок. Только салон казался заброшенным, теперь уже навсегда.

Неожиданно для Егора из-за ЛИАЗА вышел отец с банкой краски в руках. На банке лежала плоская кисть и пруттик. Увидев Егора, он смутился, но потом молча прошел к забору. Егор постоял, опираясь на перила, вздохнул и двинулся следом.

Отец уже размешал краску и окунул в банку кисть.

– Куда понёсся-то вчера? – не совсем дружелюбно бросил он. – Динка, вон, на нервах вся. Звонит – ты трубку не берешь.

– Рабочий умер у нас, – неожиданно для себя сказал правду Егор. – В конторе никого, дозвонились мне.

– Пьяный, что ль?

– Да нет. Говорят – инфаркт. Теперь инспекция, комиссия... Пятьдесят семь Васильичу было.

Отец вздохнул.

– Все там будем, как говорится. Поедешь сейчас, да?

– Да, пред светлые очи, – криво улынулся Егор.

– А я вот видишь, решил забор покрасить, пока Сашка спит. Чтоб впиталось до обеда. К вечеру ещё на раз.

– А сколько времени?

– Да шестой час. Вон, коровы только прошли.

– Подожди, я сейчас, – зачем-то сказал Егор отцу и пошел в сарай искать вторую кисть.

Алтайский край

Владимир Токмаков

Иван Жданов

Елена Безрукова

Татьяна Баймундузова

Владимир Токмаков

Нагая, словно высота,
Реальная, как отражение,
В дверях стояла красота,
Прося у мастера прощенье.
А он, заплёванный толпой,
За принципы, за самомнение,
Писал счастливою рукой
Последнее своё творенье.
И доказательством его
Конечной правоты маэстро,
В дверях стояло божество...
И там стоять ей было лестно!

От меня до небес –
Расстояние в целого Бога.
Я не верю в Тебя.
Не суди меня, Господи, строго.
Я продукт наших дней,
Прагматичной, циничной эпо-
хи.
Ты нёс хлеб для людей.
А достались им малые крохи.
В Воскресенье Твоё
И в ненужное наше бессмертье
Я не верил – тогда, –
А сейчас – и подавно не верю.
Я не верю в Твой Рай
И в Твой Ад, Боже, тоже не верю.
Закрывая окно,
Ты захлопнул нечаянно двери.
Я живу на земле,
И зачем мне Твоё Неземное?
Если к людям – лицом,
То получится к Небу спиною...
Но когда я умру
И в Твоей буду власти и силе,
Ты прости меня так,
Как Тебя на земле не простили...

Не дай мне, Господи, чужбины,
Потерю родины – не дай.
Уж лучше пьяный выстрел в спину,
Казарма, зоновский сарай.
Поэт без родины – ничтожен,
Изгой или базарный шут –
Слова их равно будут ложны,
В один тупик ведущий путь...
Такой талант помечен смертью,
И тем мучительней она,
Чем больше власть над милой речью,
Ему с рождения дана...

Иван Жданов

КРЕЩЕНИЕ

Душа идет на нет, и небо убывает,
и вот уже меж звезд зажата пятерня.
О, как стряхнуть бы их! Меня никто не знает.
Меня как будто нет. Никто не ждет меня.
Торопятся часы и падают со стуком.
Перевернуть бы дом – да не нащупать дна.
Меня как будто нет. Мой слух ушел за звуком,
но звук пропал в ночи, лишая время сна.
Задрал бы он его, как волка на охоте,
и в сердце бы вонзил кровавые персты.
Но звук сошел на нет. И вот на ровной ноте
он держится в тени, в провале пустоты.
Петляет листопад, втирается под кожу.
Такая тьма кругом, что век не разожмешь.
Нащупать бы себя. Я слухом ночь тревожу,
но нет, притихла ночь, не верит ни на грош.
И где-то на земле до моего рожденья,
до крика моего в мое дыханье вник
послушный листопад, уже мое спасенье.
Меня на свете нет. Он знает: будет крик.
Не плещется вода, как будто к разговорам
полузаснувших рыб прислушиваясь, и
то льется сквозь меня немеющим задором,
то пальцами грозит глухонемой крови.
Течет во мне река, как кровь глухонемая.
Свершается обряд – в ней крестят листопад,
и он летит на слух, еще не сознавая,
что слух сожжет его и не вернет назад.

Когда неясен грех, дороже нет вины –
и звезды смотрят вверх и снизу не видны.
Они глядят со стороны на нас, когда мы в страхе,
верней, глядят на этот страх, не видя наших лиц.
Им все равно, идет ли снег нагим или в рубахе,
трещат ли сучья без огня, летит полет без птиц.
Им все равно, им наплевать, в каком предметы виде.
Они глядят со стороны, колючий сея свет,
и он проходит полость рук, разомкнутых в обиде,
и возвращается назад, но звезд на месте нет.
Они повернуты спиной, их не увидишь снизу.
И кто – скажите мне – хоть раз подняться выше смог,
чтобы увидеть, как течет не ответ по карнизу,
не тень ручная по стене, а вне лица упрек?
Как эти звезды приручить, известно только Богу.
Как боль неясную унять, понятно только им.
Как в сердце черном возродить любовь или тревогу?
Молчат. И, как перед собой, пред небом мы стоим.
И снег проходит нагишом, невидим и неслышим,
и продолжается полет давно умерших птиц,
и, заменяя звездный свет, упрек плывет по крышам,
и я не чувствую тебя, и страх живет вне лиц.

Елена Безрукова

Как в замедленном кадре мы
Через пристальный сад
Бродим тропами карими.
Или листья летят?
И по самое горлышко

Налита тишина
В этот флигель, опомнившийся
Ото сна.

Здесь ни боль моя русская,
Ни слова не нужны.
Здесь великая музыка
Спит внутри тишины.

К ней, как к тайному зареву,
Подойти горячо.
Ты возьми меня за руку –
Просто так, ни о чём.

Чтобы пульс одинаковый
Бился в небо, пока
Сыплут нотными знаками
Над землёй облака,
Сыплет палыми листьями
Летний день кочевой.

Ничего не бессмысленно.
Ничего.

Яблоко, подобранное в усадьбе Рахманинова,
С розовой кожей, оставшейся от зари,
Словно с передника накрахмаленного,
Из прошлого века – бери.

После земли, шаги его помнящей,
Дремлющий плод рукавом потри,
Чтоб заблестел, словно жук беспомощный
В тёплой руке – смотри!

И через воздух, набрякший музыкой,
Будто бы летней грозой густой,
Я как во сне по карнизу узкому,
Ринусь на голос твой.
Будто бы верю, что ты подаришь мне

Вечность в обмен на смерть.
И, разрываясь, летит над клавишами
Вечный второй концерт.

И в самолете ночном над Родиной,
На небесах оставляя след,
Яблоко спит, а тихонько тронь его –
Кажется, гений придёт на свет.

Татьяна Баймундузова

Холодно на двухтысячном километре.
Мне поутру не занимать тоски...
Вот человек, знающий все о ветре,
Твердой походкой движется от реки.

Вот по тропе черноволосых кеток
Непоправимо долго иду к нему...
Любишь меня? – шепот таежных веток...
Любишь меня? – отблеск в речную тьму...

Ветер не стихнет сутки, а то и двое,
Лодки уйдут на север, в далекий путь...
Там, где безветрие, жизнь ничего не стоит,
Там обмануться легче и обмануть...

Здесь же, в краю, откуда не ждут обратно,
Сердце мое усталое сохранит –
(Любишь меня?) – тот, кто мне ближе брата,
(Любишь меня?) – тот, кто меня простит...

К ночи ударят громы, дожди польются.
Словно к черте последней – береговой –
Выйти на этот ветер и задохнуться...

Любишь меня... – лодки перевернутся?
Любишь меня... – лодки придут домой.

О, чудная тарковская погода!
Июньский снег ложится на пески,
И белый день по линии исхода
клонится к седине моей реки.
Опустится и, медленно-печален,
сольется с беспощадною водой,
и снег уже почти горизонтален,
и год уже почти тридцать седьмой,
и свет иной.
И длинный план прощанья
Под звон оконный – выдох ветровой,
И вот уже течет воспоминанье.
И Лета под горой. И свет иной.
Но жизнь – не прерывается исконно,
И в день грядущий, мной не прожитой,
Мой сын пройдет по полочке иконной
Над этой неизменной рекой,
Над бездной. Да святится имя Отче.
В канун июня, в снежную пургу
Нет никого на свете одиноче,
Чем мальчик на высоком берегу.

Кемеровская область

Алексей Петров

Дмитрий Мурзин

Татьяна Ильдимирова

Татьяна Кравченко

Александр Гуменный

Алексей Петров

Проснись, и удержи дыхание,
Замри зародышем-козявочкой,
Понаблюдай как расстояния
Со временем свернутся в трубочку.

И ты услышишь невозможное,
Как у тахты вздыхают тапочки,
Глухое шарканье прохожего,
Что первым побредет по улочке.

Как воскресенье запоздалое
Наполнится осенней ленью и
Соседи ждут под одеялами
Когда же включают отопление...

За покрывалом бархатных портьер
Чуть слышен шепот лайковых перчаток,
Бутылок непочатый край початых,
Трезвон музык, изысканность манер.
Мельканье рук, движение теней,
Ни сладкий сон, ни явь, а где-то между...
И с каждым вдохом легче и пьяней
Шуршанье свежесброшенной одежды.

За сумеречной поступью времен
Стенных часов ночное пиццикато,
И на сухих губах подслеповатых
Простывший след помады и имен,
Полет минут, дыхание веков,
Конец веревки, взмыленное шило,
Четыре сольдо, остров дураков,
Сонливость Будды, шестирукость Шивы.

За горкою несбывшихся надежд
Незванный гость, четыре стопки водки,
Полсигареты, драные колготки,
Ни сладкий сон, ни явь, а где-то меж...
Неуловимый аромат духов,
Как отголосок сыгранного бала,
И мерное падение стихов
С глазного дна на донышко бокала...

...Плавится воздух, тонут во рту слова,
Томно дымится лучшая из гаван,
Ластится солнце, жметса к ногам прибор
И ощущается кожей что бог с тобой.
...Так и сидеть бы всю остальную жизнь
...С легкой улыбкой, в щелочки меж людьми...

Дмитрий Мурзин

Корейского пройдоху Пашу Ли
(таких в России более чем много)
Почти не называли по фами-
Ли-и, а звали просто Слогом.

Хлебнув лишок креплёного вина
Шатался как-то Паша у вокзала.
Цыганку встретил с картами, она
Ему, конечно, правду нагадала,

И выпадал ему казённый дом,
И ближний свет, и дальняя дорога...
Потом случилась кража, с кражей – взлом.
Поймали и закрыли Пашу Слога,

И получил он безусловный срок.
Английский учит, шутит понемногу:
Что раньше де, он был открытый Слог,
Ну а теперь он стал закрытым Слогом...

Жизнь началась, как положено, в три утра,
Сердце заныло (сердце – известный нытик),
Поиск таблетки, смысла, воды, добра...
Снова прилечь, затихнуть, выключить бра...
Жизнь – лженаука, мой неумелый гитик.

Каяться, маяться, перебирать слова,
Праздновать труса траченным валидолом...
Сдрейфив насчет «пройдут Азорские острова»,
После сорваться на торжество шутовства:
Выжечь больное сердце дурным глаголом.

Морского волка кормят плавники.
И те, кто заплывает за буйки.
Хватает виртуозно за мениск
И тянет с безнадёжной силой вниз
Курортников, отбившихся от стаи,
И к сентябрю их поголовье тает.
И лижут волны шлёпки и футболку –
Свидетельства побед морского волка.

Я покопался в душе и нашёл Иуду.
Я покопался в сердце и нашёл Иуду.
Я покопался в уме и нашёл Иуду.
Я покопался в карманах и нашёл серебро.

Татьяна Кравченко

Остается вода водой,
остаются слова словами,
притворяясь моей бедой,
птица счастья кружит над нами.
Я теперь говорю с тобой,
словно нитку вставляю в иголку,
притворяясь моей судьбой,
дни проходят, не зная толку.

Когда душа летит над телом,
как птица над своим гнездом,
полет становится пределом
всему, что сбудется потом.
И тот, кто жил всего мгновенье
и по воде босой идет,
ее почувствовав течение,
еще мгновенье проживет.
Он будет каплей бесконечной
в густой оправе янтаря,
когда почти лишится речи,
о бессловесном говоря.

У края зыбкого простого дня,
что не приметен чем-то необычным,
стою одна, и радует меня
полоска света в облаке пшеничном.
И так светла огромная луна,
она решила выйти до заката
и посмотреть, как я стою одна
и провожаю взглядом ее брата.
А солнце катится к невидимой черте
уверенно, размеренно, лениво,
там, за чертой, оставшись в пустоте,
оно продолжит путь неторопливый.
Но светом зацепившись за края,
за контуры домов, событий, судеб
невольно оглянётся, не тая
бескрайней нежности к Земле и к людям.

Спит трава, едва колышется,
пахнет сеном в сеновале,
а над елками, над крышами
звезды пляски затевают.
И коту не спится – мается
он раздумьями серьезными...
он на крышу забирается,
чтобы посмотреть на звезды.

Александр Гүменный

КАК ХОРОШО

мозг озирается
мыслью
мышцы внедряются
в тело
душа улыбается
богу
а я отдыхаю

ЭКСПЕРИМЕНТ

учитывая силу искусства
приколоться можно
напев падшему субъекту
просветлённую песню
дабы лучи Эвтерпы
под звон бокалов вина
зажарили смертные грехи
на шампуре вожделения
врачу ауру испытуемого

НА ПЛЯЖЕ

сегодня в продолжение отдыха
подарил солнцезащитные очки
объёму воды мною вытесненному
и река теперь смотрит
со всех сторон зрением
утерянного лета в августе

С НОВЫМ ГОДОМ

жидкость в бокале
холодом стекла
ожидает свершений
прикосновений мягких
в потоке желания

БЕЗ ИМЕНИ

я всё время
забываю
но никак не могу
вспомнить –
что именно...
и даже вспоминая
случайно забытое
совсем не пойму
к чему это

Татьяна Ильдиминова

ДЕНЬ ДУРАКА

Первоапрельским вечером кружил по ветру апрельский дождь, смывал с обочин крапленые остатки сугробов, заставлял людей горбиться и спешить в укрытие, выворачивал зонты наизнанку – холодный и колкий, как злая насмешка. Пока Антон шел с остановки, он успел оченеть, а одежду его можно было выжимать.

Дома оказались гости, мамыны подруги с работы, они же «девочки». Как было положено по пятницам, они культурно отдыхали после утомительной трудовой недели и по традиции своей пели Пугачеву. «Бабские сопли», – раздраженно думал Антон, запершись в своей комнате. В последнее время он едва ли не обо всем думал раздраженно.

И снова мама пела свою любимую «переждать не сможешь ты трех человек у автомата», и опять Антону хотелось зануть, завуть, забраться глубоко в шкаф, в душный чехол, пропахший лавандой от моли, в котором мама в несезон хранила свою выстраданную рыночную норку. От ее пения ему каждый раз думалось жалкое – например, как много лет назад в день рождения Антона они с мамой весь вечер ждали отца, который приехать обещал и приехал, но только подарок отдать: в машине ждала его женщина. Когда он уехал, Антон с мамой ели неразрезанный торт ложкам, будто кашу, и допоздна смотрели КВН, поочередно начиная смеяться даже над несмешными шутками – чтобы невольно засмеялся и второй. Под утро Антон проснулся от резкой боли в животе и тогда он впервые увидел, что мама плачет. Она плакала совсем как девочка, вытирая глаза ладонью и хлюпая носом, пока хмурая врачиха «скорой» давила Антону на притихший живот своими холодными острыми пальцами.

На кухне Елена Ивановна – мелкая, с морщинистым подвижным лицом и стрижкой, делающей ее похожей на ананас, узнаваемо пела: «Как же эту боль мне преодолеть?», выводила с надрывом, словно эта песня была написана именно про нее. Давным-давно в Адлере у нее случился курортный роман с местным поэтом-многоженцем. Антон об этом знал, потому что при нем болтали обо всем, не стесняясь и не понижая голоса, как если бы он был тумбочкой или дуршлагом.

Вторая подруга – Марина Сергеевна была моложе всех в отделе: на семь лет моложе мамы. Тощая, резкая, болтливая и щедрая на смех. Антонова мама, ее начальница, часто говорила, что Марина постоянно опаздывает и вообще портачит (в их отделе это называлось словом «оконаявиться»).

Марина напоминала Антону девчонку, которую он когда-то видел в бабушкином дворе: девчонка была длинная, лохматая, вечно ходила в дурацких черных трикушках, целыми днями торчала на улице. Читала журналы, сидя на качелях, или прыгала через резинку одна, натянув ее между двумя столбиками, потому что никто с ней не дружил. Однажды Антон просто так подкрался к ней сзади и пощекотал ей шею кончиком крапивного стебля. Несколько дней он боялся, что девочка наябедничает. Этого не произошло, но видеть ее во дворе стало еще противнее – сразу вспоминалось, как она закусила губу, чтобы не заплакать перед ним, и, сгорбившись, ушла домой.

Вечером по просьбе мамы Антон провожал Марину Сергеевну домой под своим зонтом. Она жила неподалеку, в одной из новостроек, в последние годы выросших на месте пустыря, где Антон когда-то похоронил в обувной коробке старенького морского свина Яшку.

Дождь лил ровным серым потоком, и казалось, что все вокруг навсегда стало одинакового водяного цвета. Марина сама держала зонт. Она шла в расстегнутом пальто, хотя у нее был насморк и рукой, свободной от зонта, она то и дело вытирала пальцами под носом, натертом до красноты. Антон плелся рядом, в кроссовках хлюпала вода, и было непонятно, что он вообще делает рядом с нею: мог бы просто одолжить ей зонтик.

Уже давно она просила звать ее просто Мариной, и потому он старался никак к ней не обращаться. – Слушай! – говорила ему Марина. – Я все думаю, ты становишься похож на этого, как его там... Актер, снимался много лет назад в сериале про детектива и его собаку. Помнишь такое кино?

– Нет, – отвечал Антон, – не помню.

– Ну как ты можешь не помнить, все его смотрели! Там такой парень темненький, симпатичный! А собака – овчарка. Рекс. Вся страна смотрела, ты чего такой смешной!

У нее был такой громкий голос, что казалось, будто она на Антона кричит.

Как назло, Марина завела разговор о его грядущих экзаменах, выпускных и вступительных – все, кому ни лень, в последнее время спрашивали его об экзаменах, словно не было других тем. Это было, безусловно, важно, и именно поэтому Антону не хотелось о них разговаривать. Он поддакивал, мычал и прятал лицо в капюшон.

У подъезда Марина споткнулась и схватила Антона за плечо. Он едва удержался, чтобы не скинуть ее руку, точно она могла его укусить, и нечаянно заглянул ей в лицо.

Глаза ее выглядели запачканными, словно она терла их грязными руками. И вся она стала какая-то обмякшая и потерянная. Пахло от нее сигаретами, мокрой псиной и ванильными духами. Волосы распушились от влаги, прилипли ко лбу и стояли мягким темным облаком вокруг головы. Она катала во рту леденец от кашля, подпирала щеку языком, и казалась одновременно очень маленькой и очень взрослой. На нее всю, от круглых розовых мочек ушей и обветренных губ до стрелки на черных колготках, было смотреть... слова не подобрать: ее хотелось потрепать по голове и завернуть в нагретое на батарее полотенце. Или в одну ладонь посадить, другой накрыть.

– Зайдем сейчас ко мне, – сказала Марина, – я маме твоей обещала кое-что передать.

Потом он послушно ждал в ее однокомнатной квартире, напоминающей кукольный домик из картонной коробки – сестра в детстве любила мастерить такие. Здесь тоже были стены в цветочек, занавески – прозрачный тюль и туалетный столик в углу на изогнутых ножках, как из набора мебели для сестричиных барбей, только вместо розовой кровати под балдахином («будуар» – говорила сестра) под пледом бутрился широкий диван. Марина что-то искала на кухне, поругиваясь, хлопала дверцами шкафов.

К стене тенью жался худой черный кот, всем своим позвоночником выражая презрение. Он одновременно и смотрел и не смотрел на Антона

– Ты его кресло занял, – предупредила Марина и снова исчезла на кухне.

Антон торопливо поднялся из шерстяного кресла и подошел к окну. На подоконнике стояла мелкая плошка с уродливым кактусом, который жил жадно – во все стороны сразу.

Дождь по-прежнему шумел, как в гигантской душевой, и Антон вспомнил вдруг, как прошлым летом мама лежала в больнице по женской части – ничего особенного, но от слов «диагностическая операция» внутри делалось неподвижно. Марина Сергеевна однажды зашла к ним: принесла Антону еды – борщ в банке, половину еще теплого, завернутого в полотенце пирога с капустой, а заодно приняла душ: у нее дома на три недели отключили горячую воду. Антон сидел тогда на кухне, ел пирог, старался не слушать, как шумит вода в ванной, и ему было по-дурацки стыдно из-за того, что у него дома, буквально в метре от него, стоит под душем маленькая голая женщина.

Марина подошла сзади и положила руки ему на плечи. Он почувствовал на шее ее теплое дыхание.

– Не сутулься, – попросила она. – Некрасиво же.

Она должна была сразу убрать руки, но вместо этого задержалась, приблизившись буквально на полсантиметра. Вдохнула, как после долгих слез, чуть слышно заскулила и прижалась щекой к его спине. У Антона перехватило дыхание – в точности как во время баскетбольного матча ему в спину случайно угодили тяжелым мячом: аккуратно в то место, куда Марина коснулась щекой. Была ли это ее шалость, желание поддразнить скромного мальчика, пьяная глупость или внезапное острое желание телом врать в другого человека, он никогда не узнает.

Внутри Антона, где должны ужиться мужской характер и гордое одинокое сердце, сейчас было тепло и влажно, как мякоть только что испеченного хлеба.

– Почему в такой тонкой куртке ходишь? – спросила Марина маминым голосом и поправила ему воротник. – Замерз совсем. Вон руки какие красные. Чаю тебе налить?

– Нет. Спасибо, – отодвинулся он, застегивая куртку.

– Пойдем тогда. Дать тебе шарф? Не бабский, не бойся. У меня есть серенький такой, к твоей куртке подойдет.

В прихожей она вручила ему пакет:

– Тут варенье из айвы и вишневое. Я вам давно обещала принести и все забываю. Его моя бывшая свекровь варит и привозит мне в промышленных размерах, а куда мне столько, я сладкое вообще не люблю.

По дороге медленно скользил троллейбус, похожий на огромную желтую рыбу с сияющими глазами. Под куртку пробирался ветер, но дождь почти перестал. Там, где не было луж, асфальт в свете фонарей блестел, словно пролитое масло. Мимо пробежал насквозь промокший человек в спортивном костюме, за которым плелся мраморный дог с отвращением на седой морде.

Посреди моста Антон остановился, глядя в густую темень парка. На другом берегу узкой кривоватой речки в зарослях круглый год жили местные утки, зажиточные и ленивые. Всякий раз, когда Антон собирался идти из школы через парк, он оставлял им хлеб. Сейчас уток не было видно, но они ночевали где-то там, у воды, и думать о них было приятно.

Антон с моста спустился в парк, сразу на берег. В воздухе остро и вкусно пахло свежестью и грибным супом. Фонари уже погасли, вокруг не было ни души. Ему нравилось чувствовать себя одиноким и непонятым, и в то же время будоражило ожидание чего-то невероятно хорошего. Будто звучала песня Металлики «Nothing else matters».

Антон присел на высокий бордюр и тут же вскочил. Внутри него пульсировала радость, не позволявшая оставаться на месте.

– Утки! Утки, где вы? Ловите! – кричал Антон и, широко размахиваясь, швырял в воду подсохшие куски обеденной булки.

Он не знал этого, но был уже влюблен – аж до самой своей сердцевинки.

Калужская область

Наталья Никулина

Вера Чижевская

Эльвира Частикова

Наталья Никүлина

световоды поэзии –
вода и звёзды:
над головой
под ногами
под боком
и просто –
под рукой.
переливается аура
лёгким сиянием
первого слова...
свет наш насущный...
дождь нам днесь...

чем больше в человеке Бога
тем меньше в нём остаётся человека...
хорошо бы пока он не исчез совсем
успеть и зверя в себе победить
и от бесов отбиться...
во всём был прав
Фёдор Михайлович
только силы оказались
неравными...

красота и любовь –
за гранью добра и зла.
плод и плоть – на грани;
а ещё там образ
музыка
слово...

дух же летает где захочет...

вот и Гоголь оставил нас с носом.
так и не увидев
как мы пошли за этим странным Баш-
мачкиным А.А.
как долго шли...
и всё-таки вышли
из гоголевской шинели.

с хлеба на хлебникова
перехожу.
проще простого.

¹ (лат.) – «Кто может, пусть поёт».

² Публий Овидий Назон – древнеримский поэт (43 до н. э. – 18 год н. э.).

³ певец.

⁴ писатель.

⁵ «Седьмая печать» и «Осенняя соната» – фильмы Ингмара Бергмана.

Вера Чижевская

НА РИМСКОЙ ОРБИТЕ

Эта алчность, эти злые битвы...
Это ж, как железом по стеклу!
Я попала в римскую орбиту –
что мне петь: хвалу или хулу?

Пожелал: «Qui canit arte, canat»¹
сам Овидий², переживший страх.
Ну, не пели римляне веками,
замкнутые в каменных стенах!

Я – за НИХ – произношу, как песню,
текст латинский; у него в плену,
кажется, душевно и телесно
в музыке словесной утону.

Хоть не cantor³, а всего лишь scriptor⁴ –
я, как иноземный пилигрим,
прохожу со словарём-пюпитром
и пою дословно Древний Рим.

НЕБЕСНЫЙ СРОК⁵

Ингмару Бергману

Чем ближе к смерти, тем страшней
звучит «Осенняя соната».
Но как упорно и крылато
душа летит поверх теней!

Никто её не опроверг –
она летает и поныне.
И зов космической пустыни
лишь с ней услышит человек,

где ждёт его небесный срок
с «Седьмой печатью» на конверте.
И за людей Антоний Блок,
играет в шахматы со смертью.

Но, даже отодвинув страх,
Антоний терпит поражение...
И люди видят отраженье
СВОИ
в смертельных зеркалах...

Эльвира Частикова

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Зинаида никогда не была замужем. С человеком, от которого она родила Дашеньку, не сложилось, но на всю жизнь оставило боль. Со временем сердце у неё уже не разрывалось, однако помнило и давало об этом знать. Чтобы успокоиться, ей требовалось обрести семью, как у других, мужское плечо... Слава Богу, дочка выросла, свила своё гнёздышко, всё, как положено, вывела птенцов, кото-рых мать с удовольствием помогала выхаживать. Но Зинаида не оставляла и своих женских попыток обрести личное счастье. Порой её усердие вознаграждалось: находился попутчик, брезжила надежда. Потом пути-дороги уводили его далеко-далеко в сторону, и она впадала в отчаяние. Прежний рубец начинал ныть из-за новой раны, точь в точь пришедшейся на старую. Она понять не могла, что в ней как в женщине было не так. Да и как это определить? Вот мужики каким-то чутьём улавливали и от-ступали. Но ведь и они не кидались в объяснения, не облекали в чёткие слова какой-то там туманчик или зигзаг. Да и какого он свойства, трудно предположить: неуютность ли, недостаточное обаяние, мужской склад ума, сокрушающая исчерпанность, независимость...? Ничего откровенно обидного, глядя на неё, просто в голову не приходило. А, может, ей попадались исключительно не моральные ухажёры, со своими тараканами в голове и потайными комплексами, с которыми запросто обзаве-дётся и личными... Только ей от этого не легче, полвека проведенной без своей половинки.

И вот, когда она уже научилась быть самостоятельной и твёрдой, к ней подрулил один из прежних, изрядно помотавших своими приходами-уходами. Вроде как по обстоятельствам отсутствия жилья из-за вечных бракоразводных историй попросился к Зинаиде под бочок, приводя подходящие в по-добных щекотливых ситуациях аргументы. Её сердце, всегда готовое дрогнуть, отозвалось и на этот шанс. Наконец-то она не одна! Спустя какие-то сроки попробовала заикнуться о загсе, совместной старости, даче... На дачу Михаил среагировал положительно: земля – это опора для людей с кре-стьянской жилкой. А вот от женитьбы отмахнулся напрочь.

– На кой ляд?! Не хватало ещё от штампов зависеть! Меня от них с души воротит и, кстати, не в одном браке не удержало, ты знаешь.

– Семьи хочется, – пролепетала она своё заветное.

– А у нас – что?! Крыша общая – чего ещё? Нет, я по конторам не согласен... Живи так, старся.

Понятно, силком не потащишь в законные отношения. Тут, словно им в поддержку, в моду стали входить, так называемые, гражданские браки. И Зинаида, немного, правда, смущаясь, начала назы-вать Михаила мужем. Решилась однажды и в его присутствии, на что он мгновенно зло сострил:

– Муж – объелся груш, нестерпёж кому-то уж. А мы – люди свободные!

Больше она не заикалась. Грубости она боялась, потому что, чего-чего, а этого от него получала по полной. Порой казалось, что он прямо ненавидел её – за то, что с нею жил. Ни разу не назвал ла-сково, ни цветочка, ни подарочка не преподнёс, на её нужды не отстегнул и копейки, в доме гвоздя не забил, не то что..., да и не посочувствовал в трудную минуту, не защитил как свой мужик. Зато трёхэтажные оскорбления и угрозы уйти от неё так и сыпались на бедную голову. За двадцать пять лет, которые им выпало провести вместе, ссорились до истерик и сотрясения стен, даже всерьёз разбегались. Только Михаил, пожив какое-то время у собутыльников, с окончанием запоев всегда возвращался к Зинаиде как бы поджавшим хвост, опустошённым и больным. Куда его денешь? Он, собственно, так и говорил ей:

– Мне некуда идти. Здесь – мой дом, привык.

Её эти слова грели, успокаивали.

– Не может жить без меня, – уточняла она их смысл, рассказывая подругам про то, как опять сошлись.

Почему-то не получалось жить задушевно, только – как кошка с собакой. Но, ежели честно, к живности, которую Зинаида разводила из страха одиночества, Михаил относился лучше, чем к ней: и рыбок кормил, и с птичками охотно разговаривал, и собак выгуливал, и кошачьего изыщества не обходил стороной, пригревая то одного пушиного любимца у себя на животе, то другого. Она это на-зывала любовью к ближним и очень ценила, отмечая его сентиментальность и привязанность, пусть и не к себе, так хоть к своим питомцам. Более того, видела определённое удобство и для себя, легко срывающейся с насиженного места в долгие или эпизодичные путешествия. Было на кого оставить беспокойное хозяйство, ибо её сожитель компании ей никогда не составлял. Даже на концерты, которые она обожала, не сопровождал – в своём-то городе, хотя у них имелись и общие любимые артисты, оркестры, коллективы. По телевизору – пожалуйста, а на люди – пардон! Зинаиде очень хотелось прийти куда-нибудь с ним, просила, умоляла... В ответ – цензурщина, которую он легко оправдывал: типа, сама добилась, довела до агрессии. Такое вот оно было – «семейное счастье».

– Может, зря всё это? – чаще и чаще задавала она вопрос себе, дочери, подругам, коллегам...

– Правда, зачем он тебе?! – удивлялись все в один голос.

Уже и отселить его было куда: после всех разводов-передряг образовалась однокомнатная квартира, которую он успешно сдавал разным жильцам. Но... то ли приросли они друг к другу за четверть века, несмотря на внешнюю неслаженность, то ли материально это оказалось выгоднее, – расстаться не получилось. Дача, приобретённая ею на первом этапе их жизни, устраивала обоих, хотя ездили туда они поочерёдно, так же и землю возделывали, детали обсуждая не на месте, а встретившись дома. Тем не менее, общность интересов присутствовала, давала пищу для словесных контактов.

Сколько бы так ещё длилось, если бы не вечное «однажды»? Как-то утром зашла Зинаида к нему в комнату и обнаружила неладное: бормочет нечто невнятное её Михаил, да и лицо с перекосом, да и взгляд... «Скорая» мгновенно поставила инсульт и забрала в больницу. А уж там она выкладывалась по полной, чувствуя свою незаменимость. Врачи, от которых Зинаида требовала постоянных консультаций, даже шикали на её активность. Как они не понимали, что она уже у больничной койки планировала будущее с Михаилом: каких учителей ему наймёт для восстановления речи, каких специалистов найдёт для поддержания интеллекта и починки сердца? Похоже, своим оптимизмом она заразила и пациента, ибо вскоре он заговорил, называя Зинаиду то Машей, то Глашей, то Колей, то Толей... Но по интонации она чётко улавливала, к кому он обращался, и радовалась восстановлению. Труднее было понять его замену слов цифрами.

– Семнадцать, двадцать три, сорок девять, пять, тридцать четыре, шестьсот шестьдесят шесть, – тараторил он.

Матерные слова из памяти почему-то не выпали, и он охотно вставлял их в свои монологи. Доктора прогнозов не давали, ссылаясь на полную непредсказуемость каждого больного, ну, и конкретно на то, что «дедушке уже много годков».

– Сколько бы ни было, – отвечала Зинаида, – нельзя пускать на самотёк.

– Мы – не боги, – сопротивлялись они, и по истечении принятого у них срока выписали пациента на поправку домой.

Пока объяснялись с Зинаидой, занимались рецептами, эпикризом, Михаил из палаты исчез. Как его только не искали! Испуганная, она рванула домой, где под дверью и обнаружила своего благоверного. Каким образом он без денег и со скудной памятью и речью добрался на маршрутке – рассказать некому. Но ведь нашёл же, куда вернуться, пусть и не имея ключа в кармане! С этого дня, как ни странно, и началось их неожиданное счастье. Она его заботливо мыла, кормила, обстирывала, поила лекарствами, не встречая противодействия. Да, её нагрузка возросла, ведь раньше они жили параллельно, даже питались отдельно, не говоря про остальное – каждый сам по себе. А теперь беда их соединила, заставила дышать в унисон. Даже те семь касаний, без которых у близких людей не должно проходить и дня, о чём настойчиво твердят психологи, органично вписались в их жизнь и обиход. Благодаря этому, а, может, и страху безвозвратной потери, их души переполнила жалость. А с нею всё и пошло по-другому: мягко, миролюбиво, по-человечески. Теперь Михаил и Зинаида смахивали на двух голубков на закате.

– Господи, хоть бы подольше пожить вместе! – роняла она. – Семья держится на нежности, преданности, заботе...

Наконец-то ей открылась простая семейная формула, к которой она инстинктивно тянулась всю жизнь. А почему бы и не тянуться? Ведь это, как огонёк в замороженном зимнем окне, сулящий тепло и спасение. Жаль, люди понимают главное слишком поздно, почти не имея времени для полной реализации желаемого. Вечно их отвлекает мимолётное, второстепенное, как выясняется потом. А разобравшись, но сильно растратившим себя, где найти силы для своего трудного счастья?

Зинаида с Михаилом целый год растворялись друг в друге, навёрстывая упущенное. Важно, что это состоялось, не минуло, пусть и через бесконечные сложности, несчастья, переживания.

На приёме у невропатолога Михаил с трудом отвечал на вопросы, для него, безусловно, каверзные. Что-то ведь понимал, если порой пожимал плечами, не находя слов. А что-то и угадывал – через раз.

– Назовите свою фамилию, – попросил доктор.

Все напряглись, зная, что тут у пациента – провал. Он смотрел на Зинаиду с надеждой, быстро привыкнув к удобной женской инициативе, опеке, хлопотам, и, казалось, больше всего не желая подвести именно её. На его лице можно было рассмотреть те огромные усилия, которые он прилагал, чтобы не оплошать. И вот, наконец, что-то радостно сообразив, произнёс:

– Зинин.

Все рассмеялись, и Михаил – тоже, от удовольствия. Больной человек сумел, обходя острые углы, выразить глубинную суть своей привязанности, до которой не добраться, бывает, и здоровому.

ЁКСЕЛЬ-МОКСЕЛЬ

На одного глянешь: взгляд потусторонний, поза отрешённая, ну, – прямо не жилец! А на другого – бодрячок. Потому что за жизнь держится, не отпускает, сердечную, имеет к ней интерес. Я и смотрю на другого, пример беру, так сказать. А ему уже, батюшки светлы, – девяносто лет! Голова светлая,

глаза острые, руки крепкие – не дрожат. Художник! И для него – счастье, и для других, созерцающих его тонкие этюды. Он, не взирая ни на какие пределы, строит планы, намеревается запечатлеть ускользающий день, блик, жест... Да, с каждым днём всё труднее, но и желаннее. Природа прельщает, посвистывают райские птицы. Однако он слышит уже не очень, носит миниатюрный аппаратик, не всегда, правда. Вот и сейчас зашёл без него – поговорить.

– А как? – спрашиваю я, напрягая голос и показывая на уши.

– Мне главное – своим поделиться, высказать, – объясняет.

– Действительно, – догадываюсь я. – Зачем слушать ответы, кому они нужны?!

– Вот-вот, – подтверждает он без всякой дипломатии и политесов. – Это ты слушай, не отвлекайся на ерунду. Говорить буду Я.

И начинает «растекаться по древу мыслью», то есть, белкой. С языком у него особенные заморочки и витиеватости. Он – из поволжских немцев, до одиннадцати лет ни слова не произнёс по-русски, хотя потом жизнь заставила. Теперь он на русском и думает, и говорит, и стихи читает, и философствует, но так, что не всякий разберёт. Да и легко ли, когда из предложения пять слов на ум пошло, а три повисли в воздухе? Раньше я уточняла хотя бы тему. Позже как-то по-своему научилась заполнять пробелы, чтобы выстроить нечто членораздельное.

От слушателя, то есть, в данный момент от меня, требуется лишь живое внимание, глаза в глаза, где надо – улыбка и движение участия. Я – соответствую. Поэтому для него «пообщаться, поговорить» со мной – душу отвести. Время от времени он прикасается ко мне, словно подзаряжаясь и роняя своё любимое «ёксель-моксель». Так он выражает крайнее удовольствие. Творец – всегда ребёнок, эгоистично требующий подчинённости, пока ты рядом.

– Не перебивай, – властно останавливает он меня, замечая вдруг моё нетерпение и невольный порыв ответить, – не пе-ре-би-вай!

И я не перебиваю.

ЗА-НОС-ЧИВАЯ

*Поди разберись – по низшей ли воле, по высшей –
Случаются встречи, обнажается соль и суть.*

Вот и тебе, имярек, хитрой осенью вышло

Смерти своей, деве курносой, в лицо заглянуть.

Одна девушка, по имени Тата, была очень курноса. Метила в красавицы: и глаза русалочки с прозеленью, просто прелестные, имела, и уши причудливой формы, и овал лица нежный, и ротик изящный, не банальный, с выкрутасами, а нос, прямо скажем, подкачал. Длинный-то в случае чего можно было бы и укоротить в нынешних условиях активного хирургического вмешательства, а вот короткий и задранный кверху – не больно нарастишь! Впрочем, это, если смотреть со стороны, – а напрямую, ей самой, – хоть бы что! Тата вертелась у зеркала, красила губы, подклеивала ресницы, подбрасывала виски... – и всё с явным удовольствием, не замышляя никакой глобальной реконструкции. Не мешал ей нос. В институте, где она училась, даже взрослый преподаватель оказывал ей знаки внимания, акцентируя его на центре лица.

– Что, заНОСчивая, душу не показываешь? Где она у тебя? Глубже обозримого?

– Как у всех, – отвечала, – неизвестно где, это – религиозно-философское понятие...

– А почему тогда «пяточок» свой выставляешь, мол, смотрите в две дырочки природного бинокля... и обрячете?

Он игриво прикасался указательным пальцем к кончику её носа, вопрошая, что это – пуговка рая... или лабиринты ада? Вместо продолжения темы она строила ему глазки, флиртвала, как с ровесником, и даже считала для себя возможным совать свой нос в чужую семью.

Людам всегда казалось, что это – особенность дамочек, извините, со «шнобелем», легко протыкающим границы дозволенного. А на самом деле – исключительно наоборот. Именно курносенькие и подковыривают, поддевают под основание, спеша, так сказать, подложить свинью под семью.

Так и наша: влезла, наследила, но, пресытившись чужим, вышла восвояси, высокомерно поводя носиком-зазнайкой.

– Молода ещё – судьбами играть, – крикнул ей в спину преподаватель, не ожидавший оказаться у разбитого корыта. – На чужом несчастье... не почишишь снасти!

– Лиха беда – начало. Сладким парочкам – смерть! Ещё развалю семейку, да не одну – назло верным жёнушкам! – обещала курносая.

Чего-чего, а зла у неё было с избытком, оно, ежели внезапное, прямо сквозь красоту проступало. И тогда Тата становилась похожей на придворного шута со своим задранным носом, саркастической ухмылочкой и молниями в омурах глаз. Что-то через неё хотела сказать природа, но – что? Без Гоголя, поди, догадайся! У него майор Ковалёв, не приведи Господи, та-ко-е пережил из-за своего самодостаточного носа, покинувшего лицо! Но нет, тут противоположная ситуация, наша-то героиня, несмотря на то да сё, осталась-таки с носом!

Республика Башкортостан

Андрей Тимофеев

Андрей Тимофеев

СВАДЬБА (Рассказ)

Бывают свадьбы, похожие на похороны.

Ранней весной парень из соседней деревни изнасиловал девушку, встреченную в пролеске у реки. Отец девушки отыскал обидчика на следующий день и устроил драку во дворе его дома. Но когда оказалось, что Маша беременна, родители обоих, встретившись и поразмыслив здраво, решили сыграть свадьбу – одни чтобы избежать огласки, другие неизвестно чего стыдясь и желая пристроить дочь.

Первый день гуляли у жениха. Собрались родственники, соседи, знакомые со всей деревни. Во дворе наспех вкопали в землю деревянные столбы, натянули брезент, поставили длинные скамейки, столы накрыли простынями вместо скатертей. Гостей рассаживали вплотную, так что тяжело было пошевелиться. Стояла жара, повсюду летали жадные мухи. Часто поднимались из-за стола, чтобы погулять и размяться, и тогда собирались на крыльце дома или на оставшихся от постройки гаража бетонных плитах, сваленных у ворот. Там заводили разговоры, шутки, сплетни. А дядька жениха, пожилой Кошир Кузьма, беззаботно рассказывал, как именно здесь валялись в грязи сам жених и отец невесты и до крови царапали друг другу лица об угол бетонной плиты.

Родственники невесты шепотом обсуждали, что хозяева не стали тратить на водку, а кто-то даже видел, как на кухне тайком разливают по красивым бутылкам дешевую жидкость из пятилитровых канистр. С подозрением глядели на прибившихся к их краю стола нескольких башкир, родственников жениха по отцу: как бы те не выболтали лишнего, и торопливо переходили с русского на родной чувашский.

Было много случайных людей, которых не пускали во двор, но они все равно болтались рядом с воротами в ожидании нечаянной рюмки водки. Чуваш из соседней деревни Петьук Миккуль уныло выпрашивал свое у хозяйки, а потом до крика разругался с ней и ушел обиженный.

Приносили винегрет, свеклу с чесноком, а на горячее картошку с курицей. Ели и пили с удовольствием. Туй арам, ведущий свадьбы, дал гостям наесться досыта прежде полагающихся по обычаю тостов и подарков.

Невеста сидела неподвижно. Она была в отчаянном забвении, ничего не слышала и не замечала. К человеку рядом она не поворачивалась, но чувствовала его движение, а иногда видела чужие руки.

Сегодняшнее утро растянулось в памяти на несколько дней. Ее должны были поднять с рассветом, но Маша проснулась раньше и долго смотрела в окно на небо, крыши домов, скрюченную яблоню в саду, побитую весенним морозом. В последние вечера они много разговаривали с мамой, та читала ей книги об отношениях в семье и о том, как нужно вести себя, чтобы быть счастливой. Мама много говорила о любви, а Маша плакала, обнимая ее. Но сегодня утром ей вдруг показалось, что она начинает чувствовать эту странную, угнетающую душу любовь. Маше хотелось, чтобы мама пришла сейчас и поговорила с ней, но вместо этого заскрипели половицы, и в комнату заглянула баба Варвара.

– Давай вставай! – окликнула она всегда сердитым голосом.

В доме только начали мелькать, суетиться, а они уже оделись, готовясь выйти на улицу. Были еще сестра Света и две тетушки, которые недовольно ворчали. Баба Варвара коротко объясняла про обычаи. Маша ждала маму, но, занятая приготовлениями, та осталась дома и только мельком заглянула в прихожую. Маше было грустно, будто они виделись последний раз. И потом, когда уже шли по пустой деревенской улице, Маша все думала об этом. Впереди мутным пятном виднелся лес у реки. Стоял туман, пахло тухлявым деревом.

Наконец показалось кладбище. Спускались к нему по узкой тропинке, вьющейся от самой дороги. Долго возились с железной калиткой, двигались сквозь заросли овсяга, цеплявшегося за ноги. И вот тропинка привела их вниз, где все могилы были знакомы. Приминая мокрую непослушную траву ногами, медленно крошили хлеб за каждую ограду, приговаривая: «Деды, прадеды, благословите нашу свадьбу». Потом баба Варвара велела им стоять рядом, а сама принялась то ли колдовать, то ли молиться. Становилось холодно, но она не спешила, а потом затила унылую поминальную песню.

Вернувшись с кладбища, Маша сидела в комнате, и слипавшимися глазами смотрела на те же крыши домов и яблоню за окном. Ей смертельно хотелось спать, так что она едва чувствовала, как надевали на нее платье, поправляли складки, до боли скручивали волосы.

Когда приготовления закончились, она положила голову на стол перед собой, обхватив ее руками, и чуть было не заснула, но вдруг раздался грубый удар в ворота и беспорядочный смех, будто сто человек разом засмеялись и каждый хотел смеяться не так, как другие. Она испуганно вдохнула. Смех приближался, сначала он топтался у ворот, неловко звеня монетками, потом послышался на крыльце. Наконец ввалились в комнату, заполняя свободное место от двери до стола. Началась толкотня, сильно запахло потом.

Маша испуганно глядела по сторонам. Вокруг ожесточенно торговались, кричали, стучали по столу скалкой как молотком. Сестра Света все отвечала – мало, а за ней повторяли и все родственники. Пришедшие же горячились и нехотели выгребали оставшуюся мелочь. Дружок жениха, Антошка Кривой, вместо денег бросал поддельные купюры, его разоблачили и хотели силой вывернуть карманы. Родня вступилась за своего, завязалась ссора.

Сам жених стоял у дверей, Маша смотрела на него, не отводя глаз. Он держал в руках бутылку водки, не приготившуюся на конкурсах во дворе, шутливо махая ею, будто добыл что-то ценное. Его лицо наполня-

ло Машино сердце болью и непонятной ей самой добротой ко всему миру. Но вот последний раз ударила скалка – продано. Продано, продано, зашептали вокруг.

Потом ее благословляли отец и мать, крошечный блик света бегал по иконе вверх-вниз, как живой, так что Маша заулыбалась сквозь слезы. Мать не выдержала и разрыдалась. «На кого же я тебя, доченька, оставляю», – причитала она, наклоняясь к девушке, неистово целуя в волосы. Баба Варвара недовольно одернула ее. Подошел жених, и тогда гости принялись бросать под ноги свежие полевые цветы...

«Горько, горько», – закричали отовсюду, и Маша опять оказалась за праздничным столом. Ее муж стоял перед ней. Она смотрела на него так, будто видела первый раз. Ей казалось, что она уже любит его. Но тут он приблизился, прижал к себе и стал жадно целовать. Она захлебнулась от слез.

Окончив счет поцелуям, довольные гости уселись на места, а туй арам шутливо, но решительно принялся сгонять народ с крыльца обратно за стол. Гости шли нехотя и уже захмелевшими голосами ворчали, что он портит им гулянку, но, в конце концов, собрались, ожидая своей очереди поздравить молодых. Туй арам торжественно вызвал к себе двух башкир со стороны отца жениха и вручил им большую сумку – ардю, чтобы они собирали в нее деньги, положенные родственниками, а в конце пересчитали их. Из кухни понесли крошечные порции покупных пельменей и новые бутылки водки.

Первыми поздравляли родители жениха. Мать, Антонина Петровна, дородная женщина с толстыми складками на щеках, лихо подскочила с места и подняла полную рюмку водки. Отец, худой жилистый башкир, Артур Кадимович, стоял рядом, держа за спиной маленький конверт с деньгами, и недоверчиво поглядывал по сторонам, будто опасаясь, что кто-то захочет украсть его прямо из-за спины. Родственники Маши увидели их первый раз во время сватовства. Они пришли тогда вместе с толпой человек в десять, несли выпивку, салаты, поднос с хлебом и солью, а сам жених беззаботно наигрывал на гармошке. Поднявшись на порог, Антонина Петровна настойчиво постучала в дверь. «Мы слышали, у вас телочка есть», – оглушительно запела она сватовскую песню. Остальные повторяли за ней, готовясь есть и пить досыта. Резким скрипом ответила им дверь. На пороге появилась баба Варвара, закрывая собой широкий проем и исподлобья оглядывая незваных гостей.

«У вас товар, у нас купец, – продолжала Антонина Петровна, постепенно теряясь от ее взгляда, – извольте ли продать, красную цену заплатим...» Она хотела было войти нахрапом, но баба Варвара не уступила и решительно уперлась мозолистой ладонью ей в грудь.

«Входить не положено. Ждите», – выговорила она бесстрастно и с силой захлопнула дверь.

Когда же их всё-таки пустили в дом, Антонина Петровна, нисколько не смущенная, щедро наливала новым родственникам по рюмкам и пела на весь дом в хмельном веселье.

Отец жениха во время сватовства стоял в стороне и только считал пустые бутылки. Зато он больше всех осматривал подарки невесты, привезенные по обычаю в их дом за две недели до свадьбы: на ощупь проверял качество ткани, наизнанку выворачивал платя, чтобы увидеть, хорошо ли выполнен шов. Потом, удовлетворенный проверкой, позвал сына и объяснил, в какой шкаф сложить добро.

Поздравление их длилось недолго, говорила только мать, а отец деловито положил в ардю конверт с деньгами. Отовсюду закричали «горько», а родственники жениха с особым старанием захлопали, чтобы поддержать своих.

Стали родители невесты. Оба они были маленького роста, оба смотрели по сторонам настороженно. Сергей Викторович, отец Маши, показался родне жениха слишком чувствительным, у него в глазах стояли слезы. Это был человек с детскими чертами лица, но с первой проседью, говорил правильно и красиво, по-городскому, но иногда путался и вздыхал. «Люби своего мужа, деточка моя, и Бог пошлет тебе новую жизнь», – закончил он и отчаянно опустил голову.

Поговаривали, что он сильнее всех противился этой свадьбе. Когда родственники жениха пришли свататься, а баба Варвара, вернувшись в дом, рассказала всем о происхождении, он будто бы подскочил со стула и закричал: «Да что же это такое, как же с этим быть...»

Но в комнату к дочери он пошел первым. Девочка неподвижно лежала на кровати, и лишь глаза ее были живыми и испуганными. Он присел на краешек и боялся смотреть на нее. Ему хотелось закрыть ее от всего на свете и не тревожить ничем больше, но необходимость говорить заковала ему горло.

«Что же, доченька, это жизнь, – повторял он потом, лихорадочно теребя ее руку в своих ладонях. – Иногда в жизни бывает нужно пострадать и получить от Бога венец... Я не знаю, за что это тебе, но ты должна все вытерпеть...»

«Пойми, милая, мы долго не сможем содержать тебя, – оказалась рядом и мать. Она то вытирала Машино лицо носовым платком, то поправляла спутавшиеся волосы. – Отцу работу совсем не дают, меня пока держат в колхозе, но никто ведь ничего не обещает. А одна, с ребеночком, как ты будешь жить после нас?»

Маша растерянно глядела то на одного, то на другого и больше пугалась их слез, чем решения своей судьбы.

«Милые мои, дорогие, – начала мать невесты, обращаясь к молодым, хотя ее тихий монотонный голос показался гостям слишком грустным для свадебного поздравления, – вы теперь одна семья, и самое главное, вы должны жить в любви и согласии, заботиться и помогать друг другу. Не обижаться по пустякам, а если случилась ссора, сразу же прощать друг друга. Тогда и жизнь у вас сложится, и отношения в семье будут добрые и уважительные...»

Татьяна Аркадьевна всеми силами старалась допустить меньше сплетен, обычных для свадьбы, где невеста уже беременна, и поддерживать хорошие отношения с новыми родственниками. Перед свадьбой она, как положено, устроила в своем доме Большой сговор с родителями жениха, где договаривались о количестве гостей, угощениях, устройстве праздника. А когда ее муж вдруг встал из-за стола и быстро вышел из дома, она нарочно беззаботно махнула рукой и объяснила присутствующим на сговоре гостям, что у мужа про-

блемы на работе, потому что колхоз опять перестал платить зарплату, а ведь сейчас свадьбу играть, вот он и переживает. Родители и сам жених довольно закачали головами, а пришедший с родней Кашир Кузьма лукаво усмехнулся ее объяснениям.

Маша же с самого дня сватовства поняла, что наступает что-то неведомое и тяжелое для нее. В этом неведомом и тяжелом не было людей, а было будто грозовое облако. Первые мысли о муже как о реальном человеке появились у нее только после Большого сговора, когда по обычаю мать жениха повесила у входа большой пастушеский кнут, который должен был висеть здесь до самой свадьбы. Когда сговор закончился и в дом вернулся Сергей Викторович, он сначала в бешенстве пытался снять его, но баба Варвара не позволила, потому что на самом деле был такой обычай. Для Маши этот кнут был как живой, она украдкой разглядывала его, когда сидела за обеденным столом. У кнута была стертая ручка, напоминавшая Маше о лошадях и работе в поле. И когда на второй день Татьяна Аркадьевна все-таки уговорила свекровь убрать кнут, Маша все равно вспоминала о нем, когда думала о своем женихе...

Собрались было сделать перерыв на танцы и конкурсы, но тут без очереди влезли Антошка Кривой и Виктор Вдовцов. Они пробирались позади скамеек, не обращая внимания на недовольство сидевших гостей. «Подожди, подожди, мы сейчас», – заносчиво кричал ведущему Виктор, а Антошка изо всех сил расталкивал локтями мешавших.

«Мы пришли сюда поздравить нашего друга со свадьбой, – начал Виктор, молодой парень с тонкими усиками и красивыми кудрями. – Надеемся, что наша дружба сегодня не закончится и мы сможем еще собираться, как в старые добрые времена».

Родственники жениха, не слушая, захолопали ему, а Света, сестра невесты, покраснела оттого, что тот нахально рассматривал ее полуоткрытую грудь.

«Да и вообще, жена не должна стоять между мужем и друзьями!» – подхватил Антошка Кривой.

Прозвище пришло к нему от отца, но лицо его на самом деле было сморщено сейчас от выпивки. Желая повеселить гостей, он отобрал у туй арам бутылку, из которой тот наливал каждому поздравлявшему, подхватил чужой стакан со стола и, наполнив, выпил, не отрываясь.

«О, Антошка начал, – раздались со всех сторон насмешливые голоса, – смотрите, вам его еще до дома тащить...»

Антошка недовольно огляделся вокруг и с достоинством вышел из-за стола. Туй араме объявил перерыв.

На свободное место между крыльцом и воротами вынесли две большие старые колонки и, не жалея, выкрутили ручки до упора. «Громче, громче», – послышались задорные крики. Музыка взбудоражила замлевших гостей, так что они вскакивали со своих мест, толкались, спешили, и высыпали на двор, чтобы танцевать изо всех сил. Старухи за столом, неодобрительно качая головами, прижимали слабые ладони к ушам. Веселье разгоралось, как пожар на соломе. Виктор подскочил к Свете и, грубо обнимая за талию, увлек за собой. Они врзались в круг танцующих, разбили его, чтобы закружиться в центре, привлекая всех своим пылом и красотой. Антошка Кривой беззаботно отплясывал рядом, не замечая, как насмешливо косятся из круга, а две девушки показывают на него пальцем, как на дурачка.

Маша съежилась, будто не желая, чтобы музыка вошла ей внутрь. Вдруг сильно потянули за ногу, она вскочила и увидела, что у нее украли туфлю. Рядом закричали, а дядьки с шумом пытались догнать вора. Все смешалось, и уже нельзя было понять, кто ловит, а кто убегает.

У Маши закружилась голова.

– Петя, – бессильно выговорила она, в отчаянии поворачиваясь к мужу, но тот не слышал и уже вылезал из-за стола, чтобы присоединиться к танцующим друзьям.

– Невесту, невесту-то возьми! – придержала его мать. – Всему тебя учить надо!

– Да, пойдем, – опомнился тот и схватил Машу за руку, но она не двигалась.

– Туфли нет, – объяснила удивленному мужу. Ей отчего-то было стыдно, будто именно она виновата, что не уследила.

– Так иди босиком! – не растерялась Антонина Петровна. – А сомневаешься, вот тебе, доченька, для согрева, – и налила полную рюмку водки.

Маша нерешительно пригубила. В глазах ее вспыхнуло, а в груди обожгло. И тогда она, хмельная, не от выпитого, а от собственного чувства, побежала в круг быстрее мужа, в страстном отчаянии заплесала, вскидывая вверх свои тонкие руки...

Тем временем за столом начались обычные разговоры и сплетни.

– А жених-то наш беспутный дурачок, – приговаривала Марине Чермеш, – какой же из него муж получится... А ведь он ее силой взял!

– Это правда? – серьезно спрашивала Наталья Миттук. – Я тоже слышала об этих сплетнях, но им не верю.

– Да как же неправда, вся деревня об этом говорит, – настаивала Марине. – До вас городских новости-то не доходят, откуда вам знать! А бабка Степанида сама видела, как отец ее домой нес из леса, когда тот над ней надругался. У нее спросите, она вам все расскажет...

Наталья Миттук неодобрительно покачала головой, но возражать не стала, потому что действительно не могла знать всего.

Чуть поодаль оживленно беседовали мужья Марине и Натальи. Первый, Миккас Чермеш, был щупленький мужичок, несмелый на деле, но дерзкий на слова. Он, как и жена, рассказывал о деревенских делах. Второй, Савва Миттук – малоразговорчивый седой старик, всю жизнь проработавший на заводе в городе, но страсть как любивший разговоры о колхозной работе, посеве, уборке и потому с уважением слушавший Миккаса Чермеша.

– Овсго все испортил в этом году, – деловито вздохнул Миккас, – мало урожая будет, опять в колхозе передерутся и зарплату не заплатят!

– А я слышал, кто-то из колхоза вышел у вас? – мягко поинтересовался Савва. – Вот молодец мужик, сам решил хозяйство вести, да?

– Есть у нас такой, – с досадой ответил Миккас, – как раз из родни жениха, вон даже, как устроился, смотрите, – кивнул он на коренастого мужика с огромными плечами, сидевшего в почетной близости к жениху и невесте. – Григорий Михайлович Микулин его зовут, русский, пришлый. Пару лет назад заявился в колхоз и говорит: дайте мою долю земли, буду сам пахать. Да нет, не думайте, человек он пустой, – добавил он торопливо, видя, как уважительно смотрит Савва на Григория Михайловича, – противный такой, злобный, все только себе, а других за мусор считает. Я с ним даже не здороваюсь, как вижу!

Иначе велись разговоры среди родни жениха. Там центром был пожилой Кашир Кузьма, перебравшийся с крыльца дома, где слишком громко играла музыка, на скамейку за воротами. Возле него столпились и чувашки, и башкиры и говорили наперебой, а он сидел в середине и изредка останавливал или поправлял говорящих.

– А венчаться-то они будут? – спрашивала особенно религиозная чувашка.

– Да куда им венчаться! – перебивали ее несколько голосов. – У невесты же живот, какое венчание!

– У нас бы за такое не свадьбу... – поддержала родню башкирка Гузель Рифкатовна.

– А у них вся родня такая, – не успокаивались чувашки. – Да чего далеко ходить, если бабка у нее жила с четырьмя мужиками, и от них родила двух сыновей и двух дочерей.

– Хватит вам чепуху городить, – подскочил вдруг со своей скамейки Кашир Кузьма, – мелете своими языками, не пойми чего! А ты, балаболка, иди отсюда, чтоб я тебя не видел, – прикрикнул он на женщину, которая говорила про бабу Варвару.

Когда молодежь стала заметно уставать от танцев, туй араме объявил окончание перерыва и опять пригласил всех на места. Едва затихла музыка, Маша бессильно опустила на землю, прямо там, где танцевала. На нее сначала смотрели удивленно, будто ожидая, что это розыгрыш, но потом закричали, переполошив всех. Родственники окружили ее, стараясь понять, что произошло. У Маши болела голова, ей казалось, что ноги разбиты в кровь. Она несколько секунд не двигалась, будто не узнавала окружающих, но потом сильно вдохнула и виновато улыбнулась.

– Все хорошо, – постаралась она успокоить родных, – просто устала.

Отец взял ее на руки и отнес обратно к столу, потому что под брезентом было прохладнее, а потом заботливо обнимал за плечи, боясь, что она упадет назад. Мать взволнованно трогала её лоб.

– Да не волнуйтесь, сваты, – убеждала их Антонина Петровна, – такое бывает, от жары, наверно. Сейчас надышится, придет в себя!

Столпившиеся рядом родственники быстро подхватили, что, конечно, от жары и сейчас все пройдет.

– Выпить тебе надо, жена, – хмельным голосом пошутил жених, – сразу отпустит!

Все засмеялись.

В этот момент отец невесты неожиданно подскочил с места и, схватив жениха за грудь, потащил его на бетонные плиты у ворот.

– Я на этих самых руках ее нес, ты понимаешь? – ожесточенно выговаривал он, глядя в испуганное лицо.

– Да чего ты, батек, чего, все ведь выяснили... я же ее замуж беру... – лепетал Петька.

Родственники и друзья жениха окружили их, но боялись вмешиваться, и только Татьяна Аркадьевна бросилась к мужу и отчаянно обняла сзади, пытаясь ослабить его руки. Он же вдруг сам расплакался и головой уперся обидчику в грудь.

– Да ладно, батек, ладно, давай лучше выпьем, – отвечал ему Петька, оглядывая своих, будто ожидая их помощи.

– Выпьем, выпьем, горько, – подхватило несколько голосов.

Тогда из-за стола встал Григорий Михайлович Микулин, оттолкнул Петьку в сторону и, позволив Сергею Викторовичу опереться на себя, проводил за стол. Родня жениха неодобрительно зашептала, потому что он не встал на сторону Пети, но упрекать Микулина вслух никто не решился.

– Рассаживайтесь, – коротко рявкнул тот, не глядя по сторонам. – Я сейчас буду поздравлять молодых.

Гости стали неохотно расходиться по своим местам, и только Татьяна Аркадьевна осталась с Машей. Сергей Викторович сидел рядом, закрыв лицо руками, страшно стесняясь себя. Наконец все действительно успокоились.

Григорий Михайлович степенно подошел к Маше, чтобы убедиться, что она чувствует себя лучше. Потом строго посмотрел вокруг, будто выискивая в толпе тех, кто еще не замолчал, и начал речь.

– Я не буду повторять то, что до меня уже сказали и после меня скажут. Понятно, что я желаю молодым здоровья, счастья и достатка. Но мои главные слова будут для тебя, Маша. Ты новый человек в нашей семье, и ты еще совсем молодая, но тебе надо повзрослеть, – завершил он первую мысль и остановился.

– Наш Петька, он сам по себе ничего не стоит, – продолжал Микулин. – Я своих мыслей ни перед кем не скрываю, я ему это в лицо могу сказать. Ты, Петька, никчемный осел, понял? Тебя нужно кнутами до крови избить, чтобы у тебя хоть немного ума появилось. Поэтому ты, Маша, теперь в семье голова, ты должна рассуждать за обоих.

Маша испуганно смотрела на Микулина, а жених сидел с глупой улыбкой, не зная, смеяться ли словам дяди, как шутке, или же обижаться на него.

– Вам сейчас нужно строить дом, – не обращая внимания на их замешательство Григорий Михайлович, – не вечно ведь вы будете у свекрови жить. Потом будут у вас дети. Их нужно воспитывать, не такими шалопаями, а настоящими людьми, чтобы крепко стояли на ногах. Потом копить деньги на старость. Чтобы прожив жизнь, ты могла сказать, что жила по совести, ни у кого займы не брала и ни одному лентяю не давала. Мужу верная была, какой бы он ни был. И помирать могу спокойно, никто дурным словом не вспомнит. Поняла меня? Ну, тогда у меня все.

Родня жениха молча переглядывалась, зато родня невесты встретила этот тост громкими хлопками. Григорий Михайлович недовольно оглянулся. Продолжались поздравления и тосты...

Сергей Викторович и Татьяна Аркадьевна сидели рядом с Машей, но потом и их подняла с места бойкая Антонина Петровна и потащила участвовать в конкурсах. Машу же не беспокоили, думая, что ей нездоровится. Только один раз ей принесли украденную туфлю.

Сама Маша не понимала, что происходит вокруг. Она только боялась, что опять начнутся танцы и нужно будет бегать по острым камням. Вдруг она заметила, как на нее грустно смотрит Григорий Михайлович, и сразу же отвернулась. Ей припоминались обрывки его слов про дом, про деньги, но она не могла связать их воедино. Ей казалось, не будет никакого дома и денег и что после сегодняшнего дня уже вообще ничего не будет.

Подошла разгоряченная Света и обняла Машу за хрупкие плечи. Маша устало улыбнулась. Ей приятно было чувствовать родного человека рядом. Она смотрела на сестру и с тихой радостью слушала ее сбивчивый рассказ о Викторе. Оказывается, Свете нравилось его грубое ухаживание, но она хотела показать, что ее не так просто добиться, и поэтому решила немного посидеть с сестрой. Они обнялись и остались одни посреди этой громкой свадьбы.

– Что, целоваться-то противно? – вдруг усмехнулась Света.

Маша только вздохнула, сильнее прижимаясь к сестре.

– А я тебе так скажу, выпей побольше, помогает, сама знаю! Утром проснешься и ничего помнить не будешь.

– Нет, напиваться не хочется, – тихо ответила Маша.

Они посидели молча. Вокруг звенела музыка. Редкие гости остались за столом, ведя неторопливые разговоры. На противоположном краю появились Петя с Виктором и, налив себе по полной стопке, выпили.

– Скажи, а ты хотела бы себе такого мужа, как у меня? – спросила Маша, осторожно поглядывая на них.

– А почему нет? Слабенький, дурачок, таким командовать знаешь как можно! Было бы, где мне разгуляться... Ладно, пойду, – добавила она, видя, что Виктор идет прямо к ним. – Кстати, говорят, кататься поедом ночью. Будешь с нами? Да поехали, развлечемся хоть, теперь тебе положено с мужем развлекаться!

– Хорошо, поедом, – сказала Маша, стараясь улыбнуться.

Света и Виктор взяли за руки и поспешили в круг танцующих. Маша огляделась, ожидая, что муж тоже пригласит ее, но тот уже веселился с друзьями...

Сестры Антонины Петровны, Анна и Людмила, прислуживающие гостям, присели отдохнуть и поесть, а когда на одном из столов кончилась водка, свекровь подступилась к невестке и ласково стала подталкивать ее в локоток.

– Давай, Машенька, покажи нашим гостям, какая ты хозяйственная, сходи на кухню, принеси еще несколько бутылочек.

Маша согласно закивала и медленно поднялась из-за стола. Боли в ногах не чувствовала, и только монотонно колотило в висках от неосторожных движений.

– Какая у нас невестушка, – тем временем нахваливала ее Антонина Петровна. – Новая хозяйка в доме появилась!

Маша смутилась, а гости одобрительно засмеялись.

На кухне было жарко, и клубился пар от двух огромных котлов с водой, кипящих на плите. Третий же стоял у окна и был доверху наполнен грязными тарелками. Всем распоряжалась бабка Степанида. Сама она торопливо доставала тарелки из чана и насухо протирала сбившимся в комок кухонным полотенцем. Узнав, зачем пришла Маша, она качнула головой в сторону пустых бутылок на столе.

– Не готовы! Погуляй пока, – и отвернулась к своим тарелкам.

Маша осталась в сенях, не зная, возвращаться ей назад или подождать здесь. Было темно и неудобно, потому что могли войти из любой двери. Внезапно Маша услышала глухую песню за стеной, песня была протяжная и грустная, и она тянула к себе. На ощупь приоткрыла одну из дверей, и тогда песня поразила Машу своей громкостью и силой. Она попала в летнюю кухню, где на кровати, укрытой половиками, старыми шубами и другой одеждой, сидели усталые женщины.

Все они казались Маше знакомыми, наверное, были из ее родни, но по имени она могла вспомнить только тетю Марине Чермеш. Увидев невесту, они не перестали петь, но глядели на нее с улыбкой и жестами приглашали входить.

– Здравствуй, Машенька, садись к нам, – обратилась к ней спокойная пожилая женщина, когда закончилась песня. – А мы вот тут сидим и старушечьи плачи плачем.

– Ты помнишь своих родственниц-то, это баба Наталья и тетя Юля, они из Стерлитамака, – представила Маше пожилую женщину и ее дочь тетя Марине.

– Да откуда ей нас помнить, – возразила баба Наталья, – молодые должны жить, а не старух-родственниц считать.

Маша села среди женщин. Ей нравилось здесь. Хотелось только, чтобы они опять запели что-нибудь медленное и тревожное, так, чтобы можно было забыться и помечтать о чем-нибудь. Пару раз она с опаской взглянула в окно, не идет ли муж или свекровь, но за окном вразнобой ходили только чужие люди, и не было слышно ни звука.

Тем временем женщины продолжали прерванный разговор.

– Ну, и что потом было? – спросила у бабы Натальи Марине. – Расскажи нам дальше, пусть и Маша послушает.

Баба Наталья улыбнулась.

– Ну, что ж ладно, если так просите, – вздохнула она.

Маша затаила дыхание и принялась слушать.

– После войны мы с сестрой Груней остались сиротами. Отец погиб, а мама умерла от болезни. Сильно голодали, даже больше, чем во время войны. В деревне мы были пришлыми, поэтому родственников у нас не было. Попросили у колхоза зерна, они отказали, сказали, что из нашей семьи никто не работает. Тогда я уговорила меня взять в колхоз, работала сначала в столовой, а потом и в поле стала выходить. Так и зерно у нас в доме появилось, и картошка. Было мне тогда четырнадцать лет. А когда вышла замуж, переехала к Миттьукам, а Груню увезли к дяде Мукасею в Аллагват. Свекровка меня невзлюбила. В первый день после свадьбы послала она меня кизяки делать, и так я все работала у нее. Бывало, гулянка какая-нибудь, сама свекровь пьет, дядя Савелий пьет, а младшую дочь от работы бережет. Иди, говорит, Наташка, на кизяки или в огород. Так я и жила.

Потом переехали мы с Савелием в город, в бараки, там у нас была маленькая комнатка. Стали на заводе работать. А по выходным все равно в деревню, надо ведь маме помочь, маме там тяжело. А мама на мне и ездила. Ох, не хорошо про покойников так говорить... – осеклась она и осторожно перекрестилась.

– Ну, вот, так время и проходило, – продолжала баба Наталья вскоре. – Дядя Савелий пил сильно, не буду скрывать. Сколько я раз его по дворам искала, сколько раз домой тащила, уже и не вспомнить! А тут у меня ребеночек родился, Алешенька. Помню, маленький такой был и почти не кричал. Месяца ему еще не было, а тут у племянника свекровки свадьба, нас позвали. Я говорю, Савва, давай не поедом, а он: нет, нельзя обидеть родню. Вот и поехали с ребенком.

А поехали, это не как сейчас, прямо ко двору на своей машине. Тогда так добирались: на автобусе до Разъезда, а оттуда пешком. Через Ашкадар вброд перебирались. Там мы Алешеньку и застудили.

И вот, они на свадьбе гуляют, а я с ребенком дома сижу. Он заболел, лежит, кашляет, я его тряпкой укутаю и к себе прижму. Потом заснул вроде. Я успокоилась, сама немного прикорнула. А просыпаюсь, смотрю, он уже синенький. Выглядываю в окно: никого нет, вся деревня гуляет на другой улице. Села и заплакала, не знаю, что делать. А потом смотрю, Николай Васильевич, помощник председателя, идет по дороге, я кричу ему, а сама плачу, задыхаюсь. Говорю, найдите, где гуляют, скажите Савелию: ребенок у нас умер. И вот, скоро пришли и Савва, и братья его. Николай Васильевич тут же распорядился, гробик смастерили. А я смотрю, такой маленький. Спрашиваю, неужели поместится, а он говорит, что поместится...

А свекровка с дочерью только к вечеру вернулись. Я уже тогда успокоилась, ужин сварила. Свекровка говорит мне, давай, Наташ, сегодня похороним, зачем будет в доме стоять. А завтра уже картошку надо окучивать. Я согласилась, так мы и похоронили его.

– А ты говоришь, Марине, хорошо жили, всякое бывало, как у всяких людей, – закончила она и спокойно улыбнулась родственнице.

Стало тихо, было слышно, как бьются мухи в окно. Маша зажмурилась. Ей представился и пустой дом, и мертвый ребенок на столе, а вокруг чужая свадьба, все смеются и кричат проклятое «горько»... Наконец она открыла глаза и увидела, что баба Наталья ласково смотрит на нее.

– А вы часто приезжаете в деревню? – спросила вдруг Маша.

– Нет, куда уж нам, старухам, часто приезжать.

Маша хотела пригласить бабу Наталью заходить в гости, если получится, но не решилась. Женщины опять завели разговор, а она то слушала, то устало наклонялась к тете Марине и тихонько спала у нее на плече.

Вдруг сквозь сон Маша почувствовала движение и громкие голоса. Ее звали сестра Света и кто-то еще. Маша испугано поднялась, выбежала в сени. Торопливо огляделась в темноте, будто собиралась спрятаться. Больше всего ей не хотелось ехать сейчас с мужем и остальными в клуб. Она не знала, что же делать. Из кухни пахло сыростью, с крыльца доносился голос сестры. Тогда Маша нащупала позади ручку двери и потянула на себя. Это был вход в жилую часть дома, она была здесь первый раз.

Сначала Маша оказалась в просторной комнате, напоминавшей зал в городских квартирах. Через два больших окна проникал свет со двора, и мелькали знакомые фигуры. Под ногами лежал огромный шерстяной ковер, так что Маша сняла обувь, прежде чем наступать на него. Посреди стоял большой диван, но она не решилась остаться прямо в зале, опасаясь, что ее сразу же обнаружат, если войдут в дом. На противоположной стене виднелись две двери, и Маша решила заглянуть туда.

Первая дверь вела в большую, но низкую комнату с одним окошком, занавешенным тяжелыми портьерами. Повсюду стояли шкафы, тумбы, а на каждой стене из-за шкафа виднелся краешек ковра. Маша поняла, что это была комната хозяев, и поспешила выйти, чтобы не задеть чего-нибудь ненароком.

Вторая дверь сильно скрипнула, и ей отозвались хрупкие половицы. Это была маленькая спальня с пустыми стенами; прямо у двери стояли письменный столик и крошечный платяной шкаф; у другой стены раскинулась тахта; над тахтой висела разбитая гитара без струн. В углу виднелась старенькая детская люлька. Маша легла на тахту и хотела уснуть, но смутное беспокойство не покидало ее. Она закрыла глаза и старалась вообразить, как ходит по комнате и рассматривает все вокруг. В шкафу она нашла невероятно красивое платье из тонкого шелка, хотела примерить его, но побоялась помять и потому оставила на вешалке. Потом ее внимание привлекла гитара на стене, старая, потертая, будто ручка рабочей косы или пастушьего кнута. Маша осторожно погладила теплое дерево. Наконец она подошла к люльке и наклонилась над ней, будто ожидая увидеть там настоящего ребенка. Но внутри лежала только большая мертвая кукла. Вдруг она поняла, что эта комната – ее будущая спальня, гитара на стене – ее мужа, а люлька загодя повешена для ее ребенка. Маша раскрыла глаза и подпрыгнула с тахты, не сводя глаз со страшной люльки. Ее охватил страх, будто она оказалась ночью на кладбище, и тогда она побежала прочь, ничего не видя перед собой.

Очнувшись Маша, сжимая ручки двери в сени, и сильно заплакала. Она не хотела выходить к людям, но и не хотела возвращаться туда, в маленькую комнату. Маша села на ковер у двери и, опершись на стену, устало запрокинула голову. Тикали на стене часы.

Республика Дагестан

Шамилова Хамис

Камиль Чопалаев

Патимат Рамазанова

Хамис Шамилова

Холодно.
Зимнею стужею
брызжет дорога.
Сил не хватит
продолжить счастье...

Холод ветра ласкает мне слух
В очертаньях морской воды.
Тысяча снов неразгаданных,
тысячи мыслей.
Шёпот волн...
Где же вода?
Где камни?

Я выход ищу из развалин.
Священный торжественный гул...

Боже, оставь его для меня,
Как большую мечту о Себе...

Порог был близок,
Дверь захлопнулась.
Примёрзла трава у дверей.

Я намного старше собственных дней,
Я намного старше твоих дней –
Старше я судьбы своей.

Всё снимешь, душа!
Будь нага...
Очерствела боль,
Не пробьёшь её,
Не посолишь,
Не повторишь...
Холод.

Ты ждёшь мои чувства,
Как благодарность
за свои безумства...
Ты ждёшь их, обо мне забывши...

Камиль Чопалаев

ЛЮБЛЮ

Люблю я звёздное мерцанье;
Люблю я солнца полукруг;
Люблю душевное молчанье,
И сердца пламенный недуг;
Люблю ночи холодный трепет;
Люблю я дня палящий зной;
Люблю я дев открытый лепет,
И их смирение, и покой;
Люблю я жизни светлый облик;
Люблю я смерти грозный вид;
Люблю я дум кипящих подвиг,
И сердца юношеский стыд;
Люблю я слёзы расставанья;
Люблю свиданья первый смех;
Люблю земли родной страданья,
И неба гордого утех;
Люблю блаженство я по жизни,
И на пути встречать беду,
Люблю народ, мою Отчизну,
Люблю тебя,
тебя одну!

Я вновь на Кавказе. Родимые дали
Восторгом приветствует трепетный взор.
Теснится в душе чувство светлой печали
При виде величья недремлющих гор.

Как нравится мне, когда ветер играет,
По степи широкой волнует траву,
В тот миг в моём сердце отрада всплывает
И я наслаждаюсь, и жизнью живу.

В тот час я бессмертен, и младость блиста-
ет,
Резвясь, как дитя, на угрюмом лице;
Ничто мне не нужно, душа не страдает
И мысль не тревожит о скором конце.

Нигде не встречал я такого блаженства.
Аллах, вознеси же Отчизну мою!
Чтоб в ней всё святое нашло совершенство,
Чтоб все восхваляли в ней милость Твою!

«Правители насытились сполна...»
О наша бедная казна!
Ну ведь не каждому дано
На злато душу променять,
А после громко и смешно
Народу счастье обещать!

Патимат Рамазанова

УГОЛКОМ СТАРОЙ ШАЛИ
УТИРАЯ СЛЕЗУ

Уголком старой шали утирая слезу,
Старушка соседка ко мне подбегала, –
И в душе, где гнездится родная Цовкра,
Особую радость она пробуждала.

Не была она близкой мне, родней не была,
И воду я ей никогда не таскала,
Но прослышав, что я возвратилась в аул, –
Ко мне непременно она прибежала.

И руками, что с пахотой схожи, обняв
Мне голову – в темя она целовала,
И, со мною идя проулком, она
Невольно подолом бузма пыль сметала.

Ей казалось, что я – всё сделать смогу,
Что мудрее меня нет людей, полагала,
И пускай я мала, так считала она,
Но способна свершить дел великих немало...

Засмежив потускневшие глазки, зайза
Обо всём, что творилось в мире, справлялась,
Проклиная злодеев, за добрых молясь,
Подружившись со мною, меня забавляла...

Ах... в последний приезд мой не вышла она
Мне навстречу, как прежде нередко бывало...
И шепнул мне отец: «Дочь, пойдём, посетим...
С этим миром, Сяи, бедняжка, рассталась.

Содрогнулась душою от вести про смерть,
Добрый ангел, одна ведь теперь я осталась,
Ах, не ты ли меня научила терпеть...
Неужели со мной навсегда ты рассталась?!

ДУХ ХЪУССА ЛАЧАКРАЛ
МУРЦІНИХ МАКЪ ЛИХЪЛАЙ

Дух хъусса лачакрал мурцІних макъ лихълай,
Лечайва ттул хъунийн даим ца къари.
ДакІнивух бивхъусса ЦіувкІуллал кІанай
Га къарил бувайвав на гужну ххари.

Дакъассия ттун га гъансса, маччасса,
КъабувцІуссар тачІав на ганин щинал,
Амма, шагърулия бавну на бувкІсса,
Лечай, ликкурахун личча дахчилай.

Гъайкусса хъу кунна жиг дартІ карунних
Ттул бакІгу бувгъуну, кІизуйн ппай учай.
АрхІал дачай ттущцал бух гъухъул махьлих
ЧІаванийва кІулсса кІичиртту бахълай.

Ххан бикІайва ганин ттуяр аькьилсса
Акъаххай шяраву цама цІувкІрачу.
Ххан бикІайва ганин чІивисса ттуща
Шайсса ххай дузал бан хъунисса ишру.

Ранг лирхсса яругу явш бивтун ганил,
ЦІуххайва дунгъяллул цІусса хаварду
Хъинманаха-зукълай, оьнаха-зайлай,
Хіаз бикІайва ттунгу къарищцал дусну.

Амма утти лавгни щарнил зуманив,
Къадурккунни хъунийн ттул мискин къари.
Бутталгу увкунни: бачу хІатталлив-
Гикку пахъ дагъссарча вил ххира Сяи.

Зурзу кунни чурххал циняв базурдал
Баяйхту вил хавар, Сяий, ттул Сяий,
Лахъхьин бувайссия ина ттун яхІ бан,
Амма захІмат хъунни вил бивкІу бухІан.

Давай отсюда убежим, –
Здесь страшно неуютно,
И нас не поняли, – скажи! –
И ветер не попутный.

Здесь не жалеют ни кого,
Здесь на людей – охота!
Здесь каждый ест не своего
И съест своих охота.

Свободны злые языки
И бродит в чёрном Зависть,
На всех цепляя ярлыки,
Печаль впадает в шалость.

И странствует меж нас Тоска –
Суровая царица, –
Злодеи этого мирка,
Знакомые нам лица.

Здесь заболевший виноват
И в том, что врач бездарен,
В том, что вокруг один лишь блат,
И в малом гонораре.

Давай уедем навсегда,
Куда-нибудь уедем,
Чтоб не вернуться никогда
К опаснейшим соседям.

На дикий остров без людей,
С тобой вдвоём, на пару,
Где ни откуда нет вестей, –
Лишь верная гитара.

Творя из рифмы чудеса,
Их не считая хлебом,
Пойдём с тобой – глаза в глаза,
Синеющие небом.

Уйдём в луга, шагнём в цветы,
В сон, в древнюю балладу...
Давай уедем от беды,
И большего – не надо!

(Перевод Юрия Агеева)

Патимат Рамазанова

СТАНЦИЯ «РАССВЕТ»

Вспомнил, дорогая, про снежную зиму...

Ещё с вечера беспокоил маму, чтобы разбудила в шесть. В воскресный день, и маме после школьной недели хотелось выспаться. Но никогда я не слышал, чтобы она показала своё раздражение.

Наутро я проснулся раньше будильника – и к окну. Небо розовато-сиреневое. Сосны, покрытые снегом. Самое то. Я бегу предупредить звон будильника, но он сделал своё дело, и, когда я накрыл часы подушкой, мама подняла голову, увидела меня в лыжном костюме и улыбнулась. Я принимал её теплоту как должное. На кухне отрезал кусок батона и стал мазать своим яблочным повидлом. Обожаю запах антоновки.

Холодное повидло я мазал толстым слоем, и оно сыпалось на ходу, пока я быстро перемещался по дому. Чтобы натянуть толстые шерстяные носки, хлеб кладу на кухонный стол. При этом одним глазом глядя в прихожую, ища глазами лыжные ботинки. Самое трудное – быстрее втиснуть ноги в их жёсткое тело. На ходу надеваю ушанку и роняю палки. Мама уже накинула халат и бежит к вешалке. Она всё время меня хочет укутать. Я хнычу и, чтобы избежать этой тяжести, хватаю под мышки лыжи и в подъезд.

– Мамочка, не волнуйся, не замёрзну!

Она не понимает, как при беге становится жарко.

* * *

Синий с начёсом лыжный костюм сегодня показался бы смешным. Но я любил его за практичность и тепло. В нём я гонял шайбу, прыгал в сугробы. А потом мы с мороза собирались в подъездах и, рассевшись на ступеньках, тяжело снимая коньки и шерстяные носки, сушили варежки и шапки, разложив их на батарее. Мокрые порты сохли дольше всего. Но нам-то главное, чтобы родители не загнали домой, и потому болтали тихо. Через минут пятнадцать, облачившись в полусырые вещи, стуча лезвиями коньков и клюшками по ступенькам, выбегаем снова на хоккейную площадку.

...А тут с лесом один на один. Папа всегда где-то в командировке, а мамуля не ходит со мной. Лыжи у меня красные, советского производства, не самый шик, средней длины... Но и это терпимо. Плохо было то, что мне всё время надо было смотреть на погоду. Не смазывал я свои лыжи специальными составами, для того чтобы снег не прилипал. Сегодня снег рассыпается в ладошке, всё на мази! От дома привычной дорогой через берёзовую рощицу в овраг. Тяжело дыша, бегу на следующий пригорок. Именно отсюда, с поляны, где круглый год пацаны играют в войнушку и следопытов, стартует протоптанная лыжня.

Быстро, всё быстро – ставлю параллельно лыжи, сажусь на колено и вставляю в крепление один ботинок. Дырочки в подошве забились снегом, и я начинаю остриём лыжной палки протыкать отверстия. Так, ботинки готовы, натягиваю застёжки, и они обхватывают мои ступни, словно ловят их в мышеловку. Опёршись на палки, подпрыгиваю. Быстрее в дорогу, а то мороз уже пробирает.

Лыжня к станции «Рассвет» известна всем лыжникам города. Длина, по-моему, километров пятнадцать была. Спустя десятилетия, когда мне довелось прийти и найти эту поляну, увидел там большой микрорайон.

Сосны стояли как часовые, и, несмотря на темноту сверху, сиреневый снег втягивал меня в бесконечную даль. Это неопишное состояние мальчишеского счастья. Страх, конечно, присутствовал всегда, но его пересиливали любопытство и упрямый характер. Чтобы я признался, что трушу? Никогда!

Пар охватил моё румяное лицо. Маленькие подсосёнки и березняк, согнутые от тяжести снега, – как придворные, склонившие головы перед маленьким принцем. Принц в простом лыжном костюме только и думал, как разогнаться. На спусках, резко отталкиваясь палками, сгибаю колени и отдаюся потоку скорости. Дальше – новый подъём. Через километров десять лес начинает редеть и открывается ландшафт, белые дали, и вдалеке уже видны чёрные точки. Это домики станции. Но надо добежать, ведь стыдно останавливаться. И вот эти последние километры до железной дороги проходят по холмам, и спуски становятся очень крутыми.

Мне сегодня с лёгкой радостью видятся эти дали, как бы сошедшие с картин Питера Брейгеля. Вон лошадь с телегой у столба. Там, за домами, блестит лёд речки. А метрах в десяти – заколоченный домик. Мокрый и распаренный проношусь мимо, искоса поглядывая на охапки соломы, повалившуюся изгородь и провалившуюся крышу. Да, когда-то здесь был дом и уют.

Снег побелел, и по прихваченным холодом сугробам ветерок гоняет лёгкую позёмку. За следующим поворотом и спуском стояла та самая телега. Крупный жеребец с гривой цвета соломы жевал овёс. Он поймал меня огромным глазом, но жевать не перестал. Его копыта превратили снег в грязную жижу, куда примешались и его испражнения. Хозяин, видимо, запропастился. Конь бесстыдно выставил свой длинный член.

Я чуть сошёл с лыжни, чтобы почистить лыжи. Снег стал липнуть. Утро открыло голубое небо, и чем ближе была станция – тем теплее становилось в воздухе.

* * *

С этими красными лыжами у меня отдельные две истории. Они немного грустные, но важные.

Первая смена и первый урок – «физ-ра» – и, конечно, лыжный кросс на время. Мы с моим соседом и одноклассником идём через дворы привычным маршрутом. Ранцы за спиной, а лыжи, скреплённые бубликами лыжных палок, перекалываются из руки в руки как карабины, а то и вовсе на плече. Мы проходили мимо детского садика, за болтовнёй не заметили, как большая грузовая машина, ЗИЛ-самосвал, стала разворачиваться за нашей спиной и задом покатила на нас. Серёжка был на шаг впереди, а на меня машина наехала задним колесом и стала прижимать к сугробу, просто впечатала. Внезапная боль и крик. Серёга тоже орёт. Машина встала, и что там было – сразу не помню. Теперь я молчал, поскольку испытывал шок. Водитель выскочил из кабины, потом обратно, машина отползла, и я открыл глаза. Надо мной было испуганное лицо мужика.

Он что-то быстро говорил, а я ничего не слышал. Потом что-то было в голове... Холодная шапка была нахлобучена на голову, меня несли в кабину. Там какая-то тётка стала меня укладывать, а я как помешанный говорил: «Лыжи мои целы? Лыжи мои отдайте».

Серёга бросился бежать обратно домой.

Он колотил нашу дверь. Почему мама была в тот день дома – не помню. Наверно, был второй урок. Как только она открыла дверь, Серёга выпалил: «Тётя Рая, Марата машина задавила!».

Я был уже в травмпункте и мне накладывали гипс на ногу, когда мама появилась в больничных дверях, в одном платье, с распущенными волосами, и, увидев меня забинтованным, упала в обморок. Я пытаюсь вырваться от врачей и кричу: «Мама, всё нормально, мама!». Теперь врачи бросились к ней и стали приводить в чувство. Думаю, что она могла сойти с ума, пока бежала. Она сильно поседела в тот день. С гипсом я проходил месяц. И теперь, когда меняется погода, этот старый перелом ноет и кричит: «Лыжи мои, лыжи!».

Распрощался я с лыжами в пятом классе, когда папа решил возвращаться на родину. Это было весной, и мама сказала, чтобы я предложил своим друзьям коньки, клюшку... и любимые красные лыжи. До сих пор помню, как передавал их сопливному Ромке с первого этажа. Спустя время я приходил в свой подъезд и пытался найти дворовых пацанов, но судьба у них сложилась по-разному. О лыжах я так и не узнал.

Приехав в Махачкалу в 1980-м, я пожалел, что не оставил хотя бы клюшку. В ту пору в махачкалинских дворах ещё играли в хоккей и даже летом.

Зима, зима, стёкла замёрзшие и белый дым из труб. Сосульки свисают с крыш, а сосны всё такие же зелёные или рыжие, и в их пушистых ветках маленькие клесты работают, выковыривают своим скрещённым клювом семечки.

Иногда голодные лоси выходят на ближайшие опушки и к дороге в надежде найти еду. Жители любят этих сохатых и приносят к специальным кормушкам еду для лесных жителей.

Часто уроки природоведения проходили в лесу, где мы устанавливали такие кормушки. Помню, у всех были компасы, линейки, и мы схематически рисовали лес, поляны, речки, озёра, дома и норки обнаруженных грызунов, гнёзда птиц. Этот компас был со мной до студенческих лет. Получил его я именно за лыжную гонку в дни масленицы.

Да, это тоже было воскресным днём. Полгорода на лыжах, и я тоже накручивал круги. А народ гуляет, поёт, в шубах и валенках. На финише – столы с самоварами и свежими бубликами. Возле ДК «Восход» – обледелый столб, и мужики пытаются залезть, чтобы получить яркие женские сапоги. Морозец ещё тот, но так тепло, так жарко! От чая и бесконечного счастья.

Нам жалко было после Нового года выкидывать ёлочки, и потом мы собирали их и делали из их стволов что-то вроде клюшек. Верхушку сгибали где-то на длину 25 и перетягивали шпагатом. Длина клюшки была до подбородка. Такой самодел служил недолго, но было интересно, как он метал шайбы. А ёлочки искусственные были редкостью. Ну, разве только маленькие, сантиметров на тридцать. У маминной подруги тёти Нины Кваши муж привёз в 70-х из Италии всю посеребрённую, и мы просто глаз не могли отвести. Казалась произведением искусства.

Да, Новый год совсем скоро!

Республика Саха (Якутия)

Софрон Осипов

Сиэн Кынат

Анна Гоголева

Гофрон Осипов

АНТИГЕН

1

И жизнь дожать тебя не может, ну а ты
не в силах вырваться из собственной тщеты.

Ты в угол загнан. Но не в этом все же суть.
Другие этот угол родиной зовут.

2

Умей проигрывать. И так тебе капут.
Король ты или пешка, все равно – якут.

В твоей крови есть антиген такой, учти, –
не антигений, но почти.

3

Ты был кочевником, а стал, увы, запечником.
О чем с тобой базарить? Не о чем да незачем.

Спросите дервиша: куда ушли саха?
Ответит: в шкуры и в меха.

4

Ты мог бы родину воспеть, под стать другим.
Да будет гимн не более, чем мат, благим!

И сделают тебе другие хакакири.
Хоть хакакири – сам себе, а тут – другие.

5

Да хоть пошлют тебя!.. Изгнание не бедствие,
а, может быть, невольный повод к путешествию.

Что в современном мире значит ностальгия?
Непозволительная роскошь, дорогие.

6

Что жизнь и смерть на Севере? Пример простой –
два короля на шахматной доске пустой.

А этот угол? Коль Господь его придумал,
то через день забыл, зачем он, этот угол.

Чтоб никакая другая земля
не приютила меня напоследок,
держат мерзлотные недра меня,
каждого шага фиксируя слепок.

Иерихонская роза любви
вечной, в песках и камнях пустыни
жизни, даруй мне уколы твои
там, где, увы, не присутствую ныне.

Будет война –
будет пища
для воронья,
бог не взыщет.

Мы в ледяном
схороненье
станем зерном
во спасенье.

Будет весна –
будет слово
слаще вина
молодого.

Дай нам, земля,
без печали
жить не с нуля,
а сначала.

И эту роль я не для вас играю!
Вас тьмы и тьмы, и тьмою в свете прете.
И, как ни выбираю место с краю,
я остаюсь последним самураем
на линии огня в последнем доте.

И кто бы ни командовал парадом
из богоизбранных и богоносов,
в меня летят все пули и гранаты,
когда я вдруг выпаливаю «нате»
и «ху из ху» решаю без вопросов.

Зимняя лень. И дремота.
Лежбище в скопище тьмы.
Выкликни, коли охота,
мамонтов из мерзлоты.

Это же надо – со всеми
мифами адовых мест
всей кровеносной системой
вжиться в ледовый контекст.

Подарите еврею изгнание –
и получите с Нобелем гения.

Подарите русскому зону –
и родство вернете Ивану.

Подарите якуту свободу –
и житья никому не будет.

Сиэн Кынат

Словно упустил я нужных мне людей.
На закате солнца.
Добрых и любимых.
Медленно они прошествовали мимо
По зелёной радуге в окоём огней.
В качающую звезды колыбель вселенной
Ушли они, красивые, по солнечной золе...
И я один остался –
заложник или пленник –
на неизвестной, старой,
совсем пустой земле.
Ты так же от меня ушла, тревожно
и жестоко.

На закате солнца.
На исходе дня.
Откуда ждать сочувствия,
Стою я одиноко,
Как будто люди всей земли
покинули меня...

Моя весенняя радость:
В далёкий путь ручейка провожал
берестяную лодочку,
На чистом поле, где сеют пшеницу,
Я вместе с жаворонком пел одну песню.
Но среди этой радости на суку сидит
чёрный ворон,
Напоминая, что и весной бывает горе...

Ты – торжественный облик далёких веков,
Отзвук песен моих, уводящих в страну Олонхо.
Никуда не уйти. Я стою, околдован тобой,
Потому что твоей приворотной водою омыт.
Ты – река. Ты тиха после паводка, после весны.
Я – утёс, полный сил и желанья борьбы.
Никуда не уйти. Я стою, околдован тобой.
Будут снова врагами мне тёмные воды твои!
Но меня не ломает по новой весне ледоход.
Мы всегда будем вместе – река и утёс!
Разобьётся ли солнце в осколки на глади твоей,
Проклянёшь ли ты ночью меня навсегда –
Всё равно, ожидая твой яростный, злой ледоход,
Буду крепко стоять,
к испытаньям готовый утёс.

(Перевод Ростислава Филиппова)

Почему так плачут алые цветы?
Словно слёзы, капают с них капли дождевые...
На земле холодной, может быть, впервые
Так мне одиноко –
не явилась ты...
Монотонно так, без молнии и грома,
Дождь идёт. Под деревом горестно стою,
Вспоминаю наши встречи...
А ты, наверно, дома...
Ах, как долго дождь идёт на любовь мою.
Кто сейчас вокруг тебя?
Кто тебя уверил,
Что дожди всегда смывают память о былом?
Кто печальное число наших встреч отмерил?
Что случилось в нежном сердце, в сердце молодым?
Не пришла...
Над головою проплывает туча.
Уплывает.
А на смену – новая идёт...
К переменам этот мир сыздавна приучен.
Вот и на мою любовь дождь холодный льёт...

В тех краях, где в душе тишина,
Где любая надежда надёжна всегда –
Глаза так доверчиво смотрят в глаза.
Сквозь неправду и зло.
Сквозь сердца и года –
Глаза испытующе смотрят в глаза.
Как в холодном пространстве звезда – на звезду,
Словно судьбы стараясь свои разгадать,
Глаза недоверчиво смотрят в глаза.
И, стараясь предчувствовать отклик любви.
Долгожданной всегда, но нерадостной вдруг –
Глаза настороженно смотрят в глаза.

Ты – торжественный облик далёких веков,
Отзвук песен моих, уводящих в страну Олонхо.
Никуда не уйти. Я стою, околдован тобой,
Потому что твоей приворотной водою омыт.
Ты – река. Ты тиха после паводка, после весны.
Я – утёс, полный сил и желанья борьбы.
Никуда не уйти. Я стою, околдован тобой.
Будут снова врагами мне тёмные воды твои!
Но меня не ломает по новой весне ледоход.
Мы всегда будем вместе – река и утёс!
Разобьётся ли солнце в осколки на глади твоей,
Проклянёшь ли ты ночью меня навсегда –
Всё равно, ожидая твой яростный, злой ледоход,
Буду крепко стоять, к испытаньям готовый утёс.

Анна Гоголева

ДУХ ГОЛУБОГО ОГНЯ

Полночь. Какой тревожный сегодня свет луны! Она дышит, шепчет, зовет... Сон старого человека чуток, а теперь я совсем не могу уснуть... Этот свет знакомый, голубой. Не луны и звезд... Значит, настала пора... Давно я ждал этого часа. Наконец-то могу рассказать о нем.

Брат мой – шаман. Теперь я могу сказать об этом с гордостью. Но тогда, если б узнали, живьем сожрали, как духи – прожоры, – такая власть была, чуть ли не все срубала под корень. А я должен был выжить, чтобы поведать о нем. Дух его должен остаться здесь, на срединной земле, среди людей, ведь он всегда был с ними, в беде, болезнях, старался помочь во всем...

Бремя прожитого свалило меня, подобно медведю. В горести и тоске я ушел в тайгу, долгие годы жил один, как угрюмый лесной филин, даже семьей не обзавелся, – зачем давить людей своей тоской? Но даже лютые морозы отступают, когда приходит на то срок. И я вернулся – к людям. Поселился на отшибе в заброшенной юрте, прогнал поселившихся там духов запустения и уныния, разжег огонь в полуобвалившемся камельке... Да, люди были правы, что сперва смотрели на меня косо, человек не должен быть один. Долгое одиночество иссушает, съедает на корню, оставляя лишь черную горечь. Но теперь ко мне заходит Тот-той, внук старой Аленчи. Как – то я зашел в одну семью, живущую неподалеку, за спичками и у камелька увидел его. Он лежал на нарах, покрытых облезлой оленьей шкурой, и зачарованно смотрел на огонь. Тусклый свет его глаз говорил о болезни долгой и затяжной. И я принес ему сало медвежье. Пред тем я попросил духа медведя вместе с плотью, куском сала, передать недужному свой могучий бесстрашный дух. И Тоттой скоро поднялся. С тех он стал часто заходить ко мне. Теперь я тоже могу рассказать ему о брате.

В ночь, когда родился Уйбаан, бушевала метель, колючие вихри гуляли и в темной юрте. Это лютовал злобный завистливый дух. Он уже тогда пытался захватить еще не родившийся кут – душу брата, знал, верно, что с приходом его в срединный мир власть черная уменьшится. Мать сторала, но не отступила перед болью. Рожала в муках одна, звала мужа, ушедшего на охоту. Из последних сил взмолилась духу огня. Пламя едва тлело, камелек остывал. Но в отчаянном крике огонь взлетел, взметнувшись, вспыхнул. Искра против ветра прямо к матери устремилась. И бедняжка благополучно разрешилась. Но она долго не прожила. Черный дух тот не отступал, все мучил ее, требовал кут – душу моего брата. Мать отстояла его – собой пожертвовала, отдала взамен свое теплое дыхание.

В лунную ночь я люблю сидеть у ее могилы под светлой березой, что как лучина тихо горит на пригорке и шепчет, что надо смириться.

Суровы законы тайги. Духи даруют и духи отнимают. Они ненасытны, всегда требуют жертв. Но им не подвластны воля человека, его огненное сердце.

Мы остались одни, одни в таежной глухомани, среди волков, медведей, в угрюмых елях и соснах, стылых озерах, болотах, в камышах и корягах – логове таежных духов. Эти духи, милосердные и коварные, окружали нас, оберегали, порой жестоко учили. Их присутствие мы чуяли повсюду: в говоре огня и дыхании ветра, шепоте звезд и вздохах луны. Мы им поклонялись, старались не обидеть, доверяли как друзьям.

Отец наш был ловким, удачливым охотником. Он часто подолгу пропадал в тайге, никогда без добычи домой не возвращался. Мы же были еще малыми и не могли помогать ему в извечной борьбе за жизнь. Оставались одни, в тихой лачуге, едва пригодной для жилья. Но там нам было хорошо. Ведь здесь жила наша мать. Она слабеющими руками вырезала нам игрушки из дерева – зверей, корову. Кыстару, кормившую нас молоком, потом задрали волки. Она, оставшись, как мы, без матери, долго бродила неприкаянно вокруг жилища, тоскливо мычала бедняга. А потом исчезла. Отец, поседевший от горя, нашел ее возле болот. Говорили, что она сдохла, провалилась в яму, зацепившись за корягу. Нет, она умерла от тоски. Отец, потеряв мать, долго горевал, не ходил на охоту. Склонив седую голову, он сидел возле потухшего огня, весь погруженный в воспоминанья. А мы в угол забились на холодной лежанке, испуганно таращились на него. На подворье зловеще каркали вороны, черные тени бесшумно пробирались в дом, ветер злорадно хохотал за окном.

Однажды брат испуганно вскрикнул, очнувшись от тяжелого сна. Когтистую лапу увидел он – выставила когти, алчно тянется к нему. Он забился птицей, попавшей в силки. Тогда отец поднялся, точно отгоняя кого-то, стремительно вышел из юрты. Мне запомнилось его лицо, суровое, с надломленными морщинами, полное отчаянной решимости противостоять судьбе.

В тот вечер он принес домой медвежью лапу и много свежего мяса. Страшно усталый, но довольный, точно победил в схватке свирепого зверя. Он ничего не сказал нам об этом. Только руки его – жаркие, израненные, кровоточащие, что гордо подали нам медвежью лапу с грозно выставленными когтями, говорили о поединке, суровом и беспощадном. С тех пор эта лапа, как верная тень, всегда с нами. Защищала от болезней и бед, отгоняла злых духов, служила подушкой, когда мы, устав от игр, засыпали на полу в окружение игрушек – заячьих черепков, челюстей волка и рыси, согревала в холод, навевала сны, где мы были могучими и бесстрашными, как отец. С такой лапой, с такими игрушками мы не боялись злых

духов, похищающих детей. Я рычал, подражая медведю – играл, брат завывал совсем как волк. Причем вой был таким тоскливым, жалостливым, что становилось не по себе. В тот вечер голос его был особенно горьким, точно в нем отразилась вся тоска наша по ушедшей матери. Сдавило предчувствие. Мурашки по спине побежали. Вспомнил мать. Если б она сейчас была рядом! Я почувал, что скоро останусь один, один, надвигается нечто странное, грозное, что отдалит меня от брата. Вцепился в него. Вдруг в дверь кто-то властно постучал. В тайге всегда бывает это самое – «вдруг» – вдруг медведь, вдруг рысь или шальной охотник. Мы всегда были готовы к этому. Но теперь... «Не открывай», – прошептал я, одной рукой сжимая руку брата, другой лапу медведя. В сдавившей тишине прокаркал ворон. Огонь в камельке взметнулся, сердито затрещал. Брат выхватил из огня тлеющее полено, изготовился, лицо стало грозным, решительным, как тогда у отца перед схваткой. Снова раздался стук, да такой сильный, что земля с потолка посыпалась. Я оцепенел. А брат подскочил, решительно распахнул дверь. Там на середине двора, заросшего бурьяном, светился шар – голубой. Он колыхался, шипел, разбрызгивая искры – красные, зеленые, голубые, точно осколки радуги. При этом в глубине его вспыхивали странные образы – людей, зверей, птиц. Они плавно двигались по светящемуся кругу, в середине – жгучий огонь – пронзительное око, видит все, насквозь, и держит, не отпуская. Мы застыли. А он, точно изучив нас, разгорелся, засверкал и – прямо к нам! Я закричал, перепугался страшно. А брат заслонил меня и бросил в него полено. Что тут началось! Шар взорвался, разлетелся на тысячи сверкающих молний – заметались, завихрились огненные змеи, черные вихри, и мощный удар отшвырнул нас во тьму...

Очнулись мы у остывающего камелька, ноги были укрыты пеплом, голова, руки, ноги, все тело ныли, точно побил кто. А вокруг горький запах пожарища, паленой шерсти и ощущение тяжести. Брат, тихо вскрикнув, медленно поднялся. Бледный, глаза лихорадочно горят, смотрит, как слепой – прозревший и шепчет, шепчет:

– Брат, брат, ты видишь, слышишь?!

– Что, что?! – кричал я. Но он не слышит, бродит как во сне. Вдруг остановился, удивленно вскрикнул:

– Смотри! Смотри! Отец свалил матерого медведя! Одним выстрелом!

Я рассердился, затормозил его – чего разыгрывает?! Что все это значит?! Но он видел только то – другое. «У, медведь какой! Матерый зверина! Черный, с белым ошейником! Здорово! И такого одним выстрелом! Да, наш отец настоящий охотник! Какой сегодня будет ужин сэбэрин, похлебка из внутренностей! Жирный, жирный! Вкусный, вкусный!» Так и получилось. Вечером отец на трех вьючных оленях привез свежее мясо. Шкура медведя оказалась черной, с белым ошейником. Я ошарашено посмотрел на брата. Он ухмыльнулся, гордо вскинул голову. Я все, что произошло, рассказал отцу. Он выслушал молча, опустив седую голову. «Духи даруют и духи отнимают». Он еще хотел что-то сказать, но испытующе посмотрел на нас, подошел к огню. Выбрал самые лучшие куски, с мольбой преподнес и заговорил слова старинного заклинания. Я не разобрал слов, но мощная сила их захватила нас, точно подняла на крыльях. Пламя взвилось, зашипело, засверкало. Отец отшатнулся, глухо простонал, опустил на обрубленный ствол сосны. Брат молча сел рядом. «Не бойся, отец, я справлюсь», – проговорил он. Отец поднял к нему потемнелый взор:

– Духи всегда требуют жертв, ты знаешь это?

– Это не жертва – дар! – возбужденно ответил брат и начал рассказывать, что видит, что слышит. Отец остановил его одним жестом руки, приложенной к сердцу:

– Вот что наш дар, – ответил он и молча вышел. Больше об этом они ничего не говорили по молчаливому соглашению. И я, как ни старался – так хотел понять – не мог вызвать на откровенный разговор, не мог. Верно, тайна есть тайна, не многим доступна она.

Отец стал прислушиваться к словам брата, его советам. Брат укажет место охоты – идет туда и непременно домой с богатой добычей возвратится. Сытно было, мясо вдоволь, но не спокойно. Однажды к нам зашел молодой охотник. Рассказчик презанятный, шутки – прибаутки так и сыплет, истории, воспоминания разные. А брат молча смотрел куда-то. Я сказал ему, когда гость ушел:

– Ты чего, такого ведь в тайге не встретишь, редко бывает.

Брат покачал головой:

– Вот уж верно – редко. Страшный грех на нем. Душу загубил... из-за чего!

– Что?!

Брат сурово сдвинул брови:

– Он убил своего напарника недавно. На винчестер позарился.

Я обомлел.

– Труп закопал в лесу, под развилистым деревом. Еще недавно оно шумело, кипело соками жизни, а теперь умерло, засохло.

Такое преступление никому не вынести.

Мы подавленно молчали. В это трудно было поверить. «Да, – ответил брат. – Если б это было не так. Пойдемте, надо проверить».

Вечером мы вернулись домой удрученные. Под развилистым высохшим деревом, в неглубокой, недавно выкопанной яме мы нашли труп человека с перерезанным горлом. Хотели заявить об этом людям. Но брат возразил:

– Не стоит! Через три дня убийца сам повесится на этом дереве.

Несчастливого обнаружил отец на том же самом древе. С высунутым языком, выпученными глазами, скорченного, застылого в страшной муке.

Его похоронили рядом с жертвой, под тем несчастным засохшим деревом.

После того случая я понял, как возмужал брат. Он был старше меня всего на год, но рядом с ним я чувствовал себя кутенком, что слепо, беспомощно тыкается во тьме. А он был другой. Восход и закат горели в нем. Прозорливость старца, дарованная отроку, отягощала его. Устав от бремени, он начинал шумно играть, смеяться, заставлял игрушек бегать по земляному полу. Они, как живые, бодались, смешно подсказывали, переваливаясь с боку на бок. Вот смеху – то было!.. Как – то к нам заехала дальняя родственница, беременная. Она очень хотела сына, верного помощника, надежную опору. Брат пристально посмотрел на ее круглый живот и уверенно произнес:

– Увы, тетка, у тебя родится дочь. Но не унывай. Она будет удачливой, многодетной.

И правда, вскоре мы услышали, что наша родственница родила дочь. Девчурка росла пригожая, смешливая, работящая. Айысыт, милосердная богиня, наделила ее счастливой судьбой. Когда выросла – вышла замуж за богатого, доброго – родила ему крепких, здоровых, веселых ребятешек – семерых! Все они в довольстве и мире и ныне здравствуют.

Я стал побаиваться своего необычного брата. Он это заметил и сказал:

– Порой я сам себя боюсь. Человека вижу насквозь. Если он чем-то грешен – грех навсегда остается в душе его. Этот липкий темный туман – темный, холодный. Давит, гнетет, может поглотить, если человек не может и не хочет ему противостоять.

Все, что было, что сейчас происходит, что будет потом – вижу. Живые картины вокруг. Посмотрю на человека, и открывается судьба, тайные мысли, желания. Опытный охотник по следам на первом снегу определяет когда, какой зверь, куда пошел, я читаю судьбу человека по лицу, глазам, походке его. Думаешь, это доставляет мне удовольствие?.. Это сначала, а потом... Долго я думал об этом, и все предстало совсем в другом свете. Порой прихожу в ужас!.. Вчера я увидел, что осенью отец уйдет навсегда. На этот раз зверь окажется сильнее...

Жаль, что мы не можем противостоять законам природы. Осень подступила. В тот день, когда отец стал собираться на охоту, я повис на руке, молил – не уходи! Брат настаивал остаться, мы в голос просили его. Он грустно ответил:

– Я охотник, а не дичь, что отсиживается в опасность. Наша жизнь в схватке. Ваша мать знала это. Я виноват перед ней... Но что же делать. Былое не вернуть... Что бы ни случилось – помните – мы всегда с вами.

И он ушел в ночь, в холод и не вернулся... Мы нашли его далеко, в глухой тайге там, где сказал брат... Говорили, что его задрал раненый медведь... Нет, он сам ушел к матери, ведь всегда тосковал о ней, а в последние годы особенно.

Мы похоронили его рядом с матерью, под светлой березой. Там они смиренно лежат рядышком, тихо шепчутся в лунную ночь.

После смерти отца брат подолгу сидел возле огня, склонив тяжелую голову. Порой мне казалось, что это отец сидит у огня и говорит с ним, просит ответа. Огонь ободрял, утешал его, осыпал искрами, теплом. И вот брат поднялся и твердо сказал:

– Что ж, пришло время. Надо камланить.

– Что?! Тебе камланить?! Но ты едва старше меня. И шаманского куму, бубна нет. Да и вид у тебя, прямо скажем – не шаманский.

Он усмехнулся, пронзительно свистнул, поднял руки к небу и вдруг, прямо перед ним, с шумом, воем упал куму, шаманское облачение, как странная птица, по полу с грохотом покатился бубен. Я протер глаза и онемел. Нет – не сон! А брат, точно того и ждал, преспокойно облачился в куму, подхватил бубен – нет, он сам к нему прикатился! – и осторожно прикоснулся колотушкой к натянутой коже. Раздался тихий рокот. Брат прислушался и покачал головой:

– Нет. Видно, рано еще мне камланить. Совсем не знаю шаманские заклинания, ни слова. Да и бубен советует подождать, обучиться сперва.

– Кто ж тебя обучит?

– Те, кто избрали.

Вечером третьего дня раздался оглушительный стук. Лачуга затряслась. Мы переглянулись. Я вцепился в брата, просил не открывать. Но он решительно распахнул дверь. У порога жилища, в голубом мерцании стоял седовласый старец. Длинные космы, борода струились потоками лунного света, в испытующем взоре недвижимом, суровом колыхалось пламя, жгучее, темное. Брат, охнув, подался назад, и я услышал глухой голос, подобный рокоту бубна:

– Следуй за мной.

– Не ходи! – хотел крикнуть я, но не мог, неведомая сила сдавила. Брат, как во сне, двинулся за ним. Они исчезли в глухих дебрях, залитых лунным светом. Очнувшись, я бросился искать его. Задыхаясь среди корней, в глубине чащобы слышал отдаленный рокот – бубна, куму? – я бежал, бежал за ним и вот

очутился возле мрачного древа о трех развилинах. С корявого ствола его слетел седой ворон, он, завидев меня, точно усмехнулся. И этот знакомый испытующий взгляд! Где брат?!

Я увидел их в лунном свете, точно в воде, двигались плавно в странном танце, рокоте бубна или куму, тайги, зверей, птиц, звезд ночных – огне пристальных глаз, ветра, что прилетел с вершин суровых скал... Чего они ждали, кого? Что все это значит?! Но глас невидимого остановил меня, не позволил и приблизиться. И, спрятавшись за корягу, я мог лишь наблюдать. Мне позволено было присутствовать, ведь в жилах наших текла одна кровь. И я смотрел и смотрел. Старик вводил брата в странный мир, я старался понять, но когда мне приоткрывалось – налетал вихрь с насмешливым хохотом и погружал во тьму. В этом сне ли яви я слышал голос матери, она просила меня уйти. Но я не мог. Я следил за старцем, он – за мной. Один неверный взгляд, движение и он отдалял меня. Но я заметил, что по утрам он глотает угли или, хрустя, грызет их, от удовольствия аж глаза закрывает. Этот хруст и сейчас ясно слышу. Еще я понял, он боится воды! Даже утренняя роса бросала его в дрожь, точно обжигала. Жаль, что поблизости не было воды!.. На четвертый день я погрузился в глубокий, глубокий сон. Мне приснилась мать в лунном свете. Она провела теплой рукой по глазам и сон рассеялся. Я вскочил – брат, рядом! «Пойдем, – сказал он. – Старец ушел». Мы вернулись домой. Наконец-то. Но с тех пор брат сильно изменился. Руки его источали жар, я чуял издали. В глаза и не взглянешь – обжигали огнем. Сила обретенная сжигала его. Теперь он не мог не камланить. Пошла молва, что появился молодой шаман, не похожий на других шаманов. Из дальних мест к нему приходили больные, их надежды, упования сбывались. Люди уходили исцеленные. Камланил он по – своему. Пред таинством уходил в лес, устремлялся на вершину горы, поднимал руки к небу, склонялся и смиренно ждал. Тогда к нему птицами опускались бубен и куму. И вот появлялся уже в полном облачении – шаман в вихре яростной силы, в искрах красных, зеленых, голубых, изгоняющих страхи, болезни. Бесстрашный воин с нечистью, сын Голубого Огня!..

Однажды он сказал мне: «Думаешь, эту силу даровал мне старик, они?.. Нет. Это отец, мать. Без нее, этой искры, я ничего бы не смог. А они лишь раздули зажженное пламя» Он пронзительно свистнул, и в дом через узкую дверь с глухим рычаньем протиснулся огромный рыжий медведь. Огляделся по-хозяйски, угрожающе осерев клыки, понюхал угли, спокойно улегся на земляной пол и превратился в снежного лебедя. Вытянул шею, прошелся вперевалку по нарам, взмахнул широкими крылами, пронзительно крикнул и вылетел через дымоход! А на его месте оказалась большая черная лягушка с выпученными холодными глазами. Уставилась на меня, насмешливо подмигнула и обратилась в длинную пеструю змею. Обвилась вокруг матицы, заиграла всеми цветами радуги и исчезла! Я охнул. Брат, очутившись предо мной, грустно сказал: «Видишь, какие у меня обличья. Какое из них тебе больше нравится?» «Твое человеческое!» «Вот видишь. И я, блуждая в далеких мирах, хотел скорее вернуться. Ведь ты меня так ждал... Что я там только не видел!.. Но эта береза, охраняющая покой наших близких, дом наш с горящим камельком, родная душа рядом – что может быть удивительней!» «Так чего же ты?! Будь самим собой – человеком! Оставь все это! Ты свободен!» «Свободен?! – он покачал головой. – Я исполняю свой долг. В этом моя свобода. И когда призовут, должен следовать».

А я, что должен я? Быть рядом, братом шамана. Но тогда я решил не отставать – желторотый юнец! – слава его ослепила меня: в благодарность люди одаривали его, чем могли. И я возомнил: стану охотником, самым, самым! Пропадал в лесу, в раж вошел, чуть ли не всю живность в лесу не перевел. Как-то гонялся за лосем. А он – только приблизюсь – уходит, исчезает в деревьях. Как я разозлился! Плюнул, домой вернулся. Вдруг лось этот сам приходит. Сажу у порога, ружье отшвырнул. И он! Здоровенный, шерсть лоснится, белые чулки на ногах. Рога широченные, развесистые, целое дерево! Отростки блестят, как хорошо обточенный нож! Я протер глаза, схватился за берданку. Хорошо, брат вовремя остановил: «Не смей! Это дух нашего отца!»

«Что?!» «Да! В лосином обличье. Это наш отец в другом перерождении!» Я всмотрелся – отец! Ух, как он посмотрел! Точно вся тоска осенней ночи застыла. Горечь и укор. Отец, отец! Он опустил тяжелую голову и молча ушел в родную тайгу.

С тех пор я перестал охотиться на лося, не мог даже смотреть на лосиное мясо. В каждом чудился отец.

Тогда ночью мне приснился странный сон. Я лежал на медвежьей шкуре, возле остывающего огня. Бесшумно приблизился тот самый лось. Он сказал – голос, голос отца! – сынок, сынок, чуть не убил меня. Себя чуть не погубил!.. Благодаренье Ему, что не позволил совершить страшный грех!.. Во всех зверях, птицах, даже в старых деревьях живут духи бывших людей. Поэтому беспощадно убивать зверей, птиц, рубить деревья – грешно! Это равносильно убийству. Пойми это. Пока живой – твори только добро! Тогда могущественный Белый Тойон вознаградит тебя.

– Но я же охотник! Как же могу жить без добычи?

– Охотников могущественный Белый Тойон прощает. Они никогда без нужды не проливают кровь.

Этот сон в моем сердце остался на всю жизнь. Только крайняя нужда заставляет меня идти в лес за добычей...

Шли годы, слава о нем росла, долетела до самых глухих дебрей. Но пришла беда. Налетел черный вихрь перемен, принес страдания, скорбь. Где-то далеко, в большом русском городе свергли царя, установили новую власть – бунтарей большевиков. Загрохотали и в тайге слова «революция», «большевики». Заглушая

стон и крик. Свобода, равенство, братство?! Нет – рабство, кровь и ненависть. Забесновался, взлютовал злой дух, точно дождался своего часа. Железный век настал, век жестокости, всеобщего греха. Зло всегда порождает зло. Вспыхнула гражданская война. Дух вражды, ненависти захватил людей. Красные, белые?! Нет, они стали черными, возненавидели, вгрызлись друг в друга. Не было предела злодейству, убивали, резали, мучили друг друга. Попавших в плен красных озверевшие белые пытали с особенным наслаждением. Распарывали животы, живьем сдирали кожу, кишки завязывали узлом, кричащих, истекающих кровью несчастных бросали в костры и хохотали, глядя на их мученья!.. Красные в отместку расстреливал белых без суда, как бешеных собак. И это называлось классовой борьбой! Грызня бешеных волков!

Люди, люди, отчего потеряли вы все человеческое?! Тайга, что шумела, звенела – даруя жизнь – содрогнулась, потрясенная, застонала от горя, деревья плакали стоя. Разве можно вспоминать это без содрогания!.. Однажды к нам забрели белые. Обычные якутские парни, что когда – то ходили на охоту, строили юрты, косили сено. Но теперь кровь пролитая обратила их в покорных злой воле оборотней. Тойон подскочил к брату, вперил бегающий взгляд и заревел:

«Ты шаман?! Ты?! Что – то не видно!» Брат молчал. Тот рявкнул: «А докажи! Скажи, что будет! Да смотри, коль обманешь!» – погрозил ружьем. Брат усмехнулся. В глазах его вспыхнул огонь. «Судьба твоя не завидна, но не так плоха. Банду твою скоро разобьют красные и ты через два года убежишь в Японию. Там женишься на японке. Она родит тебе сына. Он будет удачлив. Закончит высшее военное училище и станет работать в Японии, в Тихоокеанском морском флоте. Но грех, содеянный тобой, падет и на него. Он и вся его семья погибнет в городе Нагасаки от взрыва бомбы. Еще одно страшное оружие! Злой дух изобретателей в пагубных средствах. Но разгул остановят. Всему когда – то приходит конец!..» Тойон побледнел: «Откуда у тебя такие слова – «Япония», «Тихоокеанский флот», «город Нагасаки»? Скажи мне, шаман!»

– Сыну Голубого Огня ведомо многое.

– Чего?! – тойон подскочил, но тут же отпрянул, точно обжегся. Над головой брата яростно засверкали голубые искры! Белые, разинув рты, подались назад и поспешно убрались.

На другой день, гоняясь за белыми, к нам ворвались красные. В странных островерхих шапках, будто верши на головы натянули, а посередине звезда красная, пятиконечная. Глава их, со шрамом над левой бровью, завопил: – Ты кто? Красный или белый? Брат невозмутимо ответил:

– Не красный и не белый – шаман.

Тот разозлился.

– Ах, шаман! Настоящий?! Значит, ты – враг советской власти. Советская власть не любит шаманов. Все они обманщики. Народ темный, а вы пользуетесь этим. Вы чего народ обманываете, а? За это всех шаманов вешать надо! И тебе – пулю и весь разговор. А ну, собирайся к своим предкам!

Я оцепенел. А брат... Гнев разгорался в нем, в каждом движении, взгляде, внешне невозмутимом, разгоралась яростная сила. Мне стало жаль их. Брат вышел. Я прильнул к окну. Он стоял на середине двора и смотрел на небо. А лицо!.. Я не мог смотреть. Тойон красных – жалкий слепец – прицелился. Острый взгляд вспыхнул. И вдруг! Крик ужаса. Вспышка! Ослепительный сноп! Брат! Брат!.. Он раздвоился! Двое – трое – вот уже – семь! Тойон всхлипнул, попятился и ну палить!.. Не попал! Ни разу! Куда тебе до него! Сына Голубого Огня! Искры разгорались, опаляли, жгли! Красные заматались, завопили. Что тут началось! Один догадался, заслонил лицо, кинулся к тойону, схватил его и потащил за собой. Тот глаза вытаращил, наганом размахивает, обезумел вконец! Челюсть обвисла со страху. Но он – подлюка! – обернулся и попал – таки в своего коня. Бедняга вздыбился, закричал от ужаса, боли. А тех и след простыл. Черный дым один. Брат подошел к бедняге, тот на бок повалился, глаза закатил, стонет, рана зияет. Брат поплевал на ладонь, руку к ране приложил. Кровь и не сочится! А конь поднял голову, вскочил как ни в чем не бывало и за своими! Я не поверил своим глазам!.. Едва они убрались, все стихло. А брат помахал мне и заговорщицки подмигнул. Ух!.. Я возликовал: конь, посланец божества, благодатного Джесегея, покровителя наших братьев меньших, стремительно мчался по дороге – земли, неба – точно стрела, пущенная исцеляющей рукой, стрела – предостереженье, стрела – мира: люди, опомнитесь! Люди, остановитесь!

Конь, друг наш верный, посланец богов, не раз спасавший в голод, холод, лютую стужу, черные дни уныния, беспросветного отчаяния. Тебя услышат люди, потомки великого Айыы Тойона, животворного солнца, зажегшего жизнь на срединной земле!..

Брат посмотрел на меня. Я понял, что он хотел сказать. Я тоже верил, что это свершится. Такое не может долго продолжаться. После заката всегда приходит рассвет...

Кюна звали ее. Она пришла, когда зверь отступил. Его глухое рычанье еще слышалось вдали, но власть его обрушилась. Тайга зализывала раны. Люди, изнемогшие от смерти, возвращались к жизни. Все набирало утраченную силу. Каждое дерево – обломанное, изъеденное, искалеченное жадно тянулось к проглянувшему солнцу. Люди отошальные, почернелые, выживали каждый как мог. Ели заболонь, ростки с каплями живительной влаги. А она цвела, дар богини Айысыыт стойкий, ей не страшны духи разрушенья!.. Кюна, Кюна, пусть и впредь не коснутся тебя черные вихри, не источат годы, немощная старость. Брат, когда увидел ее, забыл и свое камланье, и меня, и сны, что уводили его в лунные ночи в глухие дебри. Теперь водила она – днем, ночью. По неведомым дотоле тропинкам, дорогам, он постигал эти тайны жадно, ненасытно. Но пламя сгорает быстро. Огонь с огнем столкнутся – гасят друг друга. Терпенья бы больше,

пониманья, уменя прощать. И сны стали бы явью, бесплодные грезы – жизнью!.. Но нет, все надо – сейчас. Тогда я судил, но теперь, как никогда, осознаю: настоящее должно быть сейчас, потом оно станет былым, и завтра не будет. И сны не помогут, потому что это всего лишь сны, они исчезают с рассветом... Длиннокосое племя, охраняемое благодатной Айысыыт, светлого божества, что хранит очаг! Да, вы созданы для того, чтобы рожать детей, беречь огонь в доме, детей, мужа. Какой великий удел! И вы в своем утверждении этого правы, как права жизнь, вечно стремительная река, что сметая все страхи, сомненья, преграды сбрасывает лед и устремляется к бушующему океану. В гуле обступающих голосов я слышу родные. Они сплетаются, заглушают друг друга и вот расходятся, блуждают во тьме и вновь устремляются друг к другу, но не могут... Самое тяжелое – борьба с самим собой.

– Я шаман, пойми.

– Ты человек.

– Мой удел иной. Я должен следовать. То, что ты хочешь, невозможно, буду плохим отцом, мужем, а уж шаманом... Слишком большая плата.

– Ты просто боишься! Трудностей, меня, быть самим собой наконец. Не бойся, я тебе помогу.

– Нет. Мужчина все должен делать сам. И я никогда ничего не боюсь!

– Что ж, не могу я тебя принуждать... Но ты ошибаешься, великий шаман. Мне жаль тебя, ох, как жаль!

– Подожди, не спеши, дай мне время.

– Время уходит, как песок, но что от этого изменится...

Она уходила.

– Подожди! – крикнул он. – Подожди!

Она уходила, он догнал ее, сорвал с себя оберег, силой надел на нее. Она рассмеялась, раненой птицей закричала. И ушла, как уходит рассвет, растворяется в бушующем свете дневном.

Через несколько дней черная весть долетела. Кюна, солнце наше, чуть не закатилось. В лесу бродила, боль свою унимала в слезах и жалобах деревьям, травам, птицам вольным. И вот попался же бродяга, и в тайге такие встречаются! – оборотень черный! – не пощадил, зверем набросился. Но ее не сломишь, изо всех сил сопротивлялась. В ярости бандит выхватил нож, ударил прямо в сердце! Но смертельное острие попало в коготь. Благодаренье оберегу! Она потом уверяла, что когти те звериной лапой бросились на насильника. Тот выронил нож, ошеломленный, и убежал.

Брат, брат, зачем ты старался забыть ее!.. Старался, но она была повсюду: в шепоте берега и вздохах луны, в пенье птиц на рассвете.

Я спрятал талисман, что прислала она, когда родился ее долгожданный первенец. Он погружался в камлание, но искры красные, зеленые, голубые уже не появлялись. Не зажигалось вдохновение. Тоска съела. Огонь угасал. В глазах застыла горечь, вопрошающе, с мольбой смотрели на небо. Но оно молчало.

Однажды он ушел в тайгу, вернулся лишь с рассветом. Седой, но просветленный. «Больше не пропадай так долго!» Он опустился у догорающего огня. «Теперь тебе надо смириться». «Нет, не уходи, сейчас, в такое время!» «Самое тяжелое уже позади. Власть на крови недолговечна. Только семьдесят лет просуществоует, а потом сгниет изнутри, развалится, как трухлявое дерево».

Но сколько бед она натворила за это короткое время! Окаянная! Подрубила на корню многих, всех шаманов объявила обманщиками, одних расстреляла, других сослала, отняла все права, запретила даже камлать. А шаман, который не может камлать, или сходит с ума, или кончает самоубийством.

Но среди них попадают оборотни, ловкачи. Некоторые добровольно пошли на службу к новой власти, приспособились к железным порядкам. К чему говорить о таких!.. В ту ночь снова раздался стук – требовательный, властный. Я вздрогнул. Брат спокойно наклонился, подбросил веток в огонь. В стылой ночи глухо прокаркал ворон – трижды. Он вскинул голову, как отец перед схваткой, и я увидел знакомый решительный огонь: «Что ж». Я вцепился в него. «Не бойся, брат. Я ведь сын Голубого Огня...» «А я! Как буду один?!» «Мужайся, брат. Не забывай никогда, что сказал нам отец: мы всегда будем с тобой... А сейчас мне надо уйти. Но я не исполнил свое назначение. Значит, когда придет срок – снова вернусь. И ты не оплакивай меня. Постели медвежьей шкуру. В полночь она согреет меня. Могучий дух медведя придаст силы, и я смогу... Похорони в нашем доме, не бойся. Пусть эта юрта, дом наш будет мне могильным срубом. Посади здесь девять молодых осин, четыре по углам, а пять посередине, у камелька. Заколоти дверь и иди к людям. Помни о нас». – «Брат, брат!» – «И сын Голубого Огня!» Он крепко обнял меня и исчез. Я, ослепший, в отчаянье бросился его искать... И нашел в юрте, в нашем доме. Он тихо лежал на медвежьей шкуре. Она вся светилась. А лицо... было покойно, точно погрузился в глубокий, глубокий сон... Где он сейчас, в каких снах, мирах блуждает... Когда вернется... Что ж, мы в краю долгих, стылых ночей умеем ждать... Одна рука его вытянута, сжата, точно опиралась на что-то, другая приложена к сердцу... Да, отец был прав... Я сглотнул горький комок...

Заколотил дверь нашей юрты, долго смотрел на небо. «Будь с людьми на земле и смотри на небо. Вся мудрость даруется небом. Кто не молится Небу – самый несчастный человек».

Прошло много лун. Недавно я посетил родные места. Там, где мы жили, прошел большой пожар. Говорили: полыхало яро – искры красные, зеленые, голубые. Ничего не осталось. Только девять стройных осин. Они радостно зашелестели, точно узнали меня. Я низко им поклонился.

Республика Хакасия

Геннадий Маерков

Татьяна Зырянова

Евгений Толмачёв

Геннадий Маерков

Друзья черноголовые
Собрались у костра,
Плясать и петь готовые,
В свой круг сманив меня.

Танцуй, пой, чернобровая,
На косах диск луны,
Сапожки сшиты новые,
Цветасты и легки.

На плечах плат узорчатый
На груди пого.
Тебя ли мне порочили,
Друг, выбери кого.

Оттопали, прохлопали,
Умчались в неба ширь
Иль затерялись в поле,
Забыв меня и мир.

И журавлями серыми,
Собравшись в длинный клин,
Ночлеги метят перьями,
Упавших из седин.

Летят путями торными,
Свернув с тропы вчера.
И за друзьями гордыми,
Пожалуй, мне пора.

Луна щекой к кургану прислонилась,
Касаясь трещин, вековых морщин,
Им оказав и честь, и жалость, милость,
Чтоб не терялись средь холмов, долин.

Чтоб передать курганы утром Солнцу,
Тысячелетия так плавно шли.
И я увижу вновь из светлого оконца
Сакральный знак родной своей земли.

Луна щекой к кургану прислонилась,
Касаясь трещин, вековых морщин,
Им оказав и честь, и жалость, милость,
Чтоб не терялись средь холмов, долин.

Чтоб передать курганы утром Солнцу,
Тысячелетия так плавно шли.
И я увижу вновь из светлого оконца
Сакральный знак родной своей земли.

Татьяна Зырянова

я плету браслеты ожиданий,
я нанизываю нитки серых дней...
я танцую – бритвенные грани
твоих взглядов режут все сильнее...
бесконечные походы за улыбкой,
в миллиметрах от руки растает кисть
и дыхания теплота твоя так зыбка...
и летящая походка... обернись...

А небо танцует танго...
Танцует небо фокстрот...
И рвутся в кистях фаланги,
И ярость в ногах поёт...
А небо танцует джигу...
А небо танцует вальс...
Швыряюсь собой... не крикну.
Пусть кружит. Пусть рушит. Всласть
Со мной протанцует воля...
И тонко, и звонко, вдруг,
Последней плеснув острой солью,
У сердца закончится стук...

Жду тебя. Половину жизни.
Жду, не веря. Не зная. Таясь.
То справляю мечте тихо тризну,
То взмываю, себя не боясь...
Тихо льются признания речи,
Голубеют в глазах белки...
И озябшие тонкие плечи
Прячу в бархат немой тоски...
Как рубаху вплечь не стряхнуть...
Ты в крови моей солью исходишь...
Ты – и воздух, и обруч на грудь...

Хрусткий лед... каблуками – стремительно...
кружит ночь, безымянная стынь...
где-то плачут... молчат обвинительно...
где-то спорят... рассветная синь...
а под веками, в тайне ресниц
тонкий, белый песок диких снов...
пепел крыльев отчаянных птиц
от пожара неправильных слов...

Я шатаюсь по городу, пью и дерусь,
Я на прочность – в перила – кулак...
Я не знаю, когда, но тебе я приснюсь...
Я не знаю, когда, но я знаю как...

Евгений Толмачёв

СВИДАНИЕ

Не ведая стыда, ночью, сама ко мне,
Ветренница-дева, как гость пришла...
На глубокий сон мой свой платок стелила,
Балуясь, (меня) со сна будила...
В (мои) уши она шептала нежные слова,
(Мои) губы дева гладила утренней прохладой.
Черной ночью (она) гостила, темные сны (мои)
Богородской травой она спешно гнала.
Широкий стол из разных яств соорудила,
Свечу и пьянящий нектар она водрузила.
Чистое белье, трепещущие одежды,
Соблазняя, неспешно с себя сняла...
Ночью мне она дарила волнующие кровь –
Ласку рук, горячность губ, покатошь плеч, нежность груди,
Щекотливость черного шёлка волос...
И еще, как вторение капли, свое дыхание...
Вот так прошло свидание с девой.
До сих пор тепла постель, кипение крови...
Ее следы теперь марают строчками листы...
В эту деву-блудницу воплощалась моя муза.

РАЗГОВОР С БЕДОЙ

Ты опять из туманной мглы приходишь
Заранее зааркавив утлую душу мою.
Опять ты тянешь душу мою в омут тоски
Одним лишь вопросом: «Где ты, сынок?»...
Я здесь на этом свете!
Вон, впереди горит моя звезда!
Но не тяни, к здоровому, руки
И не зови печаль к сотоварищам моим!
Если я виноват, пусть грызет,
Громит, обнажает моё жилье.
Но не умрет у разгильдяя его чертовщина,
Пусть кипит она в неугасимом казане!..
Нет, он не пройдет свой путь, не споткнувшись.
Нет, он не переплывет эту реку, не хлебнув воды.
Нет, не тяни для помощи рук.
Нет не зови печаль на сотоварищей моих!
Этой дороги хвост еще не отпал,
Я свой долг еще внуку не отдал,
Этим я жив и буду жить,
Не ожидая тебя, разгильдяя!..

Курская область

Александр Бубнов

Надежда Жукова

Наталья Терехова

Анатолий Афанасьев

Геннадий Александров

Александр Бубнов

ПОЭТ

Буквально
бытие от быта отличая,
отчёт-отлёт
откладывая на потом,
ныряет жизнь во тьму,
день светлый отмеча –
зачёркивая каждый день крестом.

Ну не крестом,
так крестиком наденным,
найдённым-найденным
на перекрёстке строк,
корней дерев,
высоких крон нетленных,
пропаханных
и проклятых
дорог...

Иду,
ищу
и вопрошаю: «Где Ты?!».
И проволоку волоку вдоль стен...
И проволокой
делаю отметы...
И падаю...
И восстаю с колен...

Плоды
неясных сумрачных свечений,
плоды
попыток высказаться вкрик –
кресты
отбрасывают муторные тени
на стенах лагерных
и стенах городских...

Вершин свершений крест
и крест ограничений,
стенной неуловимый
крест светотеней...
Свечений,
отсечений
и пересечений
кресты
России –
Родины моей...

Вся музыка есть Апропо –
на нотах – на тонкой струне –
Аз есмь, ибо мыслю и Бо...
Вселенная ибо
во мне.

Надежда Жукова

Я СЧАСТЛИВА ЗДЕСЬ

Летящей листвы половецкие пляски,
И таинство хрупких прозрачных ночей.
Понять не пытаюсь, то явь или сказка,
Брожу средь берёзовых тонких свечей.

Ветров карусель потихоньку кружится,
И тонко звенит паутиночки нить.
С небес благодать золотая струится,
И воздух так сладок, что хочется пить.

О. край милый сердцу! Тобой я люблюю,
Тобою дышу, о тебе я пишу.
С ветрами сентябрьскими жарко целуюсь,
И с Сеймом опять на свиданье спешу.

Зачем мне заморские дальние страны,
Коль сердце о Родине сладко щемит?
Мой самый заветный, мой самый желанный
Весь в белых церквях, городочек стоит.

За городом роща, за городом поле,
За городом ширь во четыре конца.
Душа замирает от сладостной боли.
И радость улыбки не сходит с лица.

Я счастлива здесь. Мне легко и спокойно.
Тук-тук молоточек стучит в мою грудь.
Серебряный звон с голубой колокольни
Всегда указывает мне правильный путь.

Я СЧАСТЛИВА ЗДЕСЬ

Лицом к лицу с тобой столкнулись,
И из-под ног земля ушла.
Как от удара, пошатнулась,
И вскрикнула, и замерла.

А думала, что отболела,
И верила. Что навсегда.
Лицо мгновенно заалело,
А ведь не виделись года!

И улыбаюсь я натужно,
Хоть в голос хочется завывать.
...Прожить ещё три жизни нужно,
Чтоб, наконец, тебя забыть...

Жизнь, словно старое кино –
Финал заранее известен.
И хоть сюжет и интересен,
Но всё равно, но всё равно,
Финал заранее известен...

Наталья Терехова

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ

Не гляди назад, не гляди:
Там времянки, балки, бараки
И камней диковинных знаки
Размывают слепые дожди

Лысый Ферсман живея живых
В зёрнах медного купороса,
Да под низким окном берёза
Вся в ранениях ножевых.

Я рискуя застыть столбом
В соляной бессмысленной горстке;
Обернулась на перекрёстке –
В белом пламени отчий дом.

Как реликтовая змея,
Прикусившая в спешке жало,
Отползаю от стен вокзала,
Муравейника бытия.

Так гори горизонт, гори!
Перечёркивая засечки,
Обрывая календари...

Я согрею руки у печки.
Поплотнее дверь затвори.

ЯКУТИИ

Пол-царства -за распадок дальний
За перекрученные струи
Воды-
Живительной, хрустальной,
За ледяные поцелуи
Тумана от реки молочной...
За сон,
К утру такой непрочный...
Пол-жизни глянцево-стеклянной
За тот распадок безымянный.

Благословен сентябрь. Когда
Наполнен воздух томной позолотой,
И мёдом,и дыханьем пряных трав,
И пьяные шмели садятся иногда
На книгу,и взлетают с неохотой,
На тучных нивах силы растеряв.
И хочется нырнуть в стога,
Как в молоко от матери-земли;
От корневищ, от самых средостений.
И впитывать, и плыть, толкаясь в берега-
Пока в самом ростки не проросли-
Душистый взвар неведомых растений.
Благословен сентябрь...

Анатолий Афанасьев

Тёмный – слева, светлый – справа, –
Мира бренного устой.
В бубен бухает лукавый,
Бубенец звенит святой.

Шаг за шагом, круг за кругом, –
Снизу – гул, а сверху – звон.
Кто окажет мне услугу,
Растолкует странный сон?..

Я без денег и без славы...
«Но зато и без тоски!..»
Хорошо мне, Боже Правый!
Подхватили, трут виски;

Тёмный – слева, светлый – справа.
Снизу – гул, а сверху – звон.
Хорошо мне, Боже Правый!
Хорошо со всех сторон!

Когда по улице пустынной,
По ендовищу вдоль пролётшей,
Для одинокого не длинной,
Как выдох воздуха из лёгких.

Когда в ночи, сырой и хладной,
Нет ничего невзгоды кроме,
Как соблазнительно-отрадно
Сияет свет в снесённом доме.

И слыша голоса родные,
Ушедший быт припоминая,
Готов ты прошлому земные
Поклоны класть, в тоске стеная.

И, видя склон над скатом крыши
Горы, с которой мог кататься
Часами в детстве ты... и выше
Всё с каждым разом забираться,

И с чувством столь необъяснимым,
Сколь и печально неизбывным,
Провидеть свет неугасимый
В конце той улицы пустынной.

...Он шёл, куда ведёт дорога, забыв про боль в груди.
Большая чёрная собака бежала впереди.
И поступь зверя, вскрики птицы, та свежесть от реки
В нём что-то зыбкое будили, рассудку вопреки...

Геннадий Александров ЗАБЫТЫЙ КРАЙ – РОДИНА...

1

Налево! – крикнул полковник Данилов, старческим фальцетом перекрывая лязг «Белоруса» с прицепом и указывая путь рукой. Повинуясь команде человека с седыми воинственными усами, трактор рыкнул, громыкнул суставами и свернул с трассы в дикое поле.

На указателе с названием селения торчал притянутый болтом к трубе обрывок жести с непотребным словом «...евка». А дальше – ни дороги, ни пути, одно лишь направление по вздыбленному морю разнотравья.

«Белорус» замер, источая зыбкий зной, пропитанный соляркой. Из кабины выпрыгнул резвый, как чертенок, перепачканный мазутом паренек. Он подбежал к Данилову, стоявшему возле выдавших виды «Жигулей».

– Куда везти? – спросил тракторист, вытирая пот из-под цыганских кудрей какой-то ветошью. Полковник не спешил с ответом. Он цепко всматривался в парня, будто отправлял его в разведку. Подумав, что дед глуховат, парень крикнул:

– Ну, и где ваша Фандеевка? Куда везти каменюгу?

И кивнул на застывший в прицепе громадный кварцит-монолит.

Старик усмехнулся морщинкой у рта.

– Не служил, – сказал он. – Обратиться не можешь.

– А как? – не смутившись, спросил паренек. – Отец? Или папаша? А, может, товарищ полковник?

– Для отца я тебе староват. Папашу ищи на кичмане. Полковник – для армии. Так что – Василий Васильич.

– Ага, – кивнул парень. – А я – Димон.

– Французик? Ален, что ли, Делон? – хмыкнул старик.

– Да ну! Я русский. Димка, можно – Митька...

– Тогда и представляйся по-русски – Димитрий. А то навдумали кличек, как у кобелей: Тарзан, Жасмин, Билан... Димон!

– Билан – фамилия, – поправил паренек, но полковник не дал ему противоречить, приказал:

– Взберись на камень и увидишь путь – там след остался.

Парень прыгнул через борт прицепа и, цепляясь за уступчики, влез на глыбу. С ее высоты поле казалось безбрежным, и что-то тревожное нахлынуло в сердце Димки: вдруг заедешь в такие края, откуда возврата не жди. Поле пело: жужжанием пчел, гуденьем шмелей, ворчаньем оводов, цокотом кузнечиков, трелями жаворонков. Парнишка увидел себя парящим над этим нетронутым миром, и его руки раскинулись в стороны, чтобы объять простор.

– Видишь, в двух километрах березовый гай? И левее – взгорок с садами? – как наводчик, подсказывал снизу полковник. – Там должен быть путь.

И Димка различил контур старой дороги: трава там росла чуть пониже, чем всюду.

– Я не смогу ехать первым: «Жигуль» не «Урал», – сказал ветеран.

– Доедем, отец, не волнуйся! – воскликнул парнишка.

Подминая под себя цветы и травы, «Белорус» нащупал колею и двинулся уверенно, солидно, будто потащил посеребренные от пахоты плуги. Полковничьи «Жигули» пробирались за ним по траве, задраенные от оводов и мух. Мысли Данилова ушли в Фандеевку, он волновался:

– Соберет Никитин мужиков? Мало их осталось...

А чуть позже:

– Эх, как бы не набрались ребята от безделья...

И только сведущий мог знать, о чем переживал полковник.

2

Пять лет назад Данилов прибыл в родной край из заграницы – из Киева. Тогда с ним была «любезнейшая Анна Николаевна», как он величал жену в письмах. День стоял сентябрьский, солнце соперничало с моросящим дождем. Ехать по грунту сквозь заросли было опасно, и полковнику пришлось оставить «Жигули» возле трассы. Кусок жести с обрывком «...евка» очень расстроил старика: и это всё, что осталось от его Фандеевки?! Он хотел монтировкой сбить жестянку, но Анна Николаевна не дала.

– Ты же, Вася, не погромщик, – урезонила она. – Приедем в Дмитровец, зайдем в администрацию, расскажешь всё – и «...евку» уберут.

– Не уберут, а сделают новый указатель. Я добыюсь! – сказал полковник, словно отрубил.

Оставив жену в машине, он взял из багажника плащ-палатку, надел ее и пошагал сквозь высокие травы к садам на пологом взгорке. В последний приезд Данилова, накануне развала страны Советов, там пестрели лоскутами на пышной зелени три домика Поповки, а еще раньше, до хрущевских гонений на церковь, высился храм Рождества Пресвятой Богородицы. Сейчас ни стен, ни крыш не было видно. С Поповкинского взгорка село виделось полностью. Оно возлежало по обе стороны ручья Фандея: полсотни домиков, сарайчиков в раскряях огородов и садов... И сейчас, всходя на самый верх, старик подумал: вдруг то, что ему написали о смерти села, не совсем правда, и еще есть дворы, и в них кто-то живет. Ему вспомнилось отрадное чувство, возникавшее лютый зимой, когда он приближался по заметы к родному селу и из-за вью-

ги не видел домов, и вдруг лицо ласкала теплая волна с запахами дымка, навоза и еще чего-то, чего нельзя высказать – родиной пахло.

От Поповки остались только яблони. Их сучья высыхали, шелушились и мертвенно торчали из листвы, как мощи. И все же кое-где светились спелые плоды. Добраться до них было трудно: словно мстя людям за предательство, деревья окружили себя редутами из сухого бурьяна, будылистом крапивы и ядовитого борщевика.

Одно из яблок было восхитительным: желто-красное, налитое, оно едва держалось на тонкой плодоножке, оттягивая старую, почти безлистую ветвь – так позднее дитя, готовое покинуть материнский кров, и жаждет, и боится этого. Полковник Данилов залюбовался им и пожалел, что при малейшем ветерке яблоко сорвется в омут трав и, разбившись, будет гнить там, никого не одарив шипучим соком. Он кинул взгляд на кое-где уцелевшие столбики изгороди, надеясь, что хозяева перед отъездом воткнули в них или ненужный старый серп, или хотя бы ржавую скобу. Уж он бы смог тогда пробраться сквозь редут, как проходил, бывало, джунгли во Вьетнаме, орудуя солдатским тесаком. Но только гвозди, ржавые и черные, как черви, прилипли к покосившимся столбам.

С тяжелым чувством Василий Васильевич покинул одичавший сад. Он вышел к месту, где стояла церковь. От фундамента остался каменный круг. Полковник вошел в него, и ему представились дороги, ведущие к храму. Он вспомнил, как ходил сюда с бабушкой в праздники, как они кланялись серым камням, под которыми покоились священники и «построивший сей храм усопший...»

«Как его звали? – подумал старик. – Забыл, ох, забыл...» Он пробрался по сухому бурьяну к храмовому погосту, где в беспорядке лежали каменные надгробия, и отыскал серую песчаниковую плиту с забытыми землей и мхом строками. Обломал сухой бурьян и, расчистив буквы, прочел: «Матвей Ивановъ сынъ Булавинцевъ». Да как же он сразу не вспомнил! Даниловы, Булавинцевы, Соловьевы, Давыдовы и еще пять-шесть фамилий – вот и вся фандеевская ипостась.

Камень на могиле зодчего одним краем врос в землю, другим приподнялся над ней, и в этом месте обнажилась черная нора. Василий Васильевич с детским любопытством вглядывался в нее, испытывая соблазн засунуть туда руку и в то же время опасаясь: а вдруг какая-то неведомая сила потянет его под камень. «Эх, ты, вояка, – усмехнулся он про себя. – Кому ты теперь нужен, старый котелок?» Рука прошла в нору по локоть и воткнулась в песчаное дно. Пальцы нащупали тонкий холодный предмет. «Так вот где таилась погибель моя», – вспомнил старик вещего Олега и, схватив находку, быстро выдернул руку. Это был старинный кованый гвоздь-брусовик на триста. Полковник рассмотрел его со всех сторон, представил, как ковал металл кузнец, как острие вонзалось в древесину. А, может быть, и не вонзалось, а положили брусовик под камень зодчему Матвею, чтобы покойный на том свете строил храмы... Подумав так, он возвратил гвоздь в яму.

Перед тем, как сойти к погосту, Василий Васильевич долго вглядывался в растительную пучину, поглотившую дворы вместе с домами, сараями и погребями. Его надежды увидеть хотя бы одну крышу или стену растворились в беспроглядной зелени с осенними мазками желтизны. И лишь на месте колхозного табора торчала из травы бурая выя веялки.

Старик попытался вспомнить расположение дворов, и вдруг село представилось ему воскресшим. И даже люди ожили: хромой Бузняк в буденовке чинил хомут, усевшись на завалинке, его жена Марфуша гнала к ручью гусей, а дети все, от мала до велика, запускали над ложком за огородами склеенного из газет воздушного змея... И слух полковника наполнился мычаньем коров, идущих в стаде на луга. Он вспомнил пастухов Гришаню и Карлуху в вылинявших от пота рубахах навыпуск, в веревочных чунях, с длинными кнутами в руках. Представил стойло с водопоем, куда ребенком шел с матерью и другими женщинами доить коров, и пахнущие молоком буренки, галки, милки, дотоль лежавшие недвижно, словно валуны, вставали не спеша, чтобы подставить щедрые соски к рукам хозяек. И он, Василька Данилѐнок, сломленным у берегов Фандея прутиком ракиты отгонял от коровы злых оводов и кусачих мух.

А в «бабье лето», в Аспожинки, когда по жнивкам ночами скользило лезвие заморозков, а днем дрожала «богородицкая пряжа» паутинок, по шляху приходили к богомолью на престольный праздник крестьяне из соседних Бреховки и Быковки. После молитв и тропарей, пропетых ликующим священником и хрипловатыми счастливыми старушками, прихожане с кипарисовым распятием, с хоругвями и иконой Божьей Матери сходили вниз, к ручью Фандею, к питающим его ключам, бурлящим, словно кровь земли. Священник окроплял освященной водой людей, и каждый припадал губами к роднику, как будто к темени младенца. А после служб и омовений бреховцы и быковцы гостили у фандеевцев. И три дня с дымным запахом сожженной на овощниках ботвы сливались ароматы браги, хлеба, жареных гусей.

В престольные дни село принимало всех. Даже безбожных Афоню и Клима привозили сюда на телеге из Быковки, вносили в крайнюю хату, усаживали на деревянных подставках в святой угол, и хозяева, попотчевав их всем, чего те желали, передавали убогих соседям – не принять несчастных было срамом.

Так, вспоминая о сокровенном, Василий Васильевич провел в круге храма неизвестно сколько времени. Вдруг небесные хляби разверзлись, и в расщелину на небе проглянул солнечный луч. Он скользнул по загложшему селу, по дикому полю, и полковнику вдруг представилось, что через мгновение в небе явится всадник на белом коне, взмахнет блистающим копьём, и всё вокруг изменится: желто-зеленая накипь сойдет, и вновь появятся дворы, огороды, люди... Но луч погас, и небо безнадежно сдвинулось.

Старик не пошел в село – боялся не выйти оттуда. От церковного круга он спустился к кладбищу. Ни ворот, ни ограды. Кресты покосились, обелиски заржавели, надписи на них осыпались и выцвели. Но могилы

родителей полковника Данилова были ухожены. «Молодец, Варя, заботится», – подумал Василий Васильевич о племяннице, живущей в Дмитровце. Постоял, поведал матери с отцом о своей жизни, собрал с надгробий в плащ-палатку мокрую траву и высыпал в канаву на краю погоста. Когда уходил, вдруг что-то остановило его, как будто ознобом тронуло спину. Он оглянулся. Ясным, как истина, взором на него смотрел с фотографии учитель Петр Тимофеевич. Памятник из мраморной крошки облупился, имени и фамилии не разобрать, но лицо на фото было, как живое. «Лет через двадцать всё зарастет, – подумал Василий Васильевич. – Как будто и не было здесь ничего, никого... Вот, Петр Тимофеевич, воевал ты героически, пришел домой израненным, учил детей любить родину. А что теперь с нашей родиной?..»

И так обидно стало полковнику Данилову – до жгучих слез.

– Нет, не должна Фандеевка забыться, – произнес он. – Я не допущу, заставлю помнить. И не доверю никому: другой на полдороге бросит, не осилит...

Он решил с сегодняшнего дня разыскивать Даниловых, Булавиных, Давыдовых и их отпрысков. Найдёт, напишет книгу о Фандеевке и ее жителях. Тогда всё село вместе с ним и его семьей останутся в истории, как утонувший Китеж-град и разоренный половцами Римов.

Так он думал, шагая к трассе, и воображение вело его всё дальше, глубже, словно в юности, когда жизнь видится бескрайней.

– И памятник поставлю! – присягал полковник. – Чтоб земляки приехали к нему и поклонились.

Уставшая ждать мужа Анна Николаевна удивилась его радостному возбуждению.

– Ты, Вася, с кем-то встретился? – спросила она. – Там кто-нибудь остался?

– Нет, Аня, нет. Но встреча будет! Дай только, Боже, мне здоровья и терпения.

Разворачивая «Жигули», полковник обещал заржавленной жестянке на столбе:

– Мы с тобой еще свидимся, «...евка»!

3

– Не могу – пить хочу, а вода в «полторашке» нагрелась, – просипел Димка. Минуту назад его трактор резко газанул, распугав куропаток, и остановился, горячо дыша. Прицеп с кварцитной глыбой инородно выглядел здесь, в диком поле, среди колокольчиков, кипрея и ромашек.

– У советского офицера всё есть, Димитрий, – сказал Василий Васильевич и достал с заднего сиденья «Жигулей» двухлитровый термос. – Чай холодный, сладкий, с душицей. Его надо пить мелкими глотками, тогда взбодрит.

Раскалившемуся в тракторной кабине пареньку было всё равно, с душицей чай, с чабрецом или с мятой. Он схватил термос, выдернул тугую пробку и стал жадно глотать пахучую жидкость. Напившись, крикнул, словно от вина.

– Зачем вам камень, Василий Васильич?

– Это памятник, – ответил полковник. – Камень – символ вечности.

– Зачем такой большой? На братскую могилу?

– Можно сказать и так... – произнес ветеран. – Ладно, на месте увидишь, вон там...

Он кивнул в сторону взгорка, и Димка, не узрев там ничего, кроме деревьев, усмехнулся над странностью полковника.

– Мне какая разница, – сказал он, направляясь к «Беларусу». – Дали наряд отвезти – хоть куда, лишь бы в табель вписали. Фандеевка, Андреевка – мне всё равно, какая «...евка».

Он стал припоминать подобные названия селений, нанизывать в словесный ряд: «Букреевка, Фатеевка, Шутеевка...». А «Беларус» продолжил тянуть свою лямку по старому руслу дороги, и поле пело ему свою печальную песню, роняя под колеса тихие цветы.

Полковник Давыдов тащился за прицепом в «Жигулях» и сожалел о том, что люди не знают значения вечности. Он давно понял, что второй жизни ни ему, ни кому-то другому Господь не даст. И пусть ученые добьются, чтобы человек жил лет до ста двадцати, пусть заменят все важнейшие узлы его тела пластмассой и кордом, всё равно – конец придет. Старик припомнил вычитанную где-то фразу: «Ты говоришь, что время идет... Глупец, это ты проходишь». Все страсти и страстишки, гордыня и тщеславие людей настолько нелепы, глупы перед вечностью, что задумаешься: чем же человек важнее муравья? И, поразмыслив, ответишь: ничем. И если есть в нем что-то большее, чем у других земных существ, так это память. Не примитивная, погрязшая в инстинктах и рефлексам, а посланная свыше: о родине, о тех, в ком были, есть и будут твои корни – о святом. Вот он, старик, ступающий одной ногой в могилу, изведав бои и походы, создал достойную семью и мог бы доживать спокойно свои годы. Но как же может он смириться, если память о его Фандеевке, родных, знакомых, близких и далеких, вдруг стала исчезать из лона вечности? Еще немного – и как будто ничего и не было. Таких «фандеевок» в России тысячи, их только рядом с Дмитровцем десяток: Камсуля, Колпино, Толченное, Лужки... Конечно, он не сможет все их воскресить или хотя бы написать о них: на кладбище жить – всех не оплачешь. Но если бы люди из вымерших селений захотели сохранить о них вечную память, насколько богаче, светлее была бы Россия.

«Ладно, таким, как Димка, пацанам, пока что родина там, где им хорошо, – думал полковник, плывя в машине по цветам и травам. – Но сколько есть взрослых людей, по виду важных, а тронешь – звенят, как пустые бутылки, только что с разными этикетками».

Василий Васильевич вспомнил свои хождения с протянутой рукой по кабинетам. Вряд ли кто другой стерпел за эти годы столько унижений. Хорошо, что не доверил никому. Когда они пять лет назад приехали с женой из «...евки» в Дмитровец к племяннице, когда полковник заявил, что начинает делать книгу о Фандеевке и что поставит памятник селу, Варвара, ее муж и дочь переглянулись, подумав о крепчающем маразме старика. Но вскоре сами воспылали: расселись за столом и до полуночи писали обращение к землякам, просили их откликнуться. Наутро Данилов отнес воззвание в местную газету, встретился с директором районного музея. И будущая книга об истории Фандеевки раскрылась для воспоминаний, старых фотографий и архивных выписок.

Теперь, через пять лет, она была почти написана, и деньги на ее издание фандеевцы собрали миром – рубль к рублю, прислали даже доллары из стран, куда их занесла судьба. Музейщики нашли в архивах часть Писцовой книги с указанием села, и оказалось, что Фандеевка жила еще при Годунове, что деревянный храм срубили при Петре Великом, и он не раз горел от молний, перестраивался, потом уже «Матвей Иванов сын Булавиновец» возвел его из камня. А с памятником вышло туго. Сам городишко Дмитровец был нищ, район в развалинах. Его глава, высокий, статный молодец с президиумной внешностью и мягким баритоном, смущенно отводил глаза от пристального взгляда и воинственных усов полковника.

– Вы понимаете, Василь Васильевич, у нас сегодня ничего не строится, поэтому для памятника вашего я не смогу достать ни камня, ни бетона, – сказал он грустно, разводя руками. «Какой ты бедный, голова, – подумал Данилов, назвав его про себя по-украински. – Кабинет сияет панелями, двери двойные, мореного дерева... Вокруг Дмитровца дворцы растут, как на Крещатике, а три куба бетона не достанешь... Врешь, не хочешь!»

– Я предлагаю вам съездить в Железograd, – сказал глава. – От нас каких-то тридцать километров, зато это промышленный центр, там много строят, есть карьеры. Найдут для монумента и бетон, и камень. В Железогrade есть и архитекторы, и скульпторы. А я, если хотите, джип вам выделю на пару часиков.

– Спасибо за подсказку и за джип, но я машиной обеспечен – сказал полковник, усмехнувшись. – Да только памятник не для меня – для всех. Значит, ничем мне не поможете?

Глава только пожал плечами.

– Ну, ладно, – твердо произнес старик. – Добуду я бетон и камень. Хоть самосвал дадите, чтобы довезти? И еще. Там, где будет памятник, надо спланировать площадь. Поможете с трактором? Или просить губернатора?

По его настойчивому тону глава понял, что ветеран просто так не отстанет.

– Поищем, – кивнул он и криво улыбнулся на прощанье.

Данилов зачастил в Железograd. Седые скульпторы несли ему проекты памятников с ангелами и крестами, но дорожные, как на Новодевичьем в Москве.

Начальники строительных компаний не отказывали, но просили ждать «покуда кончится проклятый кризис». И лишь один нашелся, совестливый, щедрый, помог ему цементом и песком.

Бывалые геологи спускались с Даниловым в карьер, чтоб отыскать кварцитный монолит. Пересмотрели сотни глыб, и выбрали одну, похожую на парус вечности.

И дмитровецкий «голова» нашел-таки бульдозер. Но больше всех полковник благодарен был жене – любезной Анне Николаевне, которая не то что не ворчала на его затраты времени и денег, а даже упрекала в миг уныния: «Ну, что ты, Вася, загрустил, что голову повесил? Иди, проси и требуй, и надоедай. Ты ж офицер!» И он стремился к своей цели, как к Победе.

4

Миновав поповкинские сады, Димка увидел на расчищенной ровной площадке пятерых мужиков – они стояли у серого сооружения, похожего на тумбу. «Это, наверно, подставка под каменюгу», – подумал парнишка. Попытался вспомнить ее название, но не смог. Придерживая трактор, словно норовистую лошадь, он потихоньку съехал к постаменту. Мужики, не обратив особого внимания на тракториста, воззрились на прицеп с камнем. На их лицах ни смущения, ни удивления. Стало быть, крестьяне не такое еще видавали. Даже если бы сюда заехал танк, они бы посмотрели на него внимательно, с прищуром и, покуда минут пять, решили б, что с ним делать.

Полковник подошел к мужикам с объятьями, словно к родным. Они и были близкими, крестьяне из доживающих век Быковки и Бреховки, потомки прихожан, гостивших на Аспожинки в Фандеевке.

– Спасибо, земляки, что пришли. Ну, что, будем робить? – спросил полковник.

– Ух, ты, сразу «робить»! Совсем хохлом стал, Васильич, – усмехнулся самый пожилой из мужиков, может быть, даже постарше Данилова, такой же седовласый, но значительно шире в плечах. Видно, в молодые годы он был богатырем.

– Есть еще порох в пороховницах, Лукьяныч? – спросил его полковник. – Помнишь, ты на спор мельничный жернов поднимал? Нынче повторишь?

– Да как сказать, – сказал, почесав подбородок, старик. – Один не осилю, а кагалом справимся.

– Мне бы для крепости рук что-то дать, – подмигнул полковнику тщедушный мужичонка с морщинистым, как будто выжатым, лицом.

– Рычаг какой-либо? – спросил Данилов. – Есть ломы...

– Какой рычаг! Ерохе похмелка нужна, а то руки трясутся, – сказал Лукьяныч. – Вчера у соседки жуков на картохе травил, и сам траванулся.

– И какой с тебя работник после выпивки? – спросил Данилов у мужичонки. – Да еще под таким жарким солнцем! Разомлеешь, завалишься тут, на погосте. Хорошо, нести никуда не надо.

Ероха ему – свой вопрос:

– А тебе, полковник, ни разу, что ль, сто грамм не перепало перед атаками?

– Было, было, – засмеялся ветеран, шутиливо похлопав его по хлипкому плечу.

– У меня вся сила в жилах, – сказал Ероха. – А они, как канат: чем сырей, тем прочней. Так что наливай, Васильич.

– Ну, что, тогда всем? – спросил Данилов у главы сельсовета Никитина, когда-то колхозного бригадира, бычьей шее которого никогда не знала галстука. Все его называли по-старому – Пред. Он был немолод, носил крупный живот, но каждое его движение напоминало о крепкой физической силе. По тому, как Пред смог одним жестом остановить болтовню Ерохи и двух других мужиков – братьев Губиных, по-уличному Умников, по два года отсидевших в каждом классе, – видно было, что Никитина здесь чтили как вожака.

– Починай, – сказал сельский глава. – Немножко, для страсти. Умникам вовсе по капле – быстро тупеют от водки, хватаются за грудки.

– «А два брата Губины утюжат Прова дюжего», – вспомнил Василий Васильевич некрасовский стих.

– Какого Прова? – переглянулись мужики. – У нас отродясь таких не было.

Полковник не стал объяснять. Жестом пригласив земляков к «Жигулям», он открыл багажник и стал вытаскивать из пакетов закуску и выпивку.

– Импортная, – уважительно сказал один из братьев Губиных, увидев i с точкой.

– Хохляцкая, – поправил Никитин. – Так, по одной стопке налей всем, Васильич, – и к делу. А что твой хлопчик загрустил?

Пред кивнул в сторону присевшего на одном из надгробных камней тракториста.

– Димитрий, иди-ка сюда, перекуси, – подозвал полковник. И парень, будто только этого и ждал, поспешил в компанию. Зная, что ему не предложат выпить, он вонзил крепкие зубы в куриную булдыжку и, в один миг расправившись с ней, взялся за другую.

– Молодец, – засмеялся полковник. – Люблю тех, кто ест хорошо.

После небольшой трапезы мужики вновь подошли к прицепу с камнем и, будто врачи на консилиуме, стали вполголоса обсуждать, что делать дальше.

Только тут до Димки дошло, что здесь нет ни подъемного крана, ни какой-либо лебедки.

– Василь Васильич, а как вы его установите? – спросил он полковника.

Тот, хитро прищурившись, подергал седыми усами и серьезно сказал.

– Да просто: подыдем все вместе – и на пьедестал.

– Ага, пьедестал, – обрадовался найденному слову тракторист. – А знаете, сколько весит эта каменюга? Не меньше пяти тонн. Я ее еле допер, вы же слышали, как стонал прицеп.

Нет, без крана не обойтись.

– Эх, молодежь, молодежь, – вздохнул полковник. – Я же, парень, специально заказал твой трактор с прицепом, тут все рассчитано, как при строительстве пирамид.

Вынув из кармана матерчатый «метр», старик измерил им высоту постамент, затем то же самое сделал с прицепом.

– Ну, вот, уклон как раз подходит, – сказал он довольно. – А теперь, Димитрий, открой борт и подъезжай к пьедесталу впритык. Накренишь его так, чтобы камень было легче стащить. Потом отцепишь трактор, обмотаем кварцитину тросом и стянем – с дизельной, нашей и Божьей помощью, – объяснил полковник. – Просто, как божий день.

– Без крана не получится, – продолжал сомневаться парень.

– Бесплатно его не дали, денег моих больше нет – и точка, – резко сказал полковник. – А теперь представь, что ты на войне и тебе дана боевая задача – поставить камень на пьедестал во что бы то ни стало. А на него водрузить знамя Победы – и тогда все страдания русских людей закончатся.

– Ясно, – сказал азартно Димка, встряхнув цыганской шевелюрой. – Даже интересно.

Он открыл железный борт, и камень предстал во всей своей кварцитной мощи. Это была пятитонная глыба, в основании плоская, кверху суженная парусом. Ее тело, насыщенное рудными зернами, отсвечивало синевой, блистало холодными искрами кварца. Вырванная взрывом из чрева земли, глыба покинула пласты магнитной аномалии, сбивающие с курса караваны птиц. Исполинской силы рудная жила, замешанная космическим миксером в межзвездных тиглах, миллиарды лет покоилась в недрах, скупно выдавая на поверхность железо. Но люди добрались и до глубинных залежей, до печени Земли, чтобы поднять железистые камни к травам и цветам.

– Солидный камешек, увесистый, – сказал Лукьяныч. – Наверно, тяжелее жёрнова.

– Из него, кажись, кто-то глядит, – произнес ошалело Ероха, шевельнув худосочным плечом.

– Ага, твоя подруга смотрит – белая горячка, – усмехнулся Никитин. – Хорош глазеть. Работа у нас нынче важная, точная. Не дай бог уроним – тогда не поднять.

Димка заволновался, улыбка сошла с его губ. Аккуратно, по дециметрам, он протащил прицеп к постаменту, так что мужики одобрительно крикнули, а полковник сказал: «Ювелир!». Но самое трудное и опасное было впереди. Еще раз вымерив метром монолит, Василий Васильевич сказал:

– Нам бы его только наподдать и плотно выставить. Пусть тыльный край будет нависать сантиметров на двадцать – не страшно. Зато впереди на пьедестале можно будет положить цветы. Согласны?

Мужики кивнули головами. Не от июльского зноя и не от водки выступил пот на их лицах.

– Подставка не развалится? – засомневался Димка.

– За пьедестал не беспокояся: в прошлом году поставили, не поплывет. Раствор крепчайший и щебенка мелкой фракции, одна в одну – я лично отбирал, – успокоил Пред.

– А мы замес наводили, – вспомнили Губины. – Три рейса делали на Гнедке, даже телегу наращивали: сначала песок везли с цементом, потом щебень, а в третий раз – корыто и опалубку.

– Хорошо, на Покров было дело, в заморозки, а то бы лошадь не осилила, – сказал полковник. – Гляди, на бетоне нет ни трещинки, прочный – аж синий.

– Тогда держите крепче, – приказал тракторист. – Буду кренить прицеп.

Медленно, со скрежетом и скрипом, стальной кузов стал под углом наклоняться к постаменту. Вот уже тридцать градусов прошел, вот тридцать пять – но монолит не шелохнулся.

– Стой! – заорал полковник Димке. – Не дай бог перевернется. Теперь сами. Отцепляй трактор, ставь его строго перед постаментом, обматывай тросом и будешь тянуть. А мы направим куда надо.

– А у тебя еще направляется куда надо, полковник? – усмехнулся Ероха, и мужики рассмеялись.

– Бывает, даже попадает в цель, – ответил серьезно Данилов, чем еще больше развеселил земляков.

Эта шутка немного сняла напряжение. Наступил самый важный и трудный момент: «Беларус» потянул камень тросом, накинутым снизу петлей. Стально-серая громадина, схваченная удавкой, сначала не поддавалась, и казалось, что натянутый струной трос вот-вот и лопнет, рванет со свистом, хлестнет со страшной силой по сторонам. И вдруг камень пошевелился, как будто очнувшись ото сна, стал медленно сползать по наклонному борту. Он словно раздумывал, стоит ли уступать этим мужикам, которых мог всех сразу раздавить железной мощью. Но, видно, силикатная его душа почувствовала что-то такое, что ее сроднило с человеческими душами. Когда кварцит готов был упереться в пьедестал, тут мужики взялись за дело. По команде полковника: «И раз, и два!» Никитин с Лукьянычем и братья Губины с двух боковин просунули под камень ломы, повисли на них, стараясь приподнять край камня хоть на сантиметр. Но тщетно – монолит не шелохнулся. Они бились с непосильным весом несколько минут. От волнения и натуги мужики покраснелись, их руки измазались кварцитной пылью, и казалось, будто камень и люди одной породы, слились воедино.

Наконец команды полковника возымели действие. Когда ломы и трос, повинувшись охрипшему фальцету Данилова, сработали синхронно, в такт, когда над постаментом и под краем монолита на мгновение появился промежуток, Ероха ловко, в один миг просунул в проем каток – стальную болванку размером в пушечный снаряд «сорокапятки».

– Зарядил! – заорал он в азарте, и его жилистые руки всплеснули воздух. – Пли!

Мужики по команде Данилова вновь схватились за ломы и вместе с рывком «Беларуса» изо всех сил нажали на них. А Ероха сунул в зев меж камнем и бетоном еще один «снаряд».

– Давай, дубинушка, сама пойдет! – то ли кричал, то ли пел он, подпрыгивая от азарта. Скрежеща по литым каткам, направляемый ломками и трактором камень надвинулся на пьедестал, как и спланировал полковник: чтоб впереди осталось место для цветов.

Какое-то время мужикам и Димке пришлось попотеть еще, чтобы выдернуть болванки из-под монолита: слава Богу, силы остались, ломы не согнулись, и трос не порвался.

Когда крестьяне, взмокшие, уставшие, уселись на бугорке, чтобы выпить по чарке за доброе дело, это у них получилось не сразу: руки дрожали от напряжения. Один лишь Ероха, подносчик снарядов, схватил свой стакан. Но пить без команды не стал: что он – хуже других?

– Василь Васильевич, а зачем тебе памятник? – спросил один из братьев Губиных.

– Я говорил лет пять назад районному главе: он нужен не мне, а всем нам, – произнес полковник. – Здесь же, братцы, целое село было... Село! Понимаете? Фан-де-ев-ка! Три века мужики пахали землю. А сколько народу нашего погибло за Россию! Их кто-то должен помнить?

– Давай помянем земляков, – сказал Ероха.

– Согласен, – кивнул полковник. – Пусть земля будет пухом усопшей Фандеевке.

И крестьяне торжественно, усмирив дрожь в натруженных пальцах, выпили за помин.

– А по всем сторонам постамент, – продолжил Данилов, – прикрепим мраморные доски. На них золоты-ми буквами будут написаны фамилии тех, кто здесь жил, кто погиб на войне.

– Где ты денег возьмешь на золотые буквы, полковник? – спросил, усмехнувшись, Пред. – В нашем сельсовете мыши от голода дохнут. А богачи не дадут – у них кризис. Не в деньгах, а в совести.

– Мир не без русских людей, – сказал Василий Васильевич. – Вот вы сошлись и помогли. И другие найдутся...

Его перебил Димка восклицанием:

– А наша каменюга прижилась!

Заметив справляющих тризну людей, на памятник слетела невесть откуда взявшаяся стайка воробьев, расселась на вершине кварцитного паруса, расшумелась, предчувствуя пиршество. Крестьяне собрали хлебные крошки, рассыпали угощение по краю постамент. Птицы набросились на хлеб, зачирикали благодарно.

– Это, братцы, души умерших фандеевцев слетелись домой, – сказал серьезно старый богатырь Лукьяныч.

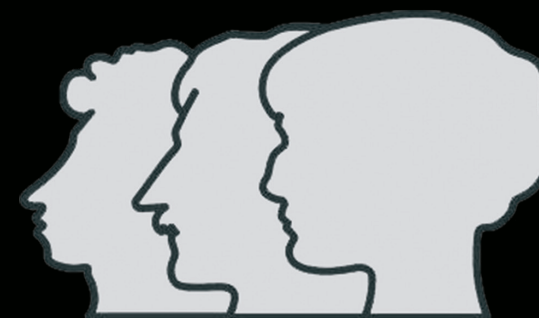
И ему перечить не стали.

ЛИтературный **Ф**естиваль **Ф**ес**Т**ивалей

ВЧЕРА-СЕГОДНЯ-ЗАВТРА

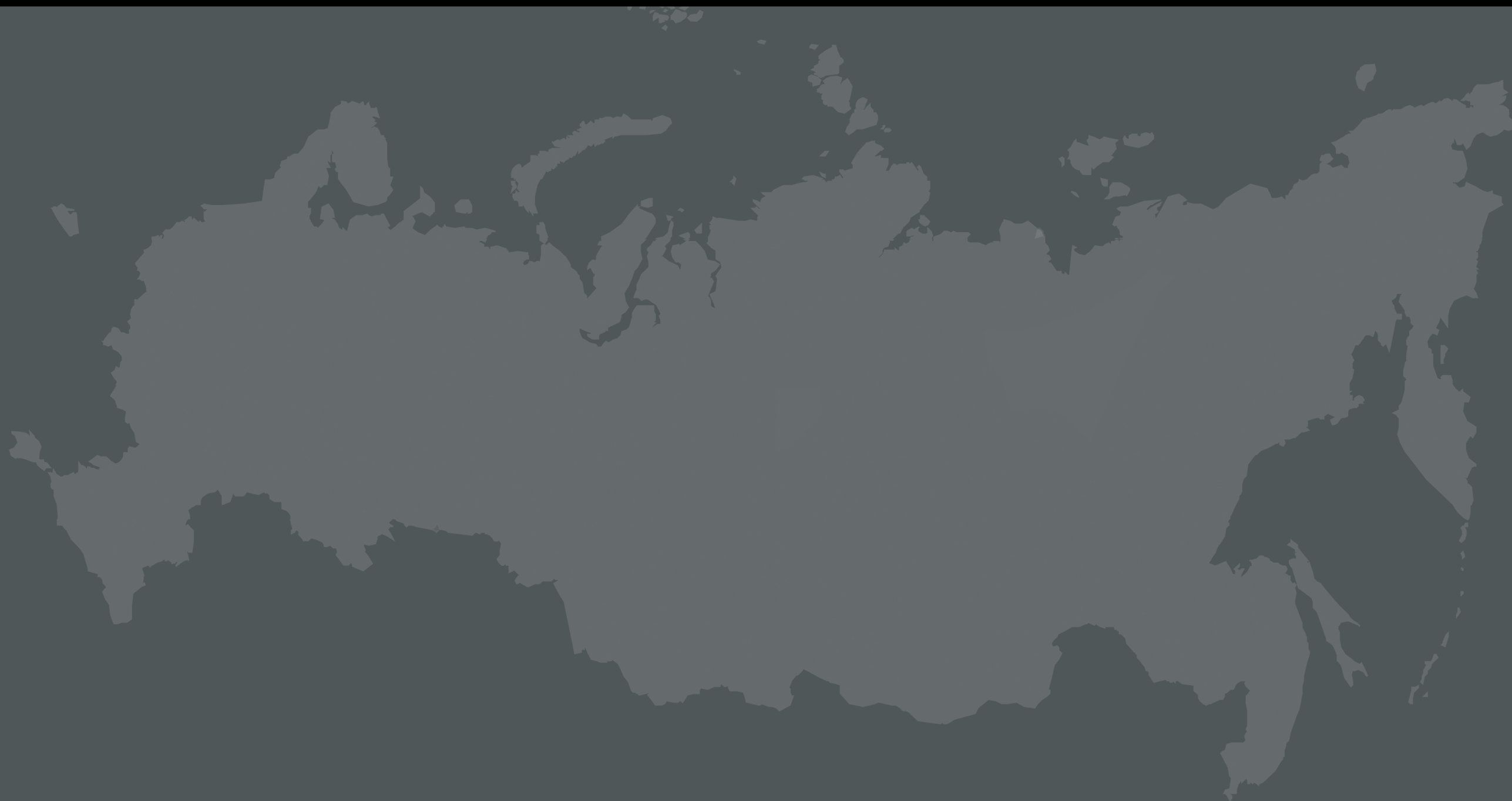
Иркутская область, Красноярская область, Республика Крым, Кабардино-Балкарская Республика, Санкт-Петербург, Республик Татарстан, Курская область. Старт по обзору литературных фестивалей начался.

Республика Бурятия прислала анонс о проведении III Международного этигэловского фестиваля, посвященного Пандидо Хамбе ламе XII Даша Доржи Этигэлову «Подношение десяти драгоценностей» летом 2016 года. Республика Крым – прислала анонс по нескольким мероприятиям намеченным на 2016 год.

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

2015

Игорь Дронов

Игорь Дронов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ПОЭЗИИ НА БАЙКАЛЕ ИМЕНИ АНАТОЛИЯ КОБЕНКОВА

Евгений Евтушенко, Юрий Кублановский, Александр Кушнер, Надежда Кондакова, Лев Аннинский, Михаил Вишняков, Олег Хлебников, Анна Саед-Шах, Владимир Берязев, Галина Погожева, Николай Шамсутдинов, Евгений Чигрин, Баян Жигмытов, Павел Крючков, Игорь Иртеньев, Григорий Кружков, Михаил Яснов, Марина Бородинская, Алексей Алёхин, Анна Павловская, Сергей Кузнецихин, Станислав Михайлов, Константин Иванов, Игорь Куницын, Юрий Беликов, Равиль Бухараев, Лидия Григорьева, Андрей Грицман, Александр Радашкевич, Лариса Щиголь, Евгений Рейн, Виктор Куллэ, Санджар Янышев, Кирилл Ковальджи, Тимур Кибиров, Ирина Ермакова, Дмитрий Веденяпин, Анатолий Кобенков, Виталий Калашников, Максим Амелин, Виталий Науменко, Бахыт Кенжеев, Александр Кабанов, Алексей Остудин, Сергей Сумин, Анжела Пынзару, Иван Клиновой, Антон Нечаев, Аркадий Перенов, Юрий Извеков, Булат Аюшеев, Виктория Анфимова, Марина Матвеева, Дмитрий Мурзин, Елена Пестерева, Юрий Коньков, Андрей Коровин, Вера Павлова, Инга Кузнецова, Лев Рубинштейн, Олег Чухонцев, Светлана Василенко, Сергей Гандлевский, Татьяна Жилкина, Мария Галина, Аркадий Штыпель, Михаил Айзенберг, Амарсана Улзытуев, Анна Минакова, Станислав Минаков, Ирина Евса, Владимир Алейников, Лета Югай, Мария Маркова, Сергей Бирюков, Пётр Чейгин, Юрий Поляков, Александр Суриков, Василина Орлова, Вадим Степанцов, Всеволод Емелин, Дмитрий Данилов, Мария Ватутина, Эдуард Лимонов, Юлий Гуголев, Юлия Белохвостова, Андрей Пермиков, Александр Ерёмченко, Андрей Родионов, Екатерина Троепольская, Дарья Верясова, Елена Игнатова, Максим Жуков, Елена Жамбалова, Есугей Сындуев, Анна Банаева, Дмитрий Филиппенко, Юрий Лорес, Сергей Корычев, Павел Фахртдинов, Вероника Долина, Максим Кучеренко, Владимир Ткаченко, Альба Асусена Торрес, Анри Делюи, Вильям Дэвидсон, Кармен Дэвидсон, Рэй Макнис, Збигнев Доминяк, Лилиан Жиродон, Горан Лазович, Таризэл Цхварадзе...

Хорошо понимаю, что нельзя начинать статью длинным перечнем имён, но... Так не хочется кого-то забыть, так хочется вспомнить всех. Это гости и участники Международного фестиваля поэзии на Байкале, одного из старейших российских фестивалей, основанного в 2001 году замечательным иркутским поэтом Анатолием Ивановичем Кобенковым.

Давно это было. Но первый фестиваль – со звёздами первой величины, с гостями из Польши, Никарагуа, США и Франции, с битком заполненными залами в Иркутске и окрестностях – не забудется никогда.

А теперь надо на время вернуться к началу. К Байкалу, откуда истекает Ангара, на берегах которой некогда был построен наш город. Прозрачная на десятки метров вода. Ночное небо, усыпанное разноцветными звёздами. И озеро (море, океан), неизменно меняющееся, живущее своей жизнью, спрашивающее и отвечающее, шепчущее и кричащее. И ветры над Байкалом, имеющие собственные имена (Култук, Баргузин, Сарма, Горная), способные в кратчайший срок поменять погоду.

Шаманы всего мира совершают паломничества к Байкалу, особенно к его сердцу – острову Ольхон. Поэты в каком-то смысле тоже шаманы. Я не знаю, о чём говорили Анатолий Кобенков и Евгений Евтушенко, вызвавший помочь в организации фестиваля с первым порядковым номером, но было решено – фестивалю поэзии на Байкале быть. После успеха первого стало понятно, что обязательно случатся и второй, и последующие... Первые пять прошли под патронатом отца-основателя Анатолия Ивановича Кобенкова, возглавляющего в то время Иркутскую писательскую организацию, на шестой – Анатолий Иванович, переехавший на жительство в Москву, прибыл в качестве гостя, тогда же, в 2006 году, его не стало... Но традиция, положенная им, живёт. Со следующего фестиваля, юбилейного, пятнадцатого по счёту, планируется, что он навсегда будет Международным фестивалем поэзии на Байкале имени Анатолия Кобенкова.

Теперь о некоторых принципах, исповедуемых организаторами. Первый – фестиваль – действо, совершаемое для зрителей, для любителей поэзии. Отсюда, выбор мест для выступлений. За эти годы в качестве площадок использовались театры, концертные залы, библиотеки, студенческие аудитории, бары и рестораны, камерные площадки культурных центров. Отсюда, выбор приглашённых гостей. Постепенно было решено отказаться от «нужных», но мало интересных зрителям персонажей – редакторов журналов, различных культуртрегеров и прочих деятелей от культуры. Только поэты «здесь и сейчас», только живые легенды – вне зависимости от места проживания, степени известности и раскрученности. Кстати, случается, что в эту категорию – интересных и живых поэтов – попадают и культуртрегеры и редакторы журналов – некоторым удаётся счастливо совмещать в себе эти качества. Второй принцип. Желание сделать пребывание гостей фестиваля на Байкале максимально комфортным. Этим обусловлено проведение фестиваля в летние месяцы, когда вода в Байкале на короткое время становится приемлемо холодной.

И ещё о некоторых особенностях. Организаторы из года в год стремятся менять формат проведения фестиваля. Использовались различные варианты. Поездка за шестьсот с лишним километров на север области, в город Братск, с остановками и выступлениями в населённых пунктах, расположенных по пути. Поездки в близлежащие города и посёлки с базированием в Иркутске. Выезд на сакральный остров Ольхон. Экскурсии по Байкалу с проживанием в прибайкальских турбазах. Трёхдневный гала-концерт на берегу озера, с палаточным лагерем, зрительской «поляной» и ночными посиделками у костра. Таким образом, формат фестиваля – полное отсутствие какого-либо формата.

Однажды пришло понимание, что поэт – не только существо, зачитывающее свои вирши в микрофон или без оного в пространство, но и любой, исполняющий их под музыку. При этом упор делался на качество представленных текстов, на их художественную ценность. Так на фестивалях стали появляться легенды авторской песни (Юрий Лорес, Вероника Долина), рок-музыканты (Павел Фахртдинов, фронтмены группы «Ундервуд» Максим Кучеренко и Владимир Ткаченко, лидер «Бахыт Компота» Вадим Степанцов). Обязательно появятся другие – рэперы, барды, рокеры, панки... Но одно можно сказать ответственно – Стаса Михайлова на фестивале не будет никогда.

Самое время сказать ещё об одном организационном принципе – обеспечивая проезд, проживание, питание и массу новых впечатлений – гонорары у нас не платятся никогда. Это категорический императив в иркутском исполнении. Так что, у нас не будет ещё некоторых, но это их проблемы, а не организаторов.

И ещё. Нас не волнуют политические взгляды участников, их эстетические пристрастия – важна поэзия – и только. Если вы ещё раз внимательно посмотрите на список, с которого я неосторожно начал свой материал, то увидите там и «ахматовских сирот», и участников СМОГа, «Московского времени», ДООСа, ОСУМБЕЗа, метаметафоризма, куртуазного маньеризма, «Сибирского тракта», «Заозёрной школы» и других групп, течений и объединений русской поэзии прошлого и нынешнего века. Более ста участвовавших и ещё две-три сотни поэтов, которых мы планируем позвать в самое ближайшее время. Жизнь – коротка, поэзия – вечна.

В заключение о тех, благодаря которым стал возможен этот праздник. О спонсорах. Минимально используя или не используя вовсе бюджетное финансирование, у современной культуры, очевидно, другие приоритеты, мы вынуждены обращаться к фондам и социально ориентированному бизнесу. К сожалению, писать о всех, кто нам помогал все эти годы – это заканчивать статью столь же длинным перечнем, каким она начиналась. Информацию обо всех можно найти на сайте фестиваля <http://www.baikalpoetry.ru/> и на страницах альманаха «Иркутское время», который ежегодно издаётся в преддверии форума. Но о двоих – организаторе культурно-просветительском фонде «Байкальский культурный слой» и о главном спонсоре «Иркутской нефтяной компании» сказать обязан. Не будь этих людей, не было бы ничего. Вообще ничего.

Красноярская область

Михаил Стрельцов

Василий Авченко

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «КНИГА. УМ. БУДУЩЕЕ» (КУБ)

Михаил Стрельцов

«Красноярск в КУБе»

Всероссийскому литературному фестивалю «Книга. Ум. Будущее» (КУБ) в 2015 году исполнилось три года. За это время фестиваль претерпел изменения: из межрегионального стал всероссийским, а затем и с международным участием; события фестивальной недели в первый год посетили 800 человек, в это году более 2300; творческие встречи и иные мероприятия сначала проходили на 10 площадках города, теперь же на 30.

На географии гостей-участников фестиваля хочется остановиться отдельно. За три года фестиваля Красноярск посетили литераторы из Новосибирска, Абакана, Иркутска, Челябинска, Вологды, Нижнего Новгорода, Улан-Удэ, Кемерово, Омска, Карелии, Владивостока, Москвы, Санкт-Петербурга, Махачкалы и Португалии. Красноярцы и жители Красноярского края смогли лично познакомиться с прозаиками Захаром Прилепиным, Михаилом Тарковским, Романом Сенчиным, Василием Авченко, Андреем Лазарчуком, Ириной Горюновой, Александром Лейфером, Викторией Лебедевой, Дарьей Бобылевой, Анатолием Байбородиным, Владимиром Скифом и другими. Поэтическое сообщество в разные годы представляли Геннадий Калашников, Амарсана Улзытуев, Герман Власов, Мария Ватутина, Андрей Коровин, Юлия Белохвостова, Дмитрий Мурзин, Мария Маркова, Светлана Михеева, Артем Морс, Галина Илюхина и многие другие.

Год литературы для фестиваля КУБ стал знаковым еще и по той причине, что впервые были проведены «Дни детской литературы». Поэты и прозаики Елена Усачева (Москва), Анна Матасова (Карелия), Рустам Карапетян (Красноярск), Наталья Осипова (Москва), Ульяна Яворская (Красноярск) посетили детские дома, школы, культурные центры города и края.

Организатором фестиваля является КГБУК «Дом искусств» при поддержке министерства культуры Красноярского края. Более ярко о фестивале пишут участники. Им слово!

Василий Авченко

«Слово о КУБе»

Эволюция автора, связывающего свою жизнь с работой поэзии, прозы, драматургии, литературоведением на самом деле незамысловата. Первыми ориентирами, разумеется, становятся книги: классические, современников, планка которых настолько высока, что автор либо теряется и выбирает иной путь, либо пытается торить свой собственный, без умелого наставничества – не всегда удачный. Поскольку литературный мир настолько глубок и широк, что любой из «своих путей» становится, как правило, «изобретением велосипеда», повторением неоднократно пройденного.

«Варясь в собственном соку» автор неминуемо пополняет ряды тех, кого литературное сообщество презрительно называет графоманами – в данном случае: неучами с завышенной самооценкой. Не всегда выполняют роль панацеи и те – в незначительном количестве существующие в Красноярском крае – литературные объединения, работающие, как правило, на общественных началах. Замыкаясь на себе, они имеют шансы превратиться в объединение графоманов, где литературная учёба, литературная критика напоминает строки И. Крылова «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку».

И даже местные профессиональные литературные сообщества, погружаясь в собственные проблемы, имея уже устоявшиеся взгляды на творчество сотоварищей, не всегда объективны в своих

оценках. Чего греха таить, порой и похвалит чьи-либо небрежные вирши просто за то, что автор-то на самом деле неплохой же человек или про его былые успехи вспоминая. Тем важнее, объективнее взгляд со стороны, знакомство с творчеством коллег из других регионов, из столиц. Банальная истина: но всё познаётся в сравнении! Если ежегодно читать Ивана Ивановича и Федора Сидоровича, то они и останутся образцом и примером для подражания. А если окунуться в творчество новосибирцев, кемеровчан, иркутян, омичей, петербуржцев, москвичей, киевлян и многих и многих других, как это уже три года происходит в Красноярске на литературном фестивале «Книга. Ум. Будущее» («КУБ»), то стихи Ивана Ивановича вдруг да окажутся от совершенства далекими, и Федор Сидорович сделает выводы и исправит огрехи в собственных рассказах.

Вспомним: в какое замешательство привело общество теория локальных цивилизаций Шпенглера – оказывается любая цивилизация, «варясь в собственном соку» неминуема обречена. Вся экзистенциальная философия второй половины XX века в том числе искала выход из этой ситуации. И он был найден именно во взаимопроникновении культур! Было указано два основных пути спасения: ренессанс – полное политическое и культурное повторение прошлого, когда оно не только проникает, но и вытесняет настоящие модели, либо в культурном обмене между различными парадигмами: религиозными, искусствоведческими, национальными. Аллегорично: любой фестиваль, в том числе литературный, является ключиком к замку, отпирающему и выпускающему на волю очередную омолаживающую цивилизацию атмосферу. Соединение несоединимого, разрушение парадигм и создание новых происходит именно так – при личном столкновении индивидуальностей: в диалогах, в совместной работе. Где бы это могло происходить, если не на фестивалях, где между собой соревнуются компоненты учебы, общения, азарта, зрелищности, прямого ответного отклика зрителей?

При этом всегда остаётся открытым вопрос: а тот ли ключик к этому замку? И тут, мы уже имеем, наглядный пример. Вспомним про нашего абстрактного начинающего автора. Его таланту требуется выход. Работающий сам для себя творец смешон, его задача – демонстрировать своё творчество, получать отклики, чтобы его оттачивать и совершенствовать. И чем больше аудитория для демонстрации, тем больше откликов, тем серьёзней работа творца над собой, тебе больше его ответственность перед читателем. Да и образованный читатель ныне привередлив: благодаря Интернету самостоятельно может знакомиться с творчеством известных писателей, но всегда благодарен за личную встречу с полюбившимся автором. А бывает, что не знает читатель про такого-то писателя и поэта, пока лично его не увидит, не послушает, а если полюбит, то окунётся в его творческий мир. Разве не так?

Веерный размах «КУБа» – когда в различные города края приезжают известные или ещё неизвестные авторы – это же та самая сбывшаяся мечта, как для них – увидеть своих читателей в дальних городах, так и для читателей – лично задать мучающий их вопрос, вступить в живой диалог. На этот раз довелось сопровождать в Заозерный и Зеленогорск опытейших мастеров Анатолия Байбородина (Иркутск) и Александра Щербакова (Красноярск). Оба прозаика на встречах мало читали своих произведений, поскольку проза на слух сложна, да и время в таком турне поджимало. При этом диалоги, вопросы-ответы увели в такие глубины души, что некоторые из зрителей действительно прослезилась. В Зеленогорске писателей не отпускали целых два часа. Да и они не хотели уже так быстро уезжать – настолько уютно всем было в этом обмене человечностью, теплотой, что возникло нереальное ощущение прикосновения к величию. Только талантливые мастера и честность отзывов на их творчество могла создать подобную атмосферу.

И для маститого автора важно показать читателю своё новое детище – книгу. В слегка тесноватой уютности книжных магазинов «Бакен» и «Федормихалыч» разнесенные по разным городам поэты и писатели, на какое-то время оказавшись бок о бок, одновременно засвидетельствовали волнительное представления только что изданных книг. Красноярский край и Москва – бок о бок – Михаил Тарковский и Андрей Коровин. Санкт-Петербург и Москва – одновременно на красноярской земле – Галина Илюхина и Максим Гликин. Новосибирск и Иркутск – Юрий Татаренко и Светлана

Михеева рядышком, словно и не было никогда разделяющих эти города расстояний. И ещё! Ещё встречи! Школьники, учащиеся колледжей, вузов – живую, может быть впервые в жизни, видят профессиональных творцов слова! Известный автор фантастических романов Андрей Лазарчук – в Канске! Владивосток в лице Василия Авченко – в СФУ! Португалия и Москва в лице Марины Йоргенсен и Романа Сенчина в КГПУ им. Астафьева! Фестиваль! В музеях – поэты, в школах – писатели, в Назарово и Ачинске – делегация талантливых москвичек! В техникумах – Барнаул и Омск! Где ещё так возможно? Когда было так возможно? Чудеса просто! И ещё и везде! Чего только стоит потрясающая музыкально-поэтическая программа, приуроченная к светлом празднику Пасхи, которую представили москвички Юлия Белохвостова и Мария Ватутина!

Ну а как же наш герой – красноярский молодой талант? Которому без таких фестивалей никогда не услышать мнение высококвалифицированных профессионалов. Которому сложно самостоятельно, порой невозможно даже найти дорожку к публикациям всероссийского уровня, к той обширной и вожделенной аудитории, которой является не только наша страна, но и весь русскоязычный мир... а там – кто знает!? – благодаря переводческой работе, и в другие страны.

Тут организаторы попутно взаимопроникновению и смешению культур и жанров берут на вооружение – для верности! – второй способ омоложения цивилизации: ренессанс. Традиции литературных семинаров, где профессиональные литераторы отмечают молодых по их текстам, указывая на допущенные неточности, попутно делясь теоретическим материалом – оформились в середине XX века и регулярно осуществлялись. Никого из нынешних красноярских мэтров в своё время это не миновало. Каждого в своё время заметил и оценил – ныне классик отечественной литературы. Достаточно упомянуть, что предисловие к самой первой книге Романа Солнцева написал Константин Симонов, на семинаре которого юного тогда автора отметили как перспективного. При смене государственного уклада на долгое время эти традиции были за бортом литературного процесса. Едва ли не пятнадцать лет спустя после её прерывания, в 2001-м тот же Роман Солнцев проводит Всесибирский литературный семинар в Красноярске, после которого явила себя миру новая плеяда нынешних красноярских писателей и поэтов, влившиеся в профессиональные творческие союзы: А. Силаев, И. Клиновой, Н. Конусов, В. Кириченко, М. Стрельцов, С. Кузичкин и др. В 2005-м году Фондом им. В.П. Астафьева был инициирован Всероссийский литературный семинар, представивший красноярцам новые литературные имена, а дальше – за тишь, которое дало свое плоды со знаком минус.

Без мощной литературной учёбы, без права быть замеченным для молодого автора наступает как раз та ситуация, которую назвали в начале статьи как «вариться в собственном соку». Попытки возродить семинары краевой Дом искусств предпринял в 2012-м году по итогам Всероссийской литературной конференции «Сибирь: проблемы и перспективы развития региональной литературной среды». В декабре того же года двухдневный мастер-класс провели московские литературтреггеры Сергей Арутюнов и Максим Лаврентьев. На то время сотрудник газеты «Литературная Россия» Максим – озвучил общее удручающее впечатление от качества литературных произведений молодых красноярцев. Иницировав фестиваль «Книга. Ум. Будущее» Дом искусств последовательно включил в него и семинарские занятия. Пусть они по веянию современной терминологии называются мастер-классами, суть их от этого не изменилась. И теперь попробуем узнать итоги этого продолжительного труда. Также много лет проработавший в газете «Литературная Россия», секретарь Союза писателей Москвы, лауреат премии «Ясная Поляна» и премии Правительства России в области культуры Роман Сенчин, который руководил семинаром прозы в 2015 году, делится своими впечатлениями:

«Фестиваль «КУБ» буквально за три года стал одним из самых ярких и значимых литературных событий в России. Это не преувеличение. Я живу в Москве и вижу, что за «КУБом» следят, о нем говорят, на нем престижно побывать, в нем участвовать.

Благодаря «КУБу» я встретился в этом году со своими читателями в Красноярске. Именно здесь состоялась презентация только что изданной книги «Зона затопления». Но главным для меня событием стал двухдневный семинар прозы, который мы вели вместе с Михаилом Тарковским. Этот семинар открыл нам несколько талантливых авторов, рукописи которых мы рекомендовали к публикации. Я отобрал ряд рассказов и повестей и предложил их в московские литературные издания...

Очень высок и разнообразен уровень поэтов Красноярска – это наглядно показала «Ночь поэзии», которую организаторы, наверное, неспроста поставили одной из первых в программе фестиваля. Этим поэтическим марафоном была продемонстрирована высокая планка фестиваля, и, как я могу судить, она в дальнейшем не опускалась.

Литературные фестивали возникают во многих регионах России. Большинство из них, к сожалению, имеют короткую историю. «КУБу» хочется пожелать долгой истории. Для немалого числа людей Красноярск теперь открывается благодаря вашему фестивалю».

Поэтическим семинаром руководили москвичи, поэты, филологи МГУ, Герман Власов и Юлия Белохвостова. Юлия также поделилась своими впечатлениями:

«Говоря о представленных подборках стихов, хочется отметить традиционный патриотический настрой, внимание к родной земле, своему краю, его природе. Порадовал общий позитивный настрой всех участников на продуктивный рабочий диалог, обмен знаниями, мнениями, чувствовалась взаимная заинтересованность и ведущих, и участников. Из авторов запомнились Валерий Казачков с его афористичными вступлениями к стихам, развернутые, неторопливые и захватывающие повествования Николая Вдовина, яркие поэтические зарисовки Оксаны Горошкиной и Ольги Фигуры, интересны стихи Дмитрия Филиппенко. Радуют отзывы участников семинара, которые мы продолжаем получать – они пишут, что семинар был полезен, интересен, это главный итог для тех, кто его готовил и проводил».

Мы, между прочим, не удивлены подобным тёплым словам. Действительно, за три года фестиваль значительно эволюционировал. Если первый можно было охарактеризовать как – пробный, намечающий собственные традиции, второй – уверенным в себе, то в 15-м году уже Международный «КУБ», отточив накопленный опыт, большинством гостей фестиваля был признан близким к совершенству: как по чёткой организации мероприятий, так и по тому теплоте искреннему приёму, которым славится только Сибирь.

А ведь прозой и поэзией наш ренессанс на новом витке прирос и гроздью новшеств, среди которых можно назвать мастер-класс Ирины Горюновой (Москва) «Книжный пиар: методы продвижения», «Документальное кино и литература. Художественные приемы и интеграция в сценарии» Оксаны Барковской (Москва), мастер-класс по написанию литературных трэвелгов Марины Йоргенсен (Португалия). По произведениям красноярца Рустама Карапетьяна мим-театр «За двумя зайцами» представил детский литературный спектакль, а в клубе «Пилот» работал музыкально-поэтический перформанс.

Вслед за статусом фестиваля попрос и статус предваряющего веер мероприятий конкурса им. И.Д.Рожественского. Начатый энтузиастами в 2010-м году, через пять лет он достиг всесибирского, межрегионального уровня, включая в себя всё новые и новые номинации. Поэты из других регионов, работающие по продвижению своего творчества, не хотят ударить в грязь лицом и высылают на конкурс лучшие образцы своего творчества. Оттого и закономерен перечень лауреатов.

В номинации «Поэзия» победил Алексей Ерошин из Новосибирской области, в номинации «Я себя не мыслю без Сибири» Джон Анфиногенов из Томской области. В «Повести» – призёр Евгений Рудашевский из Иркутска, а в «Малой прозе» – Олег Нехаев из Зеленогорска Красноярского края.

Школа наших «закрытых городов» чувствует себя и в других номинациях: в детской номинации «Поэзии» первый приз у Евгении Захарчук из Железногорска. В похожей номинации «Я себя не мыслю без Сибири» победила Виолетта Гусакова из Иркутской области. Приз за прозу – детский вариант – забрала Ксения Гутова из Алтайского края. Новые же номинации этого года от издательств «Эксмо» и «Время» фактически все разобрали иркутяни, новосибирочки, омичка и алтаичка. Зато в номинации «Поэтическое библиотечка» (изд-во «Время») первый приз у красноярочки Дарьи Лысенко.

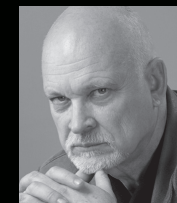
Доказывая своё название, фестиваль констатирует, что с книгой и умом за своё литературное будущее может быть теперь спокоен не только Красноярский край, но все сибирские регионы.

Вячеслав Килеса

Ирина Силецкая

Валерий Басыров

Вячеслав Килеса

«ВМЕСТЕ – ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ»

После распада СССР на территории Крыма возникло несколько писательских организаций, созданных в основном по национальному признаку. После вхождения Крыма в состав Российской Федерации Госсовет Республики Крым (в лице председателя Постоянной комиссии Государственного Совета РК по культуре Савченко С. Б.) собрал руководителей юридически зарегистрированных крымских литературных организаций и предложил создать единую крымскую организацию писателей.

9 августа 2014 года состоялось объединительное собрание членов писательских организаций Республики Крым. Исходя из того, что Крым стал субъектом Российской Федерации, писатели предложили создать региональную общественную организацию «Союз писателей Республики Крым» с центром в городе Симферополе. Это решение было поддержано большинством голосов. В Союз писателей Республики Крым вошли не только русскоязычные, но и крымскотатарские, украинские писатели, а также писатели других национальностей. 5 сентября 2014 года Союз писателей Республики Крым (СПРК) прошел государственную регистрацию, получил печать и открыл счет в банке.

Начинать приходилось с нуля: у нас не было ни офиса, ни оргтехники, ни сайта. Мы за счёт собственных зарплат и пенсий создали сайт «Союз писателей Республики Крым» (<http://pisatelcrimea.ru/>), восстановили издание в электронной форме газеты «Литературный Крым» и журнала «Крым» (получив на них свидетельства о регистрации), продолжили работу клуба писателей «Литературные встречи» и Республиканской литературной студии имени Николая Кобзева для юных авторов.

Сила любой организации зависит от её состава, и нужно отметить, что в этом отношении Союзу писателей Республики Крым (СПРК) повезло: в числе его членов такие маститые литераторы, как Валерий Басыров, Лев Рябчиков, Валерий Чепурин, Ольга Голубева, Юрий Иваниченко, Юрий Поляков, Лариса Афанасьева, Юрий Портов, Нузет Умеров, Сергей Овчаренко, Марина Шамсудинова, и другие. Все они известны далеко за пределами Крыма, имеют множество изданных книг и литературных премий.

Особое внимание СПРК уделил работе с юными авторами, тем более что опыт есть: с 2009 года для молодых литераторов, – в первую очередь школьников и студентов в возрасте от 12 до 28 лет – проводится Республиканский литературный семинар молодых авторов Крыма. Это – единственный семинар такого рода на территории Крыма, который до 2014 года организовывался и проводился Крымской республиканской организацией Национального союза писателей Украины, а с 2014 года – Союзом писателей Республики Крым. Между прочим, в Российской Федерации, да и в остальных странах СНГ отсутствуют семинары молодых авторов, где занятия проводились бы с возрастными категориями от 12 лет до 28. Есть другие семинары с возрастом от 18 до 35 лет, но они проводятся по направлениям (поэзия, фантастика, детская литература). Именно поэтому семинар молодых крымских авторов 2015 получил известность в культурном мире России: более 30 сообщений и статей в СМИ, информация с фото на сайте Министерства культуры РФ и т. д. По решению правления СПРК с 2016 года семинар будет проводиться на трех государственных языках Республики Крым: русском, украинском, крымскотатарском.

Кроме ежегодного семинара, очень активно под руководством члена Союза писателей Республики Крым Виктории Анфимовой работает Республиканская литературная студия им. Николая Кобзева. Дважды в месяц студии собираются на заседания, выступают перед читателями библиотек, в учебных заведениях. Наиболее значительные мероприятия, проводимые студией, размещаются на сайте Союза писателей Республики Крым, на сайтах крымских библиотек, публикуются в газете «Литературный Крым» и других средствах массовой информации.

Не менее активно под руководством членов Союза писателей Республики Крым Вячеслава Демченко и Златы Андроновой работает Керченская молодёжная литературная студия «Депо Пегаса». С 3-го

октября 2015 года под эгидой Союза писателей Республики Крым и по инициативе Керченской молодёжной литературной студии «Депо Пегаса» начался интернет-турнир «Всекрымские Пегасы бои» молодёжных литературных объединений Крыма за переходящее звание «лучшего молодёжного объединения года». Кроме литературной студии «Депо Пегаса» (Керчь) и студии им. Н. Кобзева (Симферополь), в турнире принимают участие литературная студия им. Б. Балтера (Евпатория), молодёжная сборная Белогорска и юношеский литературный клуб «Хорошо» (Симферополь). Информационную поддержку турнира обеспечивают литературный журнал «Крым» (г. Симферополь), «Золотой Пегас» (г. Севастополь), газеты «Московский Комсомолец (Крым)» и «Литературный Крым».

С 2012 года на базе читального зала «Русский центр им. А. С. Пушкина» Крымского республиканского учреждения «Универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко» функционирует клуб крымских писателей «Литературные встречи», где происходят ежемесячные встречи писателей (причем не только крымских) с любителями литературного творчества, литературные концерты и театрализованные постановки. В их числе такие интересные сценарии, как «Новогодний литературный фестиваль» и «Новый год нам принесет...», «Посмеёмся на здоровье», «Крымская весна литературы», встречи с писателями Львом Рябчиковым, Юрием Портовым, Венерой Юлдуз, Аркадием Вакуленко, Дмитрием Болдиным, Зинаидой Дудченко, награждения и выступления лауреатов конкурса имени А. Куприна, презентации журнала «Крым».

С 12 июня 2013 года мы проводим Международный литературный конкурс имени А. Куприна. Согласно условиям проводимого в трёх номинациях конкурса (проза, поэзия, произведения для детей), премия присуждается за лучшие прозаические и поэтические произведения на русском языке, опубликованные не ранее 01.01.2012 года, а также неопубликованные произведения: яркие, увлекательные, этически и эстетически значимые. Выбор писателя, чьё имя освящает конкурс, был обусловлен двумя обстоятельствами. Первое – проводимый крымскими писателями Международный конкурс имени А. Куприна – единственный в мире. Второе обстоятельство: Александр Куприн – один из немногих значительных писателей, для которого Крым оказался не местом временного проживания или лечения, а сакральной землей, менявшей его судьбу. Конкурс проходит анонимно, в числе членов жюри: директор Крымской республиканской детской библиотеки им. В.Н. Орлова Наталья Аносова, секретарь Союза писателей Москвы Лола Звонарева, редактор журнала «Кольцо А» Елена Сафронова. В конкурсе 2015 года приняли участие 142 автора, представивших 168 произведений. География проживания участников конкурса: Германия, Беларусь, Казахстан, Республика Башкортостан, Украина, Россия. Одну треть участников конкурса составили крымчане. Наиболее активно участвовали в конкурсе россияне: Хабаровск, Красноярск, Рязань, Москва, Братск, Санкт-Петербург, Оренбург, Брянск, Нижний Новгород, Белгород, Кострома, Саратов, Вологда и т. д.!

В 2015 году Союз писателей Республики Крым совместно с ГБУК РК «Крымская Республиканская детская библиотека им. В. Н. Орлова» при поддержке Министерства культуры Республики Крым провёл поэтический конкурс, посвящённый 85-летию со дня рождения знаменитого крымского писателя В. Н. Орлова. В конкурсе приняли участие 56 детских авторов из семи стран мира: России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Израиля, Германии, США, которые представили в трёх номинациях более 150 работ.

С весны 2015 года СПРК совместно с домом-музеем им. И. Сельвинского, юмористическим творческим объединением «Улыбка Пегаса» при поддержке Министерства культуры Республики Крым проводит смотр-конкурс «Сёла Крыма». Задуманный членом Союза писателей Республики Крым Анатолием Потенко, смотр проводится в виде поэтапной презентации – не реже одного раза в квартал – своего творчества коллективами отдельных сёл по утверждённому графику. Каждое село представляет свой творческий потенциал (литературный, художественный, хореографический, спортивный), рассказывает свою историю и планы на будущее. К настоящему моменту презентовали себя такие села, как Малореченское, Солнечногорское, Рыбачье, порадовав зрителей танцевальными выступлениями детей и песнями на крымскотатарском языке седых аксакалов.

Крым – территория фестивалей, которые проводят как литературные объединения, так и профессиональные писательские организации. Уровень их различен, и пространство, отделяющее друг от

друга, хотя и не так велико, как у декабристов и народа, но ощутимо. Наиболее известные в Крыму литературные фестивали: «Славянские традиции» (г. Щелкино), Международный литературный Волошинский конкурс (Коктебель), Международный Гумилевский поэтический фестиваль (Коктебель), «Чеховская осень» (Ялта), «Ялос» (Ялта), «Трамвайчик» (Евпатория), «Казантип» (Щелкино), «Крымфест» (Севастополь), «Пристань менестрелей» (Севастополь), «Фанданго» (Феодосия), «Алые паруса» (Старый Крым). Три из этих фестивалей – «Ялос», «Трамвайчик», «Казантип» – проводятся при поддержке и участии СПРК. Фестиваль – это значимое мероприятие, литературный праздник с массовым участием населения: кроме участников, на мероприятиях фестиваля присутствуют жители города и отдыхающие. Мы искали городскую власть, заинтересованную в устройстве престижного крымского фестиваля – и нашли её в лице председателя Сакского городского совета Владимира Добрянского, главы администрации города Саки Андрея Ивкина, заместитель главы администрации Шерифа Османова, начальника отдела культуры, молодежи и спорта Людмилы Кобец. Совместными усилиями мы в 2015 году провели Международный литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон», собравший 114 писателей. Было удачно выбрано время фестиваля: середина августа, разгар курортного сезона. Да, ударило по карманам как организаторов, так и участников «Интеллигентного сезона», но зато в фестивале смогли принять 35% учителей и 18% школьников и студентов. А каким тёплым было море, и как приятно в нём было побарахтаться приехавшим из Твери, Сыктывкара, Казани, Тамбова, Киева, Харькова, Москвы и других далёких от моря городов.

В 1946 году в маленьком курортном городе Канны на французском Лазурном Берегу был впервые проведен кинофестиваль, получивший название «Каннский». Кинофестиваль не только сделал город популярным, но и наполнил его туристами, ежегодно принося городу огромную прибыль. И мы надеемся, что Саки посредством фестиваля «Интеллигентный сезон» станут Каннами литературного мира.

Очень важными для нас были встречи с писателями «материковой» России. В числе таких встреч: общение и обмен мнениями с делегацией Союза писателей Москвы во главе с Лолой Зварёвой, группой писателей из города Бийска Алтайского края во главе с Сергеем Филатовым, главным редактором журнала «Искатель. Украина» Андреем Дмитруком (г. Киев), координатором книжной ярмарки «Бу!Фест» Лесей Русалёвой (г. Владимир), главным редактором журнала «Нева» Натальей Гранцевой, поэтом Владимиром Шемшученко (г. Санкт-Петербург), поэтами из Краснодара и Белгорода Татьяной Мороз и Светланой Осачук, главным редактором литературного журнала «Петровский мост» Игорем Безбородовым (г. Липецк), организаторами конкурса «Книгуру» (Москва) и т. д.

К сожалению, члены СПРК по финансовым обстоятельствам не смогли посещать коллег за пределами Крыма и только председатель СПРК Валерий Басыров по персональному приглашению участвовал в Международном литературном фестивале «Дни белых журавлей» (Махачкала).

Ежеквартально мы издаем литературно-художественный журнал «Крым» (главный редактор – Валерий Басыров), продолжающего традиции известного литературно-художественного альманаха «Крым», выходявшего с 1948 по 1962 год. Каждый альманах (а за 14 лет в свет вышел 31 номер) становился событием для тогдашнего поколения читателей полуострова, и нынешний состав редакции старается поддерживать престиж журнала, в числе авторов которого в 2015 году были Инна Рикун (Одесса), Юрий Бердан (Нью-Йорк), Наталья Крофтс (Сидней), Елена Джеро (Рим), Елена Сафронова (Рязань), Владимир Спектор (Луганск), Александр Мельников (Франкфурт-на-Майне), Иван Нечипорук (Горловка), Ирина Горбань (Макеевка) и другие писатели. В каждом номере журнала обязательно присутствуют произведения писателя, ушедшего из жизни (в 2015 году это были симферопольцы Валерий Субботенко, Александр Рудь, Леонид Панасенко) и юного автора. Большим интересом пользуется раздел «Гость журнала», куда приглашались Вероника Долина (Москва), Людмила Щипахина (Москва), Александр Раевский (Новокузнецк). Журнал выходит на двух языках: русском и украинском, и рассылается в электронном формате в библиотеки Крыма.

Очень популярна созданная в 2001 году русско-украинская газета «Литературный Крым» (главный редактор – Вячеслав Килеса), ежемесячно дающая картину литературной жизни Крыма. Более трети материалов в газете – информация библиотек о проводимых мероприятиях. В числе обязательных разделов: «Поэтическая гостиная», проза, поэзия, презентация книги, заседания клуба «Литературные встречи». За время существования газета приобрела известность среди людей культуры не только в Крыму, но и за его пределами. Сегодня газету знают в Украине, России, Белоруссии, а также в странах дальнего зарубежья, где живут писатели – выходцы из СССР. Это такие страны, как Германия, Испания, Италия, Израиль, США и Канада.

Мечта каждого писателя: опубликовать свои произведения, и в этом им помогает многопрофильное издательство «Доля» (собственник – Валерий Басыров). Ежегодно в издательстве выходит в свет до 100 наименований, значительную часть которых составляют крымские авторы.

Подробную информацию о деятельности организации даёт сайт Союза писателей Республики Крым. Состоит он из восьми разделов – «О союзе», «Правление», «Газета», «Журнал», «Видео», «Литературные встречи», «Конкурсы», «Студия им. Н.А. Кобзева», «Фестивали», – каждый из которых посвящён той теме, о которой говорится в заголовке. Желаящие могут ознакомиться с Уставом СПРК, руководящими органами, изданными за последние годы газетами и журналами, просмотреть снятые о союзе и его членах видеофильмы, прочитать информацию о заседаниях клуба «Литературные встречи» и Республиканской литературной студии им. Н.А. Кобзева, поучаствовать в проводимых СПРК литературных конкурсах и фестивалях. Подраздел «Избранная новость» позволяет размещать на сайте объявления о планируемых СПРК мероприятиях.

Ощутимую поддержку нам оказывают крымские библиотеки и – время от времени – Министерство культуры и Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым.

Об успехах говорить всегда приятнее, чем о неудачах, главная из которых: мы так и не научились добывать деньги из бюджета, и вся проводимая СПРК деятельность держится на энтузиазме и личном кошельке его членов. Единственное утешение: это психологически выработанное отношение к жизни поколения, рождённого в СССР. Данное поколение породило людей, которые могут рисковать, решать проблемы и создавать нечто, чего до этого не существовало, без копейки денег. У нас была свобода выбора, право на риск и неудачу, ответственность, и мы научились пользоваться этим. И ещё: мы научились находить друзей. Надеюсь, что в этом поможет и публикуемая статья: ведь все самое лучшее случается неожиданно!

Валерий Басыров

АНОНС МЕРОПРИЯТИЙ, ЗАПЛАНИРОВАННЫХ СООЮЗОМ ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ НА 2016 ГОД

Ежемесячное проведение заседания клуба писателей «Литературные встречи» (существует с 2012 года, совместно с библиотекой им. И. Франко, заседание – каждое второе воскресенье в 14 часов).

Проведение ежегодного Республиканского литературного семинара молодых авторов Крыма (при поддержке Министерства культуры и Министерства образования, науки и спорта Республики Крым, проводится с 2008 года). Очередной семинар – 24 апреля 2016 года.

Проведение ежегодного Международного литературного конкурса имени А. Куприна (проводится с 2013 года; единственный в мире фестиваль, посвящённый А. Куприну). Приём произведений на соискание Премии имени А. Куприна начинается 1 апреля 2016 года и заканчивается 1 августа 2016 года. Список финалистов» объявляется не позднее 1 сентября 2016 года.

Проведение ежегодного Международного литературного фестиваля «Интеллигентный сезон» (проводится с 2015 года; соучредитель – администрация г. Саки Республики Крым при поддержке Министерства культуры Республики Крым и Европейского конгресса литераторов (Прага). Очередной фестиваль – с 18 по 22 августа 2016 г.

Проведение ежеквартального смотра-конкурса «Сёла Крыма» (проводится с 2015 года совместно с домом-музеем им. И. Сельвинского);

Ирина Силецкая

ФЕСТИВАЛЬ «СЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ»

Лето, Крым, фестиваль «Славянские традиции» В самом конце лета опять отгремел Седьмой международный фестиваль литературы и культуры «Славянские традиции» на Казантипе, неизменным председателем жюри которого уже седьмой год является Юрий Поляков. 102 участника собрались на берегу Азовского моря, чтобы представить на суд зрителей и членов жюри свои произведения, посоревноваться друг с другом в поэтическом мастерстве, проехать по литературным местам Крыма, просто позагорать и покупаться в теплом Азовском море.

В этом году в главной поэтической номинации – «Поэзия, свободная тематика» победил Алексей Бандорин из Рязани, в номинации «Стихотворение о любви» – Сергей Балиев из Новосибирской области, «Юмористическое стихотворение» – Владимир Сульдин из Самары, «Стихотворение о Праге» – Вера Суханова из Смоленска, в номинации «Литературный перевод» победу одержал Ольга Борисова, а в «Малой прозе» – Игорь Терехов из Нальчика. В «Стихоборье» победил Валерий Савостьянов из Тулы. Григор Апоян из Америки провел интересный семинар по вопросам поэзии, профессор консерватории из Ростова – на-Дону Наталья Бекетова посвятила свой доклад взаимодействию музыки и поэзии, профессор Минского университета Вадим Салеев провел несколько занятий по эстетике в поэзии.

Состоялся конкурс «Поющие поэты», на котором победила Валентина Магер со Щелкино, а в поэтическом турнире по настольному теннису победу одержал чешский поэт и скульптор Ярослав Вокал из Праги. Состоялись презентации книг: Ирины Силецкой – «Желания женщины, «Зажигающему свет» – Михаила Папковского из Беларуси, «Прогулки с ветром» и «Зимний сад камней» – Игоря Терехова из Нальчика, «В городе и на отшибе» – Нины Кроминой из Самары, «Партитура Жизни» и «Симфония бытия» – Галины Дубининой из Москвы, «Так во все времена» – Сергея Балиева, «Все начинается с тебя» Алексея Бандорина, «Русский крест» Валерия Савостьянова и других.

На фестивале Дмитрий Воронин и Валерий Басыров презентovali и новые выпуски литературных журналов: «Берега», изданный в Калининграде и «Крым», изданный в Симферополе. Интересно прошли вечера «Литературной газеты» и журнала «Нева», которые вели Владимир Шемшученко и Наталья Гранцева.

Прошел вечер литературного объединения ДООС, на котором было презентовано издательство ДООС, руководителем которого является Маргарита Аль из Москвы, главным редактором Константин Кедров, выпускающим редактором Елена Кацюба, были презентованы книги новой серии «Поэты ДООСа», новые выпуски журнала «Журнал ПОэтов», на своем творческом вечере выступил профессор Константин Кедров. Не менее десяти мастер-классов по поэзии и прозе провели члены жюри фестиваля. Кроме того, участники фестиваля традиционно посетили знаменитые литературные музеи Крыма: музей А. Грина в Феодосии и в Старом Крыму, музей К. Паустовского и литературно-художественный – в Старом Крыму, музей Марины и Анастасии Цветаевых, картинную галерею И. Айвазовского в Феодосии, Волошинский музей в Котелбеле, где провели также и литературные чтения. Очень динамично проходили конкурсы зрительских симпатий по всем номинациям, на которых зрители в зале определяли прямым голосованием победителей. Жаль, но праздники заканчиваются вместе с летом, впереди новый трудовой и учебный год, но надежда встретиться на берегу Азовского моря в следующем году остается. А без надежды как нам жить?

СТИХОТВОРЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Валерий Савостьянов (Тула)

НА БИС ЧИТАЮЩАЯ БЛОКА

Ну надо ж –
не перевелись
В аду метро, в чаду парковок
Виденья вдохновенных лиц,
Черты Прекрасных Незнакомк!...

Алексей Бандорин (Рязань)

На полной скорости, до полного износа
Лететь с ума ослушником судьбы,
Слететь с ума к подножию толпы –
Вниз головой с высокого откоса

На полной скорости, до полного износа
Лететь с ума, убив в себе раба,
Пусть возмущается завистливо толпа –
Мне жаль её: не видит дальше носа.

На полной скорости, до полного износа
Лететь с ума, пространство полюбя,
Лететь с ума, чтоб разгадать себя,
Лететь с ума, чтоб не заела проза.

Сергей Балиев (Новосибирская область)

ТАМ, ГДЕ РЕЧЬ ЕЩЕ БЕССВЯЗНА

Там, где речь еще бессвязна,
Жесты и шаги корявы,
Распускаясь дивной вязью,
Обрастает сказка явью;
Там, где вехи неделимы
Пресловутым – до и после,
Где сплелись и хмель, и схи́ма,
Где сошлись разгул и постриг;
Где потоки все на капли
Разбиваются порогом,
Где языческому богу
Я молюсь на углях капищ;
Там, где вехи неделимы,
Где века неопалимы,
Где леса врастают в небо,
Где года врастают в небыль –
Кротким отроком я внемлю
Всем преданьям и поверьям.
И врастаю в эту землю,
В эти травы и коренья.
Все ответы да обряцешь
Там, где скрыто все – и зримо.
Там, где мой далекий пращур
Тайное откроет имя...

Вера Суханова (Смоленск)

ВОЛГА

Реки натруженная плоть, –
Следы мазута, как мозоли, –
Как лошадь в ломовой неволе,
Которую не обороть.
Встают стальные города
И своевольные плотины,
Ты спину гнешь на их турбины
И носишь на плечах суда.
Уздою сдержан твой разбег,
И взаперти мутнеют воды,
Уже иссохли вены рек,
Иссякли силы у природы,
А суетливый человек
Всё ищет для себя свободы...

Кабардино-Балкарская Республика

Игорь Терехов

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

ФЕВРАЛЬ

В городе Чегеме в мемориального Доме-музее Кайсына Кулиева состоялся вечер, посвященный 125-летию со дня рождения выдающегося русского поэта Бориса Пастернака, с которым К. Кулиева связывала многолетняя дружба.

МАРТ

В Нальчике в Доме печати во Всемирный день писателя прошла презентация двух книг писателя и журналиста Игоря Терехова «Прогулки с ангелом» (сборник малой прозы) и «Зимний сад камней» (стихи и удетероны).

В городе Майском в районном историко-краеведческом музее открылась выставка «Война и мир» Л.Н. Толстого – роман на все времена» из фондов московского Государственного музея Льва Толстого.

В Нальчике в Национальной библиотеке им. Т. Мальбахова состоялся круглый стол на тему «Литература и чтение в культурном пространстве КБР», в котором приняли участие депутаты парламента КБР, представители творческих союзов, деятели культуры, редакторы периодических изданий, сотрудники издательств и творческая молодежь.

В Нальчике в Фонде культуры КБР состоялось торжественное открытие Года литературы в Нальчике, в котором приняли участие писатели, поэты, учителя русского и родных языков, представители Общества книголюбов КБР, администрации Нальчика, а также издательств и книжных магазинов города.

В Нальчике в Кабардинском государственном драмтеатре им. А. Шогенцукова состоялся праздничный вечер, посвященный Дню работника культуры и торжественному открытию Года литературы в Кабардино-Балкарии.

АПРЕЛЬ

В Нальчике в Доме печати прошла презентация книги известного балкарского поэта, президента Клуба писателей Кавказа Салиха Гуртуева «Ребенок греется у Вечного огня», в которую вошли стихи и эссе, посвященные Великой Отечественной войне и судьбе балкарского народа.

В Нальчике в здании Мемориала жертв политических репрессий прошла презентация книги писателя и журналиста Хыйсы Османова на балкарском языке «Жашладан хапар билдиргиз...» («Расскажите нам вести о парнях...»), посвященная судьбе балкарцев – участников Финской и Великой Отечественной войн.

ИЮНЬ

В Нальчике возле памятника выдающемуся балкарскому поэту Кайсыну Кулиеву прошли мероприятия, посвященные 30-летию со дня его смерти. Продолжились мероприятия в городе Чегеме в мемориальном доме-музее К. Кулиева, где посетители музея смогли увидеть выставку писем, фотографий и других исторических свидетельств военных лет К. Кулиева и его друзей – фронтовиков.

Нальчикское издательство Марии и Виктора Котляровых выпустило роман адыгейской писательницы Нурихан Кияровой «Я крови спесь угомнил», посвященный жизни А. С. Пушкина.

В Нальчике возле памятника А. С. Пушкину горожане торжественно отметили Пушкинский день России.

ИЮЛЬ

В Нальчикском санатории «Грушевая роща» состоялся творческий вечер московского поэта, шоумена и исполнителя своих песен Игоря Мухина.

В Нальчике в Фонде культуры КБР прошла презентация трехтомника произведений на кабардинском языке писателя, отличника народного образования РСФСР, заслуженного учителя КБАССР Хапачи Каширгова (1914–1987).

В Нальчике у здания городской администрации возле памятника выдающемуся кабардинскому писателю, Герою Социалистического Труда Алим Кешокову (1914–2001) прошли торжественные мероприятия, приуроченные к 101-ой годовщине со дня его рождения.

АВГУСТ

В Нальчике в Доме печати прошла пресс-конференция кабардинской поэтессы, продюсера и кинодокументалиста Любы Балаговой, постоянно проживающей в Лондоне, в связи с выходом в нальчикском издательстве Марии и Виктора Котляровых книги стихов «Уиндзэр и уэшх щхъуафэхэр» («Синие дожди Виндзора», на кабардинском языке).

СЕНТЯБРЬ

В Нальчике в издательстве Марии и Виктора Котляровых вышла в свет повесть Льва Толстого «Хаджи-Мурат», переведенная на кабардинский язык председателем Союза журналистов КБР Борисом Мазиховым.

В Нальчике под эгидой Клуба писателей Кавказа вышел альманах «Под тенью чинары», куда вошли произведения писателей Дагестана, Адыгеи, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Чечни, Северной Осетии, а также Азербайджана и Армении.

В Нальчике под патронатом Фонда С. Филатова прошло Восьмое совещание молодых писателей Северного Кавказа.

ОКТЯБРЬ

В Нальчике в Музее изобразительных искусств состоялся творческий вечер ингушской поэтессы Тамары Чаниевой.

В Нальчике в Доме печати прошла презентация альманаха Клуба писателей Кавказа «Под тенью чинары»

До конца года в Нальчике планируется провести проведение ряд мероприятий, посвященных юбилеям писателей Али Шогенцукова (1900–1941), Берта Гуртуева (1910–2001), Валентина Кузьмина (1925–2011). Мероприятия пройдут под эгидой Института мировой литературы имени А.М. Горького, Союза писателей и Министерства культуры КБР. Планируется круглый стол «Опыт создания академического труда по истории литературы народов Северного Кавказа», – сообщил инистр культуры КБР Мухадин Кумахов.

В Нальчике в Национальной библиотеке им. Т. Мальбахова состоялся творческий вечер, посвященный 115-летию со дня рождения классика кабардинской литературы Али Шогенцукова, погибшего в немецком концлагере.

Александр Бубнов

V АРТ-ФЕСТИВАЛЬ «КУРСКИЙ КОНТЕКСТ»

10 марта 2015 года общественность города Курска заметила, что стали разбирать дом под номером 17 по улице Почтовой («Дом Малевича»). В итоге снос дома удалось остановить... Это событие ускорило подготовку V арт-фестивала «КУРСКИЙ КОНТЕКСТ» и формулировку его геопозитической арт-концепции «Курский Квадрат» (подробнее о концепции см. статью А.Бубнова «Курский Квадрат: малая геопозитика и мистика» // Журнал ПОэтов, 2015, № 2 (64), стр. 52–55). Фестиваль прошёл 2–4 апреля. В нём участвовали курские поэты, музыканты, художники, барды, фотографы: Анатолий Афанасьев, Елена Вострикова, Андрей Плахотников, Игорь Петров, Владимир Аникин, Сергей Князь, Сергей Здоровцов, Сергей Михеев, Павел Эшов, Александр Бубнов, авторы «Студии Стиха» при Областной библиотеке им. Н.Н. Асеева (руководитель – Анатолий Афанасьев), а также лидер концепт-рок-группы «Всё Путём» Юрий Боб. Специальным гостем фестиваля стал Александр Князев – поэт, лермонтовед и музыковед из Санкт-Петербурга. В рамках фестиваля 2 апреля в Курской областной библиотеке состоялась «Школа-студия Стиха», презентация фестиваля и свободные чтения; а на следующий день – встреча поэтов и студентов-филологов на филфаке Курского госуниверситета. В «квадратную» дату 04.04.2015 прошли фестивальные акции «Супрематический Угол» (галерея «АЯ»), «Водная СТИХИЯ» (памяти «поэта кино» Андрея Тарковского), «СТИХИЯ земли» (памяти «концептуального поэта» Казимира Малевича), «СТИХИЯ воздуха и ветра» (памяти «поэта техники» Анатолия Уфимцева). Акция «СТИХИЯ огня и огонька» была «перенесена» на вечер во Дворец пионеров и школьников города Курска, где состоялся заключительный гала-концерт «Курский Квадрат».

Специальный гость фестиваля:

Александр Николаевич КНЯЗЕВ (Санкт-Петербург) – поэт, лермонтовед.

Александр Князев

*Облако обнимает горы вершину.
Осязаемо рука к нему тянется.
Отдаёшься миражу.
Сердце любит – оно не обманется.*

VI АРТ-ФЕСТИВАЛЬ «КУРСКИЙ КОНТЕКСТ»

В Курске с 7 по 10 октября 2015 года прошёл уже 6-й по счёту арт-фестиваль «Курский контекст», основателем и организатором которого является Курский представитель Русского ПЕН-клуба и Российского союза профессиональных литераторов (РСПЛ) Александр Бубнов. На этот раз фестиваль был посвящён 130-летию Велимира Хлебникова. Специальными гостями фестиваля были москвичи – художник и поэт Михаил Погарский и поэт Александр Воловик. Многие акции фестиваля были названы хлебниковскими строками: «Синий красивейшина роняет долу хвост» (чтение стихов в областном эколого-биологическом центре потерявшему хвост павлину, символу Воскрешения и Успеха), «Двинемся в путь очарованный» (заключительный гала-концерт во Дворце пионеров и школьников города Курска). Состоялись акции около домов, где жили Даниил Хармс, Александр Введенский и Казимир Малевич. Фестиваль постоянно сотрудничает не только с литераторами, бардами, музыкантами, но и с художниками (вечер бук-арта) и фотографами: в рамках фестиваля в к/т «Юность» прошла междисциплинарная фотопозитическая выставка «Фотоимажинизм», в рамках которой фотографии-участники выставки (Александр Бубнов,

придумавший слово «фотоимажинизм» Сергей Здоровцов, а также Галина Кудрявцева и Андрей Плахотников) подписались под одноимённым манифестом, написанном А. Бубновым. На фестивале откликнулись местные СМИ: «И я свирел в свою свирель» (рецензия газеты «Городские известия» от 13 октября), «Образы “Курского контекста”» (большое интервью Александра Бубнова газете «Курск» от 21 октября), а также радиоинтервью, новостные телесюжеты и интервью ГТРК «Курск», ТК «Такт», ТК «Сейм».

Участники: поэты, барды, художники, фотографы; детские объединения Дворца пионеров и школьников города Курска, а также школ города; юные литераторы, художники, фотографы.

Специальные гости фестиваля:

Михаил Валентинович Погарский, писатель, поэт, художник.

Александр Иосифович Воловик, поэт.

Михаил Погарский

ПЕРЕИЗОБРЕТЕНИЕ КОЛЕСА

Слова и мысли зацикливаются...

Находят самих себя.

Ломкое двуемыслие

Бьётся в людях дождя.

Ливни смывают набело

Всю шелуху сует.

Мыслей густое марево

Льётся не вниз, а вверх!

Переизобретается

Самая суть колёс.

Стих, как седьмое таинство

Сходит волной на плёс...

Александр Воловик

*Мне нужен в каждой строчке,
как говорится, фольтик¹,
чтобы оттуда рожки
казал весёлый чёртик.
А через годы – Ну-ка! –
матёрый крикнет чёрт, –
Поэзия – наука,
искусство или – спорт?!*

¹ «Фольтик» – неожиданный ход в тексте, игра ума, «примочка», «прикол» (прим. ред.).

Арсен Мирзаев

«МАЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ НОВЫХ ПОЭТОВ»

Ежегодное мероприятие, проводимое под патронажем СПбЛитГида с 2001 года (с пропуском 2003, 2010 и 2012). Куратор фестиваля – Дарья Суховей. В 2002 фестиваль из городского стал региональным, в 2004 – общероссийским, в 2005 – международным. В разные годы фестиваль был площадкой для таких известных ныне поэтов, как Линор Горалик, Всеволод Зельченко, Дмитрий Кузьмин, Алина Кудряшева, Анна Русс, Федор Сваровский и др. Среди открытий майского фестиваля можно упомянуть имена Алексея Афоина, Аллы Горбуновой и Алексея Порвина, эти поэты стали затем лауреатами премии «Дебют».

Правила майских фестивалей

Состав участников майского фестиваля определяется куратором по результатам наблюдений над литературным процессом и чтением текстов. В 2006 году был создан экспертный совет из нескольких участников предыдущих фестивалей для решения спорных вопросов и технических проблем, но решающее слово остаётся за куратором.

Майский фестиваль новых поэтов призван открывать новые имена в современной русской поэзии, проблематизировать сложившиеся точки зрения на поэтический язык и литературную географию.

Участвуют в фестивале и петербургские поэты, и гости города, и даже гости страны. Правила фестиваля год от года не меняются: участвовать в основной фестивальной программе можно только 1 раз; каждый автор читает 15 минут, чтоб полноценно представить свой эстетический диапазон; к фестивалю издаётся каталог с биографическими справками и текстами поэтов.

Менее формальные правила фестиваля:

- каждые чтения открывает одним стихотворением поэт, находящийся в зале, произвольно выбираемый куратором;
- употребление алкоголя во время фестивальных чтений запрещено;
- использование технических средств, реквизита и т.п. возможно по согласованию с куратором, но важно, что на фестивале в первую очередь представляются тексты поэтов, а не шоу.

Программа авторского чтения ориентирована на обозначение диапазона индивидуальной поэтики. К фестивалю издаётся каталог с биографиями и стихами.

Программа чтений сознательно выстраивается по принципу контраста между соседними выступлениями.

Майские фестивали – неконкурсные по своей природе.

Куратор фестиваля – Дарья Суховей

Литкарта: <http://www.litkarta.ru/russia/spb/institutions/may-fest/>

«АВАНТ»

Поэтический фестиваль, который проходит во время новогодних праздников, и это единственный поэтический фестиваль, который проводится сразу в нескольких городах. Фестивальные чтения проходят ежедневно в течение всех зимних каникул, каждый день в другом городе. Начинается фестиваль первого января.

Первый АВАНТ-фестиваль, называвшийся «Всё путём!» (2011 год), проехал по пяти городам: Москва, Рязань, Царское Село, Санкт-Петербург и Гатчина. Второй фестиваль «АВАНТ-2012» побывал уже в девяти городах: Великий Новгород, Тверь, Нижний Новгород, Киров, Екатеринбург, Казань, Москва, Калининград, Санкт-Петербург. А третий фестиваль «АВАНТ-ЛЕФТ» (2013 год) вышел на международный уровень. Он начался в Санкт-Петербурге, затем были Вильнюс, Рига, Минск, Киев, Харьков, и финишировал фестиваль в Москве.

Маршрут АВАНТ-фестиваля составляет куратор Дарья Суховей. Организовывать чтения ей помогают региональные организаторы.

Еще одной важной деталью является то, что на каждом поэтическом чтении фестиваля звучат стихи участников предыдущих чтений.

В АВАНТ-фестивале обычно участвуют как местные, так и приезжие поэты. Отбор участников осуществляется куратором в сотрудничестве с региональными организаторами. К участию приглашаются как известные поэты, так и дебютанты. Некоторые начинающие авторы смогли впервые заявить о себе исключительно благодаря АВАНТ-фестивалю. Каких-либо эстетико-технических приоритетов у АВАНТа также нет, фестиваль призван продемонстрировать всё разнообразие типов поэтического высказывания.

Привозя поэтов в разные города, АВАНТ-фестиваль показывает локальные литературные среды друг другу, устраняет разделяющие их границы, не позволяющие видеть интересные и живые явления поэзии за пределами своего региона. Фестиваль выступает как непосредственная передача по эстафете эстетического опыта. Тем самым достигается главная цель АВАНТ-фестиваля – создание единого поэтического пространства, где ни расстояния, ни государственные границы, ни разные языки не являются препятствием для бытия поэзии.

АВАНТ-фестиваль является независимым проектом, не входящим в план работы каких-либо существующих официальных институций.

По итогам фестиваля выпускается сборник стихов участников. К настоящему моменту вышли сборники: «Снежный ком» – фестиваль 2011 года, «На зимних поездах» – фестиваль 2012 года, и «Череда приземлений» – фестиваль 2013 года.

<http://www.litkarta.ru/projects/avant-festival>

Куратор – Дарья Суховей

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОСТЫ»

В рамках Года литературы и XII ежегодного открытого Международного литературного фестиваля «Петербургские мосты-2015» 4 июля 2015 года в 16:00 у памятника Михаилу Зощенко в городе Сестрорецке впервые состоится уникальное литературное событие, где все желающие смогут стать не только зрителями, но и участниками танцевального перформанса на стихи современных авторов «Привлекаем зрителя к поэзии, привлекаем читателя к танцу», музыкально-поэтического концерта при участии «звезд» современной поэзии «Поэтическое Сестро-речие», конкурса зрителей на лучшие юмористические стихи «Продолжи строчку».

В этот день гости и жители Курортного района познакомились с творчеством Ефима Бершина, Геннадия Калашникова, Михаила Мельникова, Ирины Котовой, Бориса Панкина, Ирины Горюновой, Лилии Газизовой, Артема Морса, Ивана Клинова, Александра Павлова (Россия), Натальи Романовой (Украина), Людмилы Казарян, Ларисы Йоонас, Елены Сабининой (Эстония) и многих других.

Фестиваль «Петербургские мосты» был задуман как беспрецедентный форум, объединяющий как известных, так и начинающих авторов, принадлежащих к различным литературным направлениям, основной целью которого, является сохранение и развитие культурных традиций Петербурга.

Для участия в фестивале приглашаются представители наиболее активных литературных обществ Санкт-Петербурга и других городов России, популярных сетевых литературных ресурсов, а также русскоязычные авторы ближнего и дальнего зарубежья.

Программа фестиваля 2015 года очень интересна, насыщена и включает в себя: выступления поэтов, финалы конкурсов и турниров, встречи, обсуждения, презентации новых книг и т.д. Мероприятия пройдут в июле и октябре на различных площадках Санкт-Петербурга, в том числе в городе Сестрорецке и поселке Комарово. С более подробной информацией можно ознакомиться на сайте www.piter.ru.

XII ежегодный открытый Международный литературный фестиваль «Петербургские мосты-2015» проводится при участии и поддержке: Комитета по печати и взаимодействию со средствами массо-

вой информации Правительства Санкт-Петербурга, администрации Курортного района Санкт-Петербурга, муниципальных советов и местных администраций ВМО Санкт-Петербурга города Сестрорецка и поселок Комарово, Союза писателей Санкт-Петербурга, РПГ «Креатив лаб», Клуба кураторов литературных фестивалей России, фонда «Созидающий мир», СПбГБУК «Централизованная библиотечная система Курортного района».

ЛАНДШАФТНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ «ПУШКИНСКИЕ ЛАБОРАТОРИИ»

В 2015 году уже в четвертый раз ландшафтный поэтический фестиваль «Пушкинские лаборатории» оккупирует парковые пространства Пушкина и Павловска. Что руководит лабораториями? Необходимость переосмыслять фестивальный формат, тяга к кустарному акционизму, мечта о создании эко-институций, временно учреждаемых в пространстве полиса и регулярно его обновляющих?.. Проще всего рассматривать фестиваль как сочетание психогеографического дрейфа и исследования, поиска возможных связей между поэтическим текстом и пространством его презентации. У фестиваля есть маршрут, предзаданный улице и стихам. Идущий по маршруту может открывать каждую станцию как камерный зал, или, наоборот, отбрасывать условности, свободно включая себя в общее действие. На первый взгляд, такая необязательность превращает фестиваль в прогулку, но именно свойственная прогулке разнородность внимания, возвращает маршруту смысл в момент остановки, когда идущие переводят дыхание, обращаясь к слову и голосу, а слово и голос обнаруживают поэта.

В этом году у фестиваля появится акционистская составляющая, адекватная его передвижному формату, и станция буккроссинга.

В фестивале участвуют поэты, переводчики, саунд-перформеры из Москвы, Петербурга, Риги и других городов.

<http://peterburg2.ru/events/126857.html>

ФЕСТИВАЛЬ «ПОЭЗИЯ НА КРЫШЕ»

30 августа 2015 года в Санкт-Петербурге прошёл 2-й городской фестиваль поэтов и бардов Петербурга «Поэзия на крыше».

Крыша ЛОФТ ПРОЕКТА ЭТАЖИ превратилась в территорию любителей классической и авангардной поэзии. Фестиваль объединил в одном пространстве три поколения поэтов, от новообращённых до современных и популярных, а также метров – уличных поэтов конца 80-х начала 90-х годов. «ПОЭЗИЯ НА КРЫШЕ» показала все срезы современной петербургской поэзии.

Участником поэтического фестиваля мог стать каждый: весь день на крыше ЛОФТ ПРОЕКТА ЭТАЖИ работал открытый микрофон.

Место проведения: Лофт Проект ЭТАЖИ. Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 74.

Сайт: vk.com/poetry_roof

«БУМФЕСТ»

17 сентября в Петербурге открылся 9-й «Бумфест» — крупнейшее в России событие, посвященное авторскому комиксу и графическому роману

В программе – более 10 выставок лучших зарубежных и отечественных иллюстраторов и авторов комиксов, творческие встречи с художниками, презентации книг, мастер-классы и книжная ярмарка.

Одно из центральных событий фестиваля, интересное сразу нескольким поколениям, – выставка, посвященная герою одного из самых известных комиксов на планете – псу Снупи. В этом году «питомцу» Чарльза М. Шульца исполняется 65 лет. Выставку открыл российский издатель неутомного пса – арт-директор издательства Zangavar Владимир Морозов.

Вдохновителем фестиваля является Дмитрий Яковлев, создавший также издательство «Бумкнига»
<https://godliteratury.ru/events/u-nas-kazhdyy-festival-unikalnyy>

Арсен Мирзаев

ОБРАЩЕНИЕ

решаю
обратиться на «ты»
к дереву
говорю ему:
эй! ты! дерево!
и оно
выходит из себя
и идет ко мне
своим плавным
тополиным шагом
улыбка у него
немного загадочная
монолизина

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

Человек
у которого все чужое:
походка чертежника-конструктора
улыбка грузчика
повадки музейного работника
сноровка лаборанта
крутозор кочегара
обаяние университетского дворника
снисходительность пожарника
застенчивость инженера
заносчивость почтальона

и только душа –

НИЧЕГО (Роман в буквах)

1. нет
ничего
больше

2. ничего больше
нет
кроме тебя

3. больше тебя
ничего
нет

4. тебя
больше
нет

5. больше
ничего

Ефим Бершин

На рассвете последнего дня
у ограды Нескучного сада
воскресите при жизни меня,
после смерти – не надо.

Воскресите при жизни меня,
когда утро сверкнет перламутром.
Я воскресну, как вспышка огня
воскресает меж кремнем и трупом,

чтобы слушать, как дышит лоза,
подступая к обветренным скалам,
чтоб рассветное солнце в глаза
разливать, как вино по бокалам.

Воскресите заброшенный град,
тот, где тени блуждают по тням,
где усталый ночной виноград
осторожно крадется по стенам,

тот, где мать, не заснув до утра,
бросив жизнь свою под ноги сыну,
выходила на берег Днестра,
заменившего сыну пустыню.

Как забытую старину
воскрешает дотошный историк,
воскресите при жизни страну.
После смерти – не стоит.

На меня из тучи бородатой
пялится, глазеет с давних пор
то ли зритель
то ли соглядатай,
то ли вор.

Я в постель ложусь, не раздеваясь,
и не сплю, как горная река.
Кто-то смотрит, словно издеваясь,
и свистит, как клакер, с потолка.

Робко прячусь, как окно, за шторы,
нищий, словно кладбище ворон.
Только воры, воры, воры, воры
на меня глядят со всех сторон.

Кто-то шепчет и шуршит над ухом,
и сулит награду, и поёт...
Словно я и вправду нищий духом,
и придет царствие моё.

Лилия Газизова

Лилия Газизова

О КАЗАНСКИХ ФЕСТИВАЛЯХ

Казань – город с давними литературными традициями, связанными с именами Гавриила Державина, Евгения Баратынского, Льва Толстого, Сергея Аксакова, Максима Горького, Вероники Тушновой, Василия Аксёнова...

Казань – город поэтов и умной, благожелательной публики. Здесь сформировалась литературная среда, которая способствует появлению талантливых авторов, в творчестве которых причудливым образом соединяются восток и запад. Не случайно, что и литературная жизнь кипит и предлагает казанцам и гостям столицы Татарстана самые разнообразные по формату литературные мероприятия.

Традиционными стали Всероссийский Державинский фестиваль поэзии и Международный Аксёнов-фест. По названию фестивалей понятно, что эти форумы объединяют знаковые имена людей, связанные с их пребыванием в Казани. Организаторы этих фестивалей – Министерство культуры Татарстана, Союз писателей Татарстана и Казанская мэрия соответственно.

В 2013-м году в Казани состоялась Литературная Универсиада, одним из организаторов которой стал литературный журнал «Дружба народов». Гостями этого форума стали поэты и писатели России и ближнего зарубежья Олег Хлебников, Леонид Бахнов, Фарид Нагим, Максим Амелин, Сергей Надеев, Алиса Ганиева, Акберен Елгезек Лео Бутнару, Алина Талыбова, Светлана Жирнова, Атынай Джуманазарова... В репортаже о Литературной универсиаде, опубликованном в «Дружбе народов», говорилось, что «Казань – город, воплотивший в своей истории и повседневности дружбу народов, яркий пример тех принципов, которые настойчиво проводит в жизнь наш журнал».

Подробнее напишу о своих авторских проектах – Международном поэтическом фестивале имени Николая Лобачевского, который проходит в Казани с 2011-го года и Международном Хлебниковском фестивале ЛАДОМИР, который проходит в Казани и Елабуге с 2012-го года.

Вот что писала «Литературная газета» об одном из фестивалей Лобачевского: «Дерзкий по замыслу и изысканный по воплощению проект казанского поэта Лилии Газизовой – Международный поэтический фестиваль имени Н. Лобачевского органично вписался в культурную жизнь третьей литературной столицы России. Уникальность данного форума состоит в том, что, во-первых, это единственный в России фестиваль, который носит имя математика. Во-вторых, это очень смелое решение – соединить в единое целое математически точно и лирически остро ощущающих себя творческих личностей и привести их духовные искания к единственно верному общему знаменателю. Ведь только во взаимодействии, взаимопроникновении и взаимопонимании рождается истина. Известно, что многие математики писали стихи, а поэты, в свою очередь, увлекались точными науками. В рамках фестиваля проходят научно-практическая конференция «Влияние неевклидовой геометрии на художественное сознание, «Вечер «неевклидовой поэзии» и Круглый стол «Геометрия гармонии».

Участниками фестиваля Лобачевского были Равиль Бухараев, Даниил Чкония (Германия), Лидия Григорьева (Англия), Алексей Остудин, Сергей Шестаков, Елена Исаева, Евгений Степанов, Елена Иванова-Верховская, Владимир Берязев, Фарид нагим, Евгений Чигрин, Ильдар Абузяров, Андрей Коровин, Ганна Шевченко, Дмитрий Тонконогов, Игорь Панин, Анастасия Ермакова, Михаил Квадратов, Слава Харченко, Максим Гликин, Галина Илюхина, Дмитрий Легеза, Владимир Шпаков, Евгений Мякишев, Сева Гуревич, Андрей Полонский, Андрей Сизых, Марина Кулакова, Александр Навроцкий и Милош Камиль Манастерский (Польша) и другие»...

Международный Хлебниковский фестиваль ЛАДОМИР – это своеобразное продолжение поэтического фестиваля им. Н. Лобачевского. Хлебников когда-то написал: «Я – Разин со знаменем Лобачевского...».

Реформатор поэтического языка, один из теоретиков русского футуризма и авангардного искусства провёл в Казани наиболее длительный период своей жизни – около десяти лет. Поэтому не

случайно, что в Казани, где «пересекаются параллельные», мирно уживаются «разное и разные» появился Хлебниковский фестиваль ЛАДОМИР.

Одно из самых загадочных произведений Велимира называется «Доски судьбы». Оно находится на пересечении параллельных прямых поэзии, языкознания, истории, математики и философии. Поэт говорит о том, что в нашем мире все подчиняется определенным числовым закономерностям, надо только найти их – и жизнь изменится в лучшую сторону.

Подобные интуитивные озарения, своеобразные творческие ассоциативные взаимопроникновения мыслей, образов, чувственных восприятий происходят на выступлениях участников Хлебниковского фестиваля.

В рамках Хлебниковского фестиваля участники проходят по Хлебниковским местам Казани, посещают Елабугу, где в Библиотеке серебряного века встречаются с любителями литературы.

На Хлебниковском фестивале прошли творческие встречи с Александром Тимофеевским, Еленой Ивановой-Верховской, Александром Переверзиным, Евгением Степановым, Максимом Гликиным, Андреем Новиковым, Андреем Щербаком-Жуковым, Ильдаром Абузяровым, Фаридом Нагим, Настей Строкиной, Вадимом Терёхиным, Евгением Мякишевым, Севой Гуревичем, Наилем Ишмухаметовым, Верой Хамидуллиной, Нури Бурнашем, Вадимом Гершановым, Лоренсом Блиновым и другими.

Литературные фестивали стали играть большую роль в литературном процессе России. Новая форма творческой активности полюбилась, как поэтам, писателям, так и любителям литературы. Местные поэты получают возможность сопоставить свой уровень с творчеством лучших российских поэтов. А гости фестивалей умножают свою читательскую аудиторию. Не говоря уж о том, что на фестивалях рождаются новые проекты, возникают человеческие и творческие дружбы. Думаю, фестивалям уготована долгая жизнь благодаря тому, что Россия была и остаётся страной, в которой литература продолжает играть большую роль. И казанские фестивали органично вписались в литературную жизнь России.

Велимир Хлебников

ЗАКЛЯТИЕ СМЕХОМ

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльных – смех усмейных смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево!
Усмей, осмей, смешики, смешики!
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лизээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Амарсана Улзытуев

Амарсана Улзытуев

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭТИГЭЛОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАНДИДО ХАМБО ЛАМЕ XII ДАША ДОРЖИ ЭТИГЭЛОВУ «ПОДНОШЕНИЕ ДЕСЯТИ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ»

Фестиваль духовной и материальной культуры, посвященный выдающемуся религиозному деятелю, одному из духовных лидеров бурятского народа в XX в. Пандито Хамбо ламе XII Даша Доржи Этигэлову (Итигэлов), призван показать значение общечеловеческих ценностей, преемственность традиций почитания духовного учителя в буддийской культуре, философии и системе ценностей.

Феномен обретения нетленного тела Учителя не только вызвал интерес к познанию письменного наследия, образа жизни и духовной практики Даша Доржи Этигэлова, но и пробудил творческие силы для создания произведений, в которых прочитываются роль религиозных традиций, буддийских святынь в жизни общества и отдельного человека, выражается отношение народа к деятельности выдающегося буддийского подвижника.

Фестиваль, являя пример конструктивного взаимодействия светской и религиозной структур, направлен на возрождение духовности и нравственных ценностей, открыт для всех, кому интересен и дорог феномен Этигэлова. Проведение конкурсов на выявление лучших произведений – творческих подношений Пандито Хамбо ламе XII Даша Доржи Этигэлову добавляет краски в культурную мозаику страны, способствует формированию представлений о разнообразии современных форм народного и профессионального творчества, направлено на развитие толерантности между представителями разных национальностей и религий.

Учредители фестиваля: Буддийская традиционная Сангха России

Министерство культуры Республики Бурятия

Министерство образования и науки Республики Бурятия

Сроки проведения: ориентировочно июнь 2016 г.

Место проведения: Иволгинский дацан

Общее руководство проведением фестиваля осуществляет Оргкомитет, в состав которого входят представители Буддийской традиционной Сангхи России, Министерства культуры РБ, творческой интеллигенции.

Информация о фестивале опубликована на официальных сайтах Буддийской традиционной Сангхи России: <http://sangharussia.ru> и Министерства культуры Республики Бурятия: <http://minkultrb.ru>

Цель фестиваля – содействие процессу возрождения духовности и гармонизации межконфессиональных и межнациональных отношений.

Основные задачи фестиваля

Стимулирование развития искусства, литературы и народного творчества Республики Бурятия в форме создания произведений как творческого выражения почитания духовного подвига буддийского подвижника Даша Доржи Этигэлова (Итигэлов) – победы жизни над смертью, торжества идей над материей, которые являются центральной темой искусства и литературы всех времен и народов.

Развитие самобытных художественных традиций бурятского народа, в том числе возрождение и распространение традиционных видов сложения и исполнения песен – магтаалов и других малых форм устной поэзии бурят, в которых столетиями аккумулировалась мудрость народа.

Приобщение творческой молодежи республики к духовным ценностям буддизма.

Привлечение внимания мировой общественности и творческой интеллигенции к феномену Этигэлова, к его посланию для человечества – величайшему образцу этической доминанты над потребительской культурой.

Создание общественного фонда Фестиваля по увековечиванию духовного наследия Этигэлова и приданию фестивалю статуса традиционного международного культурного события.

Содействие привлечению к участию в фестивале международных общественных организаций для поддержки гражданских инициатив по увековечиванию духовного подвига Этигэлова как уникального образца нематериальной культуры человечества.

Творческие конкурсы фестиваля

1. Поэтический турнир
2. Конкурс малых форм устной поэзии бурят (урээлы, магтаалы, уряалы).
3. Конкурс на создание музыкальных произведений
4. Музыкальный конкурс исполнителей на традиционных бурятских инструментах
5. Выставка-конкурс изобразительного и профессионального декоративно-прикладного искусства
6. Конкурс детских рисунков
7. Выставка-конкурс декоративно-прикладного искусства и народно-художественных промыслов
8. Конкурс традиционного бурятского костюма

Награждение

Победители конкурсов награждаются Дипломами лауреата I, II, III степени, денежными премиями, учрежденными Буддийской традиционной Сангхой России: I место – 10 000 рублей, II место – 7 000 рублей, III место – 5000 рублей. Предусматриваются поощрительные призы и премии.

По итогам турнира победителям будет предоставлена возможность осуществить церемонию личного подношения Даша Доржи Этигэлову произведения, получившего высокое признание на фестивале.

1. Поэтический турнир

Организатор: Национальная библиотека Республики Бурятия, Союз Писателей Республики Бурятия, редакции журналов «Байкал» и «Байгал» (куратор турнира – Сопредседатель Этигэловского фестиваля, член Союза Российских Писателей, член Русского ПЕН-Центра Амарсана Улзытуев)

Цель и задачи

- выявление и поощрение талантливых поэтов;
- отбор и популяризация лучших стихотворных произведений;
- содействие творческому росту и известности авторов;
- публикация лучших произведений участников турнира, организация их публичных выступлений.

2. Условия и порядок проведения поэтического турнира

Этапы проведения:

Турнир является публичным с предварительной квалификацией участников. Прием конкурсных заявок: со дня официального открытия турнира до 15.05.2016

Подведение итогов отборочного тура: 01.06.2016

Подведение итогов турнира: в день проведения творческого фестиваля. Финал поэтического турнира – объявление и награждение победителей и призеров конкурса осуществляется на торжественной церемонии после конкурсного прослушивания.

Номинации:

- Лучшее поэтическое произведение на бурятском языке
- Лучшее поэтическое произведение на русском языке
- Лучшее поэтическое произведение на других языках (монгольском, калмыцком, тувинском, якутском, хакасском и др.)

Основополагающими поэтического произведения являются художественная ценность и свобода самовыражения творческой личности о феномене Этигэлова. Произведение может быть выражением осмысления феномена Этигэлова через непосредственное обращение к его посланию для человечества (с посланием Этигэлова можно ознакомиться: <http://sangharussia.ru/persons/khambo-lamas/itigelov/message.php>).

ШКОЛА ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА

«ПОЭЗИЯ КАК ИГРА – ИГРА КАК ПОЭЗИЯ»

Существуют сотни определений поэзии. Но самым ранним признается греческое слово «позис» – «делание», то есть творение. Поэзия творится из языка и в языке. А язык предназначен не только для выражения серьезных мыслей и сильных чувств. В языке уже заложен момент игры. Говорят: «языковые игры», «игра языка», «непереводимая игра слов».

Еще специалисты разделяют поэзию и стихи. Поэзия – более широкое понятие. Поэзия может быть и в прозе, кино, театре, балете (поэзия танца), в природе, в обыденной жизни. Стихами может быть выражено поэтическое. Но стихами можно записать правило арифметики, так оно легче запомнится. Это так называемые мнемонические стихи. Стихотворной может быть реклама. И могут быть стихотворные игры – для детей или для взрослых. В последнем случае многое зависит от того, насколько талантлив автор и насколько сильно в нем поэтическое начало. Так что за игрой может скрываться высокая поэзия (или иначе – лирика).

Сергей Бирюков

Поэт, литературовед, исследователь русского и зарубежного авангарда. Кандидат филологических наук. Доктор культурологии. Профессор, преподаватель Университета Мартина Лютера, г. Галле

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛА ЛИФФТ С СЕРГЕЕМ ЕВГЕНЬЕВИЧЕМ БИРЮКОВЫМ

Маргарита Аль

– Сергей Евгеньевич, вы в своём поэтическом творчестве выступаете прямым продолжателем русских футуристов, обращаясь в первую очередь к таким способам поэтического высказывания, как заумь, стих мотивированный аллитерацией, а также к визуальной и сонорной поэзии. Но вы же ещё и ученый, и как исследователь поэзии русского футуризма, обращаетесь к её корням в более ранней поэзии. Расскажите, пожалуйста, о таком поэтическом приёме, как акростих.

Сергей Бирюков

– Акростих – значит стих, написанный по краю. Обычно он бежит сверху вниз по первым буквам строчек стихотворения. В результате складывается слово или несколько слов. Это страшно коварная форма, поскольку не у всех есть привычка к такому чтению. Даже у авторов стихов. Например, один автор написал такие вполне симпатичные строки:

*Блеск молнии над головой,
Листва защелкала сердито,
И океан воды живой
На землю хлынул через сито.*

А получилось что? Прочтите сверху вниз по первым буквам. Ну, ничего, «первый блин комом», это не страшно. Тем более, что автор специально не старался выпекать блины. Акростих у него возник спонтанно. А вот когда специально, тут могут произойти драмы.

Мой знакомый работал в 60-е годы в Казахстане, в молодежной газете. Но карьера его в этой газете прервалась из-за акростиха. Стихотворение неизвестного автора, вполне идеологически выдержанное, оказалось с секретом, по краю стиха читалось – «Хрущев г...о». С тех пор в редакциях все стихи читались сверху вниз. Я сам такой опыт получил в редакции тамбовской молодежной газеты, когда подписал в набор стихи замечательного поэта Николая Глазкова. Через несколько минут ответственный секретарь газеты вбежал в мой кабинет и бросил на стол листки. Я прочитал сверху вниз: «Дорогому Леониду Ильичу», а стихи были вполне невинной пейзажной зарисовкой. Леонид Ильич в то время был один – Брежнев. И эта формула множественно повторялась во всех газетах. В акростихе же она смотрелась издевательски!

Но мы все-таки напечатали несколько акростихов Глазкова, виртуоза формы, правда, они были посвящены его знакомым девушкам или друзьям-поэтам.

В русской стихотворной традиции акростих явление давнее и хорошо развитое.

Гаврила Державин, например писал акростихи-загадки. Вот одна из них:

*Родясь от пламени на небо возвышаюсь;
Оттуда на землю водою возвращаюсь!
С земли меня влечет планет всех князь к звездам;
А без меня тоска смертельная цветам.*

Акростишные загадки писали и другие поэты, например, Лев Мей.

Известный поэт-декабрист Кондратий Рылеев посвятил акростих возлюбленной Наталье.

Выдающийся философ и хороший поэт Владимир Соловьев написал серию шутивных стихов, в акростишных строках которых прочитывается некая таинственная «Матрена»

Соловьев воспринимал акростихи как виртуозную, но шутивную форму. Михаил Кузмин, один из самых тонких эстетских поэтов первой трети 20 века в вертикальных строчках вписывал имена своих многочисленных друзей и поклонников. У Николая Гумилева находим посвящения только одной женщине – Анне Ахматовой. Зато его адресатка посвятила свой единственный акростих совсем другому человеку – Борису Анрепу.

В начале 20 века акростихи и другие вертикальные и диагональные написания в стихах были настолько модны, что их не избежали и такие органические поэты как Есенин, Пастернак, Павел

Васильев. А Валерий Брюсов – отец-основатель русского символизма и модернизма – изощрялся, обмениваясь с поэтами акро- и лабиринтными посвящениями (с Игорем Северянином, Вадимом Шершеневичем). Подобную и даже еще более изощренную переписку вели позже поэты-переводчики Константин Липскеров и Михаил Лозинский.

Во второй половине 20 века рекордсменом по написанию акростихов стал Николай Глазков, который иногда называл себя клоуном стиха. Действительно, его привлекала возможность разрешить в акростихе сложную стихотворную и смысловую задачу. И он выполнял этот трюк с блеском. Мне кажется, что Глазков своим акростишным энтузиазмом заразил целый ряд поэтов. Вдруг стали писать акростихи и новаторы и консерваторы. Феликс Чуев, автор далекий от какой либо игры написал текст, в котором по вертикали читалось «Сталин в сердце», вроде даже это было напечатано в небольшой газетке московских писателей и вроде бы редактор из-за этого стишка лишился места. Несколько лет спустя, Александр Еременко, ставший известным в период «перестройки» написал ответ Чуеву. Сталин у него оказывался совсем в другом месте...

Несколько замечательных акростихов написал известный поэт и литературовед Вадим Перельмутер. Он один из редких ныне поэтов, тонко чувствующих остроту формы.

Другой поэт, Сергей Сигей, предельно модернизировал акростих. Он предпочитал рукописную форму, и таким образом словно бы возводил произведение к самым древним образцам. Модернизация очень часто дружит с архаизацией.

Но нам важно другое, а может и третье. Это то, что занятие поэзией совсем не скучное дело. И что оно требует немалого мастерства, особенно в случае, когда вы должны начать каждую новую строку с определенной буквы, а значит с определенного слова, и таким образом вы уже задаете себе тему, вы попадаете в определенную клетку смыслов и хотите из нее вырваться, а она не пускает. И на этом противоречии может родиться вполне драматическое стихотворное сочинение, что вообще-то говоря, часто и получается. Как например, вот это стихотворение Державина, его обнаружила однажды моя дочь, когда она была пятиклассницей, в учебнике по литературе для 5-го же класса:

*Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка тоньше свисту,
А ей твердят: «Пой пташка, пой!»*

Как пташка пищит? Вот именно!!!

А теперь еще несколько примерных-беспримерных акростихов разных авторов, чтобы картина стал уж совсем полной.

Лев Мей

ЗАГАДКА

*(Людмиле Петровне Шелгуновой)
Развязные, вполне живые разговоры,
Язвительный намек и шуточка подчас,
Блестящие, как сталь отпущенная, взоры
И мягкий голос ваш смущают бедных нас.
Но угадайте, что поистине у вас
Очаровательно и сердце обольщает?
В раздумье вы?.. Так я шепну вам на ушко:
Кто знает вкус мой, тем и угадать легко,
А кто не знает, пусть посмотрит: угадает...*
(1857)

Владимир Соловьев

АКРОСТИХИ

1

Мадонной была для меня ты когда-то:
Алмазною радугой лик твой горел,
Таинственно все в тебе было и свято,
Рыдал я у ног твоих тысячекрат и
Едва удавиться с тоски не успел,
Но скрылся куда-то твой образ крылатый,
А вместо него я Матрену узрел.

2

Майская роза давно уж отпета,
Август... И август исчез.
Только, как лысина старого Фета,
Роща твоя так печально раздета,
Елью одною красуется лес...
Новой природе сочувственно вторя,
Ах, ты Матреною сделалась с горя.
(1892)

Николай Гумилев

АКРОСТИХ

Аддис-Абеба, город роз,
На берегу ручьев прозрачных,
Небесный див тебя принес,
Алмазный, средь ущелий мрачных.
Армидин сад... Там пилигрим
Хранит обет любви неясной,
Мы все склоняемся пред ним,
А розы душины, розы красны.
Там смотрит в душу чей-то взор,
Отравы полный и обманов,
В садах высоких сикомор,
Аллеях сумрачных платанов.
(1911)

Анна Ахматова

ПЕСЕНКА

Бывало, я с утра молчу
О том, что сон мне пел.
Румяной розе и лучу
И мне – один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега
Разливных мутных рек.
Еловой рощи свежий шум
Покойнее рассветных дум.
(1916)

Сергей Есенин

* * *

Рюрику Ивневу
Радость, как плотвица быстрая,
Юрко светит и в воде.
Руки могут церковь выстроить
И кукушке и звезде.
Кайся нивам и черемухам, –
У живущих нет грехов.
Из удачи зыбы промаха
Воют только на коров.
Не зови себя разбойником,
Если ж чист, так падай в грязь.
Верь – теленку из подойника
Улыбается карась.

(1919)

Николай Глазков

РАЗДУМЬЯ

1

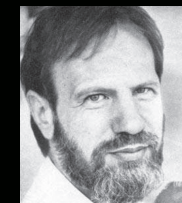
Нам нравится удача без труда,
Она встречается не очень часто.
На счастье я надеюсь иногда,
Но лучшие не надеяться на счастье.
Ему – увы – сопутствует беда.

2

Трудиться надо с полною отдачей:
От творчества я человеком стал,
Но если вдохновенья не истрачу...
Есть выраженье: мертвый капитал.
Что может быть несчастнее колодца,
Который превращается в болотце?
Его воды никто не пожелал.

3

О доблестях, о подвигах, о славе
Любой чудак мечтать, конечно, вправе,
Еще не поздно, радужна мечта.
Что будет, если смолкнут птичьи песни?
Когда мечта, как летний сон, исчезнет,
Ее зимой заменит пустота!
Вадим Перельмутер
Сонет с цитатами
Сбывается, о чем оратор говорил:
Единожды солгав, уже не сыщешь броду...
Разбрасывает лес крапленую колоду,
Где воздух недвижим и пруд уже застыл.
Ежевечерний мрак течет по небосводу...
Юницу – не по уму, а старицу – выше сил
Блуждать среди миров в мерцании светил.
И волен только тот в нелетную погоду,
Рукою детской чьей запущена была,
Юла кружит еще, скользя на край стола,
Кто, жизни преходя волнуемое поле,
Остался при своих, и жив – чего же боле? –
В ком искра, то есть дар и света, и тепла
Угаснет лишь тогда, когда спалит дотла...

Константин Кедров

Поэт, преподаватель, кандидат филологических наук, доктор философских наук. Создатель анаграммной системы стихосложения.

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛА ЛИФТ С КОНСТАНТИНОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ КЕДРОВЫМ

Маргарита Аль

– Константин Александрович, вы поэт, филолог, философ, педагог – восемнадцать лет преподавали в Литературном институте и десять лет возглавляли «Академию поэзии и философии» в университете Натальи Нестеровой. Вы создатель анаграммной системы стихосложения. Расскажите, пожалуйста, про анаграмму.

Константин Кедров

– Анаграмма – это звуковая голограмма в поэзии. Анаграмма отличается от голографии тем, что изображение может дробиться на бесчисленное количество осколков, и в каждом, оно будет полным. Например, свет-весть. Все буквы, которые есть в слове свет, есть в слове весть. Хотя они полностью переставлены. Если помните, в алгебре есть приём перестановки, например, авс – сва – вса, и т. д. Для одних поэтов – это игра звуков и смыслов, для других – глубинная философия, заложенная Творцом в языке. Поэт открывает, прозревает, разгадывает первоначальную мудрость Творца. К сожалению, авторы, развёрнутые уже готовыми формами 19 века, заиклились лишь на частном случае анаграммы, каковыми является традиционная рифма в конце строки. Почему, собственного говоря, в конце. В китайском языке часто рифмуется начало, но анаграмма снуёт как челнок по всей строке. Рифма и внутри, и снаружи, и в конце, и в начале, и в середине текста. Разумеется, это более сложная, изощрённая форма, пока ещё не освоенная поэтами.

Анаграммный стих пронизывает тексты Библии, Махабхараты, «Илиады» и «Одиссеи». Однако только в трудах Ф. Соссюра это было выявлено. Так инструментовка «Илиады» построена на перестановке звуков в именах богов. Поскольку эти исследования Ф. Соссюра до сих пор полностью не опубликованы, мне пришлось в 1978 г. самому прийти к открытию анаграммы. Причем, именно на перемещении и перестановке звуков в именах шумерских, древнеегипетских, библейских и древнегреческих богов (см. «Допотопное Евангелие»). Я назвал такой стих голографическим. С 1978 г. анаграмма стала активно применяться поэтами. Сегодня анаграмма занимает все большее пространство в творчестве авторов, сплотившихся в «Журнале ПОэзия». Анаграмма и метаметафора – два важнейших свойства поэзии конца XX века (А. Вознесенский, Е. Кацюба, К. Кедров, Л. Ходынская, Вилли Мельников). Анаграмма вывела инструментовку стиха за пределы поэтики XIX в., где рифма всегда в конце строки. Стих из линейного стал объёмным, поскольку рифма стала всепроникающей. Пример анаграммного звучания: Кедров – код вер, рок дев, вор дек, век орд, вод рек. Частным случаем анаграммы является палиндром. Следующий шаг в развитии анаграммы был сделан А. Вознесенским в его кругометах. В 1998 г. поэт продвинулся ещё дальше и открыл бесконечную строку по принципу ленты Мебиуса и бесконечной рифмы. Отдельный случай анаграммы есть у А.С. Пушкина:

*И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы розы;
На, вот возьми ее скорей!)*

Морозы – мы розы, типичная анаграмма. Но для Пушкина, это скорее случайность, чем закономерность. XIX век остаётся XIX веком, а мы живём с вами в веке XXI.

– Константин Александрович, когда было написано вами первое анаграммное произведение?

– В 1976 году. Это поэма «Допотопное Евангелие». Поэма состоит из имён богов, где имя Христа плавно переходит в имя Озириса и Богов Древней Греции: Диониса, а также Вавилонской Астарты, она же Аштарот, она же Иштар, она же Венера. Имена Богов мерцают, как звёзды на небе. Свет переходит в звук, звук переходит в свет. Есть замечательная диссертация об этой по-

эме известной исследовательницы поэтики второй половины XX века Евгении Князевой. Она подробнейшим образом рассмотрела все тонкости, нюансы и возможности анаграммы. Так что, отсылаю вас к этой замечательной работе. Она построена на изучении роли анаграммы в создании образного строя.

– Вы много размышляли о звездной символике мировых сюжетов и в своей известной книге «Поэтический космос» писали: «Ночью солнце “замещается” Венерой. Потому и восходящее солнце – Заря, и Венера – Заря-заряница, красная девица. Ведь в сказках героини спускаются в подземное царство, входят в темный лес или проникают в хрустальную гору. Там они принимают другой, звездный облик»

– Утреннее появление Венеры означало смерть месяца, а вечерний ее восход – новолуние, воскресение месяца. Месяц же, «семирогий агнец», – это Христос. Образ Венеры как невесты возникает и в стихотворении, которое отсылает уже к древнерусской традиции:

*Невеста лохматая светом
невесомые лестницы скачут
она плавную дрожь удочеряет
она петли дверные вяжет
она пальчики человечит
стругает свое отражение
на червивом батуте пляшет
ширеет ширмой мерцает медом
под бедром топора ночного
рубит скорбную скрипку
тонет в дыре деревянной
голос сорванный с древа*

– Ваша излюбленная модель – восьмерка, в центре которой – субъект видения.

– Совершенно верно. Поэтому, с одной стороны, образ невесты, «лохматой светом» строится на скрытой «слоговой» семантике: невеста – это не-гравитация, отсутствие веса, анаграмме – невеста-а-свет, с другой стороны – это комета, звезда Венера и Богородица – «невеста не вестная».

– Вязание дверных петель тоже основывается на выворачивании наизнанку «микромра» вязальных петель?

– Сама дверь знак канонического обращения к богородице.

*держит горлом вкушает либо
белую плаху глотает
Саркофаг щебечущий вихрем
хор бедреющий саркофагом
что ты дочь обнаженная
или ты ничья
или звеня сосками месит сирень
турбобур непролазного света
дивным ладаном захлебнется
голодающий жернов – 8
перемалывающий храмы
В холёный футляр
двоебедрой секиры
можно вкладывать
только себя*

– Расскажите об образе «двоебёдрой секиры»
– «Двоебёдрая секира» – это месяц умирающий и воскресающий, символ выворачивающегося начала и конца, знак жизненных границ, в которые помещен человек. Образ «невесомых лестниц» соотносится с образом «невесты», порождает значение связанности неба и земли. «Дыра деревянная» – в середине вывернутой скрипки Пикассо (образа вечной женственности) – осмысляется как черная дыра во вселенной. Все образы на разных текстовых уровнях строятся на принципе «выворачивания»: если вселенная может сжаться до размеров игольного ушка, то могут измениться и параметры человека – он окажется при подобной инверсии больше мироздания.
– Евгения Князева особенно выделяет конструкцию «ЧРВ»/«ВРЧ», как наиболее яркий пример анаграммирования из стихотворения «Червонный червь заката»

*– Червонный червь заката
путь проточил в воздушном яблоке,
и яблоко упало.
Тьма путей,
прочерченных червем,
все поглотила,
как яблоко–
Адам.
То яблоко,
вкусившее Адама,
теперь внутри себя содержит
древо,
а дерево,
вкусившее Адама,
горчит плодами–
их вкусил Адам.
Но для червя одно–
Адам, и яблоко, и древо.
На их скрещенье
червь восьмерки пишет.
Червь,
вывернувшись наизнанку чревом,
в себя вмещает яблоко и древо.*

С червем сравнивается Адам, вкусивший яблоко с древа познания и тем самым проточивший в себе «божественную» дыру. И об этом образе очень подробно написала Евгения Князева:

«Каждый образ строится на метонимическом переносе: например, яблоко «внутри себя содержит древо» (следствие заменяет причину («семья»). К концу стихотворения в слове «червь» реализуется второе значение – «человеческая мысль». Небесная сфера соответственно оказывается рядоположенной сфере мысли, которая «восьмерки пишет». Восьмерка – модель ленты Мебиуса, строящейся на выворачивании, а также математический знак бесконечности этого процесса. Третье значение слова «червь» синтезирует первые два: червь, проникающий извне внутрь, на самом деле вывертывается наизнанку, оказывается чревом (анаграммное построение образа), способным поглотить и древо, на котором произрастают яблоки, и яблоко, сорвавшееся с него.

Так же Адама, вкусившего плод, вкушает яблоко. Все оппозиции снимаются: то, что было внешним с одной точки зрения, становится внутренним с другой; то, что было активным, становится пассивным; то, что было первичным, становится вторичным и т. д. Мир утрачивает упорядоченность и стабильность, человек перестает быть только частью вселенной или ее центром в сознании воспринимающего».

– Константин Александрович, вы позволите закончить интервью цитатой Евгении Князевой об анаграмме?

– Ну, разумеется.
– « ...анаграмма выступает как средство, позволяющее и акцентировать внимание на содержании, выражаемом на других уровнях «внешней» формы, и актуализировать тот смысл, который скрыт в фонетической структуре текста. Кроме того, анаграммирование становится способом организации речевого потока, направленного на обнаружение у читателя умения слышать в звучащем слове другие слова, обнаруживать их многоголосие» Евгения Князева.

Константин Кедров

ПОЭМА «ДОПОТОПНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ»
(Отрывок)

*Не входи в мой дом
ее входи в мой дом
а войдешь сюда
будет беда
будут беды быть
стены стоны плыть
плоть оставит сын
сей ославит сый
сына выси весь
воссияет днесь
Дай Бог дух днесь
дай Бог дух есть
снеть есть
снеть ест
Рабыня-рыбыня, куда плывешь?
Кто тот, кто на западе нож вонзил?
Куда ты бредешь?
К ТОТУ
Кто ТОТ?
ЭТОТ
Лил белъ бил
любанька говорил
аньки-аньки
кинъ-кинъ
О Робушка
в ушах шубурша шур-бур
О Рубиня, куда спешишь?
Спешу шурша на восток
журчит в ушах
шах – хаи
каша
ашай
шам-шам
истоино ИШТАР
в ухо орет
АШТАРОТ
услыши
уши-ишу
ИЕШУ
уа
ау
а-а-а-а
у-у-у-у
Стара Астарта
истерла лоно
оно ль стало
лунь-нуль
Ну пошла я што ли?!
Иди телушка волоокая
корова кованная
воровка коварная
бисмелла камбала
Кибелла каббала
Кабала
КУДА ТЫ ЛЕТИШЬ?*

*Кто нож в жену вонзил?
а ты кровь с лезвия лизни
горько-холодно-сладко
то-то
от-то-то и оно
Зырит зенки Озирис
озарись
без Озириса – сира
сирота я
сыр человечесий ела
оттого и бела
Ах ты моя верблюдница
двугорбая
спереди и сзади
две луны скрыла
у, рыло
лира
арфа
гусельки
агу-агу...
А я все плясала плясала
спаси Господи пособи
– Вымя сивуха сука
ВО ИМЯ ОТЦА СЫНА
И СВЯТОГО ДУХА
Во имя отца и Хама
во имя отца и Сима
сын отца
отец сына
Сим победиши
Хам победиши
Сим семя сеял
се сияет сие
синевы оратай
звуком вспахал небеса
слово засеял
пророс овес
сено лошадь ест
ржет до небес
рояжа рожки из ржи
Сим-Хам
ХАМ
маха мох
моха холм
лемех меха
молоха млеко
хам-хам
мах-мох
мох-мех
маха мох махаон
о Хам
Во имя Хама и Сима
Во имя отца и сына
Месяц плуг закинул
За синь
где несть
тенет нет – теней нет
Кто ты еси?
....*

Верлибр

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛА ЛИФТ С ЮРИЕМ БОРИСОВИЧЕМ ОРЛИЦКИМ

Маргарита Аль

– Юрий Борисович, вы являетесь главным российским специалистом по верлибру. На одной из лекций, вы процитировали В. Бокова: «Оригинальность русского верлибра вещь индивидуальная, верлибр у каждого поэта свой. Для верлибра нужен безукоризненный слух и талант. Любая форма живет благодаря таланту, а не благодаря самой форме. Свободный стих труднее всех других форм стиха». Расскажите, пожалуйста, о верлибре, «преображающем простые, неособенные детали человеческого существования в знаки и сущности, олицетворяющие жизнь и сознание погруженного в их среду персонажа». Я почти процитировала вас. Когда вы говорите о верлибре, все другие поэтические формы, отступают на второй план.

Юрий Орлицкий

– Отнюдь нет! Верлибр не отменяет другие формы стиха, а дополняет, завершает их круг, является необходимой частью репертуара любой национальной системы версификации.

В русской литературе у верлибра (в переводе с французского – «свободный стих») сложная судьба. Само явление трактуют очень по-разному, однако уже в 1990-е годы сложилось строгое понимание этого типа стиха как своего рода нулевой (а то и минус-) системы русского стихосложения: это стих, в котором нет и не должно быть ни одного из так называемый вторичных признаков стихотворной речи: рифмы, равенства строк по числу слогов и ударений, силлабо-тонического метра. Регулярной строфики, однако сохраняется единственный главный признак стиховой речи в отличие от прозаической: авторское членение текста на строки, создающее ритм строк.

Естественно, такой тип стиха может сложиться на определенном, зрелом этапе развития национальной стиховой системы – когда, ни поэтам, ни читателям уже оказываются не нужными вторичные, «школьные» признаки, достаточно того, что стих имеет вполне определенный, самим автором заданный ритм и характерную для всякой настоящей поэзии образность и сгущенность мысли!

– Евгений Борисович, так чем же отличаются рифмованные стихи от стихов, не рифмованных?

– Тем, что одни имеют рифму, нуждаются в ней для закрепления ритма, а другие обходятся без нее.

Как точно писал Евгения Винокуров, «рифмованные стихи могут быть средними. Стихи без рифм и размера должны быть или хорошими, или их вовсе нет. ...Стихотворная техника сама по себе подчас дает иллюзию какой-то содержательности; лихо зарифмованная банальность своим эфемерным, фальшивым блеском может на миг ослепить неподготовленного читателя. ...Чрезмерная организованность губит стих, чрезмерная организация утомляет, осаживает, защемляет. И тут приходит ВЕРЛИБР и <...> – раскрепощает. Стих пишется с маху, с удара, – в этом все дело, чтобы метко попасть с одного удара».

– Пожалуй, ни одно явление современной стихотворной культуры не порождало столько споров, сколько русский свободный стих. Из множества формулировок верлибра, ваша – наиболее ясна и приближена к современному восприятию свободного стихосложения.

– Хотелось бы в это верить! Повторю: верлибр – это тип стихосложения, для которого характерен последовательный отказ от всех «вторичных признаков» стиховой речи: рифмы, слогового метра, изотонии, изосиллабизма (равенства строк по числу ударений и слогов) и регулярной строфики. Понимаемый таким образом, верлибр мог возникнуть только в высокоразвитой национальной системе стиха, каковыми и были в XIX веке немецкое и французское, а в начале XX-го – русское и англоязычное стихосложение.

– Юрий Борисович, какие верлибры вы могли бы привести в качестве примера?

– Например, стихи великолепного поэта и переводчика Владимира Бурича:

Поэт, доктор филологических наук. Специалист по теории стиха и прозы, теории и истории литературы, ведущий научный сотрудник РГГУ

Юрий Орлицкий

*Человечество
непотопляемое судно
три миллиарда
отсеков надежды*

Или стихи Александра Макарова-Кроткова:

*Жизнь длится
в течение поцелуя
все прочее –
мемуары.*

Что говорится, тут ни убавить, ни прибавить...

– Вы двадцать с лишним лет проводите Московские фестивали свободного стиха, изменилось ли что-то за этот период в отношении к верлибру?

– Каждый год привносит что-то новое, появляются новые интересные имена и прекрасные стихи. С каждым годом все больше людей печатает свои верлибры, и это не только хорошо: ведь кому-то кажется, что писать свободным стихам очень просто. На самом деле, все ровно наоборот: в верлибре не может быть лишних слов, только необходимые, единственные. А чтобы писать так, надо очень серьезно относиться к слову – это дано не каждому.

Приходите в апреле в Зверевский центр – сами услышите!

– Спасибо. И в заключение предлагаем верлибры участников Московского фестиваля свободного стиха разных лет:

Владимир Герцик

*Как это грустно!
Чем мы ближе к пункту А,
Тем дальше пункт Б.*

Игорь Жуков

*От Египта остались пирамиды
От Москвы останется метро*

Иван Ахметьев

*Он пишет хорошо и думает,
что он пишет лучшие всех
потому что пишет лучшие своих друзей
которые пишут плохо*

*Я как Микеланджело
чищу картошку
снимаю все лишнее
Владимир Монахов*

Владимир Монахов

*Вечность ослепила
нас жизнью — дав шанс
помечтать о бессмертии.*

Юрий Орлицкий

*Со временем
Жизнь
Становится
Все скучнее*

*Бесконечная, безнадежная очередь
Обледенелых пустых цистерн
На восьмом, последнем пути
Станции Данилов-товарный*

*Не тоска даже – пустота
(как я писал когда-то –
пустота пустот –
И стулья на столах
Не нужный никому
Свет в окне*

Дальше – пустота

*Без имени
Без семени*

*Без племени
И времени...*

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛА ЛИФФТ С КРИСТИНОЙ ЗЕЙТУНЯН-БЕЛОУС

Маргарита Аль

– Кристина, расскажите о себе, о своих корнях.

Кристина Зейтунян-Белоус

– Отец математик, написал кучу книг по теоретической гидромеханики. Его родители бежали во Францию из Турции после армянского геноцида. После войны, семья уехала в советскую Армению, отец окончил ереванский университет, уехал в Москву на аспирантуру и познакомился с моей мамой, Наталией Белоус. Я родилась в Москве. Мы эмигрировали во Францию, когда мне было шесть лет.

Мама очень талантливый живописец, в нашей семье много художников, брат бабушки был художником, дедушка хорошо рисовал, прадедушка был художником-любителем. Сестра моей мамы, Елена Белоус, тоже художник, как и ее дочь.

Я всегда хотела стать художником, в лицее училась на художественном отделении, затем год ходила на курсы, но так как искусством трудно зарабатывать на жизнь и поскольку я всегда увлекалась литературой, я параллельно решила получить филологическое образование. Окончила Эколь нормаль сюперьер и парижский университет. Потом стала переводить книги, одновременно пытаюсь пробиться как график. На сегодняшний день я перевела 70 книг с русского на французский, проиллюстрировала 20 книг и множество обложек и журналов, частоставляюсь, главным образом в Париже и в Москве.

– 9 декабря в Москве в культурном центре библиотеки им. Чехова на Страстном Бульваре у вас открылась выставка. Какие работы представлены на выставке?

– Я выставила более 60 графических работ, тут представлены работы 90-х годов и работы более новые. Из работ этого года, например можно увидеть несколько листов графики белой тушью на черной бумаге, композицию «Небесные сети» тушью на цветной бумаге ручной работы, и графику на папирусе под названием «План работы»: я всегда составляю сложные планы работы, так как занимаюсь многими вещами одновременно. К сожалению эти замечательные планы я очень редко соблюдаю... На выставке можно увидеть и иллюстрации, в частности иллюстрации к книгам Е. Бунимовича «Реплика» (изданная в Париже), О. Мандельштама «Два трамвая» (ОГИ 2013) и В. Ходасевича «Про мышей» (ОГИ 2015), которая только что вышла из печати. В этом году я еще проиллюстрировала сборник стихов Соны Ван «Театр одной птицы», он тоже недавно вышел в Москве, и французскую книгу стихов для детей. Выставка продлится до 15 января, ее можно увидеть по адресу Страстной бульвар, дом 6.

– Как сложилась Ваша карьера переводчика? Каких авторов Вы переводите?

– Мой первый перевод вышел в 1986 году, это был небольшой сборник стихов Ивана Жданова. Затем я перевела «Плаху» Чингиза Айтматова. Среди моих авторов есть классики: я перевела заново «Крейцерову Сонату» Толстого и «Реквием» Анны Ахматовой, осуществила первый полный перевод поэмы «Первое свидание» Андрея Белого и получила за него премию «Русофония» за лучший перевод с русского за 2010 год, переводила рассказы Сологуба, стихи Введенского и Мандельштама.

Но чаще всего я перевожу современную литературу, среди моих авторов С. Довлатов, О. Славникова, А. Битов, В. Маканин, В. Пелевин, А. Курков, А. Слаповский, Б. Ахмадулина, Т. Щербина, Д. Пригов, М. и С. Дяченко, С. Лукьяненко, И. Богатырева... За переводы Владимира Маканина я получила грант европейской премии по литературе в 2013 году. Всех не перечислишь. И это только те, кто выходил во Франции отдельными книгами. Современных поэтов я перевела наверно больше 150, главным образом в антологиях. Я составитель или один из составителей нескольких антологий. Последнюю мы составили и перевели вдвоем с Элен Анри и в нее вошли 104 поэта. Недавно я составила о перевела целиком антологию из 50 молодых поэтов лауреатов и финалистов премии «Дебют», но она еще не вышла. Сейчас я заканчиваю переводить сборник рассказов сибирского писателя Сергея Солоуха, затем возьмусь за поэзию Юрия Кублановского и Александра Пушкина, которого уже переводила, но только в журналах, а сейчас один издатель хочет издать небольшой томик его лирики в моих переводах.

– Вы сами пишете на двух языках?

Перо ангела

Кристина Зейтунян-Белоус
Поэт, художник, переводчик

– Я пишу стихи на русском и на французском. Французские стихи печатались во французской периодике, даже когда-то получила за них какую-то премию, но последнее время, я реже пишу на французском, боюсь, что все французское вдохновение уходит в переводы. Русские стихи пишу значительно чаще, они регулярно выходят в журналах, они печатались в частности в «Журнале Поэтов», в «Неве», в «Дети ра», в антологии «Освобожденный Улисс» и даже как-то в «Московском Комсомольце»

– Ну и последний традиционный вопрос для нашего литературного журнала, о фестивалях. Существует ли во Франции поэтический фестиваль?

– Да конечно, во Франции проходит несколько поэтических фестивалей. В частности, есть знаменитая «Весна поэтов», но «Весна поэтов» – это тоже ассоциация, которая круглый год проводит различные акции в поддержку поэзии. Недавно я перевела 7 русских и 7 французских поэтов в рамках одной такой акции (проведенной совместно французской «Весной поэтов» и Ольгой Соколовой). В июне в Париже проходит еще знаменитый «Рынок поэзии», все франкоязычные издатели поэзии собираются на площади Сен Сюльпис, проходят чтения и презентации. Есть еще довольно крупный биеннале поэтов «Валь де Марн».

– Кристина, спасибо.

Кристина Зейтунян-Белоус

*Пути поэзии трамвайно вездесущи.
Через геенну огненную к райским куцам
ведут они порой. Дорога не страшна.*

*В словесном мареве мелькают люди, зданья,
душа укутана уютным бормотаньем
и параллельно рельсам движется она.*

*А на последней остановке мысли,
готовая поэма следует в депо, –
опять в душе царит переполох,
будто пройденный путь лишился смысла,*

*и проводами порванными вдруг повисли
все рифмы. Ты немеешь и уже не по-
мнишь, как сюда приехал и зачем, не по-
нимаешь... нет – все понимаешь.*

Ввысь летишь.

*Есть скрытое молчание в словах
обыденных, и даже в крике, –
глаголющий безмолвствует в веках,
а пишущих темнеют лики.*

*Нам нечего да некому сказать
уже давно, но говорить охота
и вот – кую слова и отдаем в печать
с надеждой выразить хоть что-то.*

*И громоздятся ворохи страниц
над ямой напророченного смысла,
который не придет уже на бис
поскольку безвозвратно смылся...*

Чайки

*Чайка белая
плывет, пышнотелая,
по мягкой равнине
утихиших теней.*

*Чайка красная хохочет, горластая,
над синей могилой
морских кораблей.*

*Чайка черная
летит, обреченная,
в бесцветную прорубь
минувших дней.*

*Киж
На острове Киж,
где небо ближе
к земле,
в змеином клубке облаков
застрял
чешуйчатой звонницы голос.*

*Здесь чаек скрежет
слух не режет.
Подари мне на память,
остров грез,
сухой букет
голубых стрекоз.*

*Отражаясь в глазах дождя,
пешеход спотыкается
о зеркало лужи
и падает в объятия
собственного лица.*

Смыр Рушбей
Поэт. Лауреат
Гос. премии им. Д.И. Гулиа

Мушни Ласуриа
Поэт. Переводчик.
Лауреат Гос. премии им. Д.И. Гулиа

Владимир Делба
Писатель. Лауреат Международного
конкурса «Живая связь времён»

Смыр Рүшбей

СЕМЬ

Мечтал он о семи горах,
В них – семь недель бродил,
В своих семи золотниках –
Семь тайн навеки скрыл.

Он семь потоков одолел,
Семь родников отрыл,
В семи местах на отдых сел,
Семь раз перекусил.

И повстречал он семь сестер,
Не выбрав ни одну, –
Им всем – пошел наперекор
И оттолкнул весну.

Потом достал он семь свечей
И все – спалить их смог,
И ровно через семь ночей
Встал у семи дорог.

И семь врагов в него в упор
Стреляли наповал –
Семь раз он падал с этих пор –
И столько же – вставал.

Семь ран сумел перенести,
Схороненный людьми, –
За семь высоких гор уйти –
И лечь у скал семи...

Неба – пасмурны откосы,
Сердце – слышит листьев дрожь,
И твои стекают косы
Мне на шею – словно дождь.

Ветер стихнул, будто не был,
Обессиленный, упал.
Будем славить это небо,
Мир божественных начал.

...Ночь – от края и до края,
Сердце слышит листьев дрожь...
Я боюсь, по мне стекая, –
Вся – как дождь, на нет сойдешь...

Мушни Ласуриа

АПСНЫ

Мать – одна. И народ один.
Две любви, что сияют вместе.
Им обоим отдам, как сын,
Безраздельно и жизнь и песню.

Мал мой край, но родина – нет!
Не бывает родины малой...
Что сказать позабывшим свет
Той, что их на руках качала?

Ты одна у меня, Апсны,
Я тобою возвращён и вскормлен,
Каждым вздохом твоей волны,
Каждым стеблем твоим и корнем!

Ты, как сказка, полна чудес.
Разве горы твои – не чудо?
Этот вечнозелёный лес,
Эти травы твои – откуда?

Твои реки узнаешь в глаза!
Твои люди, как реки, бурны,
И завидуют все небеса
Твоим – пламенным и лазурным!

Не в тебя ли влюбился Бог?!
На щеках твоих – краски моря,
И летит на них холодок
От садов, покрывающих взгорья.

Ты – ларец моих тайн, Апсны,
Ты – мой мир огромный, Апсны!

Только здесь я увидел, здесь:
Всходит солнце, подобно чуду...
Продолжай же расти и цвести,
И покуда ты есть, я – буду!

(Перевод Ан. Передреева)

Владимир Делба

БОЛЬШОЙ СНЕГ В ПРЕДВЕРИИ НОВОГО, 1993 ГОДА (Фрагмент повести «Апсны, обитель души моей»)

Кто-то маленький, теплый, почти невесомый, птенчик какой-то, озорной и смешливый, бесцеремонно распоряжался лицом Андрея. Ласково тербил нос, губы и веки. Легкие прикосновения эти как бы выталкивали сознание из темных глубин сна, лишённого сновидений, наверх, к свету, к ярким краскам летнего утра.

Сквозь ресницы Андрей наблюдал за непрошеным гостем. Очертание, абрис птенца были размыты, но бесспорно – он крохотный, золотистого цвета, яркий, как луч солнца. И смеется заразительно и искренне, как смеются дети. Стало ясно: спать он не даст. Уговаривать птенца не шалить Андрей посчитал делом бесполезным. И открыл глаза.

Шаловливым птенчиком и вправду оказался солнечный луч.

Свежий, прохладный ветерок тербил оконную занавеску, то даря озорнику возможность командовать лицом, то лишая его удовольствия исполнять роль столь экзотического будильника.

Где-то внизу, на невидимом отсюда пляже, играли дети. В комнате были хорошо слышны их голоса, их смех.

Сон медленно, нехотя отступал, освобождая захваченный ночью плацдарм памяти. И память также медленно, но неумолимо возвращалась на свою территорию, восстанавливая в сознании все детали безумного, фантастического вчерашнего дня.

Андрей почувствовал на своем плече чье-то горячее дыхание. Илга!

Златовласка!

Именно так назвал он про себя девушку, вошедшую вчера в вагон электрички.

В Латвии он был впервые в жизни. Ему очень понравились отреставрированные здания Старой Риги, монументальные, но идеально вписанные в городской ландшафт пропорции Домского собора. По душе пришелся и неспешный ритм всего происходящего вокруг, доброжелательность и воспитанность рижан.

Единственное, что слегка портило впечатление, так это низкие, темные тучи, висевшие все четыре дня пребывания Андрея в Риге, над городом. И мелкий, прохладный, совсем не летний дождь, неожиданно начинающийся и также неожиданно заканчивающийся.

Но вчера всё изменилось. С утра ярко светило теплое ласковое июньское солнце. И воздух тоже стал теплым и ласковым, моментально наполнившись ароматами цветущих растений.

Идея отправиться на Взморье оказалась, как говорится, к месту. И Андрей сел в электричку. В ту самую электричку.

По складу своего характера он был неисправимым романтиком и, отчасти, самоедом. Он искренне считал, что каждый человек обязан вывести для себя понятную и приемлемую формулу жизненной философии. А убежденность, что философия эта зиждется на принципах добра, взаимопонимания и взаимовыручки между людьми, была бесспорной.

Приняв эти идеи, как аксиому, каждый человек был вправе развивать их в самых разных направлениях, тех, которые он считал для себя наиважнейшими.

Выросший в семье атеистов, Андрей, в глубине души верил в некий необъяснимый, но реально ощущаемый Небесный Промысел. По крайней мере, он твердо знал, что Любовь – это Дар, ниспосланный людям свыше. А что касается любви между женщиной и мужчиной, так и здесь была полная ясность. Там, на небесах, будущих влюбленных, предназначенных друг для друга, тоже создают сразу, двумя половинками одного целого, а затем каждую половинку отправляют в «свободное плавание», по отдельности. И далеко не всем им суждено встретиться и соединить судьбы свои на веки вечные.

Чаще всего происходит как раз наоборот. Лишенные интуиции, упорства и силы воли, люди поднимают руки и сдаются «на милость победителя», оставляют надежду найти свою половинку и «плытут по течению». Часто, если продолжать сравнение, совсем в другую «гавань».

¹ Апсны – древнее название Абхазии.

Но те, кому сила любви, терпение и упорство даруют встречу, узнают друг друга сразу, без всяких подсказок.

Андрей помнил, как восторженно смотрел он фильм «Вестсайдская история». Непривычный жанр мюзикла сначала не давал возможности сосредоточиться на фабуле. Но вскоре история чистой, всепоглощающей любви героев полностью завладела сознанием, увлекла в «заэкранье», заставила вращаться в живую плоть сюжета, сопереживать судьбе конкретных людей. Сцена первой встречи главных героев, Мари и Тони, ошеломила. Она полностью соответствовала убеждению Андрея, что те самые «половинки» одного «целого» узнают друг друга с первого взгляда. Именно так он и представлял себе подобные встречи.

Когда девушка вошла, Андрей читал книгу. На миг показалось, что в вагоне стало неестественно светло, будто бы кто-то включил мощные софиты. Андрей поднял глаза. Первой мыслью было, что в вагон вкатился огненный шар, яркий как само Светило. На самом деле свечение исходило от копны золотых волос вошедшей девушки. А слепящий ореол вокруг головы обязан был лучам солнца, светившего в спину. Девушка села, выйдя за пределы светового круга. Теперь было видно ее лицо.

Андрей вдруг почувствовал учащенное биение собственного сердца. Он не видел ничего вокруг, ни пассажиров в вагоне электрички, ни проплывающие за окном сменяющие друг друга прекрасные пейзажи Рижского взморья. Только лицо девушки. Незнакомка восторженно улыбалась. То ли окружающим людям, то ли радуясь теплоте солнечному дню. Оглядываясь, заметила взгляд Андрея.

Улыбка медленно сошла с ее лица. Но тут же появилась снова. Но совсем другая. Неуверенная и застенчивая.

Какое-то время они смотрели друг на друга, будучи не в состоянии отвести взгляд, находясь как бы под влиянием странного энергетического гипноза. Потом девушка медленно, как сомнамбула, поднялась, прошла по проходу между сидениями, села рядом с Андреем и протянула руку. Нет, не ребром, как обычно протягивают для знакомства. Она протянула руку ладонью вниз, как протягивают очень близким людям, которых любят и кому полностью доверяют. И он оценил доверие, осторожно принял руку девушки и нежно накрыл ее своей рукой.

Еще его поразил ее взгляд. Вернее, даже не взгляд, а цвет глаз. Сначала, на расстоянии, вопрос не возникал. Голубоглазая фея с волосами из чистого золота!

Но вблизи оказался, что один глаз был не голубым, а, скорее, зеленоватым, то есть глаза отличались по цвету и, к тому же в зрачки были как будто вкраплены золотые песчинки. И озорные эти, золотистые искорки как будто вели тайный разговор с солнечными лучами. Загадочно вспыхивая, перекликаясь с искрящимся золотом волос.

Удивительно, но оба не помнили потом, что бы кто-то из двоих называл свое имя. Но ведь они знали, как зовут друг друга. Было ли в этом что-то мистическое, или просто нашедшие друг друга «половинки» обладали необходимой генетической памятью? Да и какое это имеет значение?

Очень медленно и осторожно, чтобы не разбудить Златовласку, Андрей высвободил руку, встал с кровати и, стараясь не шлепать босыми ногами по деревянным половицам, прошел к окну.

Дом, в мансарде которого они с Илгой находились, стоял среди сосен, совсем рядом с великолепным пляжем. Белый песок волнистыми дюнами убежал далеко-далеко, в обе стороны от дома. А за пляжем, в каком-то странном ракурсе, как в широкоугольной фотооптике, с явным нарушением законов перспективы, лежало море. Как будто выгнутое эллипсом огромное зеленое блюдо с беспокойно скользящими по поверхности белыми пенстыми «барашками» волн.

Пейзаж завораживал непривычной своей, сдержанной красотой. И конечно, картинка за окном разительно отличалась от буйных субтропических ландшафтов родной Абхазии. Ничего подобного Андрей раньше не видел.

Отойдя от окна, сел на стул, с нежностью и восхищением разглядывая Илгу.

Девушка, посапывая, как ребенок, чему-то улыбалась во сне. Густые и длинные волосы цвета старого золота волнами ниспадали с головы на подушку. Покрывало соскользнуло, открывая взору часть тела. Андрею стало неловко, но он ничего не мог с собою поделать. И продолжал смотреть. Была хорошо видна тонкая шея девушки, плечо и левая грудь, небольшая, красивой формы, с аккуратным темным соском. Ниже, под покрывалом, прекрасно читалась линия бедра, как будто вылепленного талантливым скульптором. Открытой оказалась и нижняя часть ноги, от округлой коленки до маленькой стопы с узкой лодыжкой и красивыми аккуратными пальчиками.

Рука и плечо Андрея еще хранили тепло тела девушки и легкий аромат ее волос. Прикрыв глаза, Андрей пытался вспомнить в деталях удивительный вчерашний день. День, когда волею Небес он нашел свою половинку.

Они вышли на первой же остановке из вагона, и, взявшись за руки, направились вдоль моря по мелкому белому песку нескончаемых прибрежных дюн. Не зная, куда идут, не замечая ни хода времени, ни расстояния. Не обращая внимания на усталость. Не слыша ни рокота набегающих на берег

неспокойных волн, ни криков озабоченных чем-то, низко летающих чаек. Андрей, не веря своему счастью, крепко сжимал руку Илги и с восторгом рассказывал об Абхазии, ее красотах и традициях, о переезде в Москву, о своих родителях и друзьях. Говорил, не останавливаясь, о кино, о джазе, о прочитанных книгах. О смешных историях, свидетелем которых ему довелось быть. Илга внимала рассказчику, с широко открытыми глазами, не перебивая. Лишь иногда позволяя себе негромкие возгласы удивления или одобрения. Или заразительно смеясь.

Уже темнело, когда они вышли к какому-то поселку. На калитке ближайшего дома был укреплен кусок картона. На нем было написано:

«Здается комнат в антресоль. С душ. Можно от один суток»

Хозяйка, пожилая полная женщина, внимательно посмотрела на Илгу и спросила:

– Девушке уже будет восемнадцать?

Получив утвердительный ответ, взяла деньги и протянула Андрею ключи.

Мансарда, обшита изнутри «вагонкой», оказалась довольно уютной. Письменный стол, два кресла, трюмо с зеркалом, торшер и холодильник. Большая двуспальная кровать, заправленная чистым, похрустывающим от крахмала, бельем. На прикроватной тумбе лежала стопка полотенец и два махровых банных халата.

– Прямо как за границей, – подумалось Андрею. – Прибалтика!

И тут, осознав вдруг, что наступает ночь, а они со Златовлаской наедине, Андрей вдруг оробел.

Конечно, в свои двадцать два года у него был опыт общения с женщинами, правда, совсем небольшой. И правильнее сказать, с женщиной, а не с женщинами. Правда, Андрей не любил его вспоминать. Безуспешно старался вычеркнуть из памяти, ибо испытывал жгучее чувство стыда за совершенное, как ему казалось, предательство.

Сразу после окончания школы он предпринял попытку поступить в МГУ. Отец еще был жив. Он-то и устроил Андрея, через московского друга, в маленькую ведомственную гостиницу. Гостиница находилась недалеко от станции метро «Парк культуры», что было очень удобно. Рукой подать до Ленинских гор, до Университета, да и центр Москвы совсем рядом. Гостиница отличалась особым комфортом или уютом, но была очень дешевой. И порядки в ней царили достаточно демократичные. Постояльцы, в основном, командированные в Москву сотрудники министерства, хлопот Андрею не доставляли, так как появлялись в номерах, как правило, поздно вечером.

Андрею досталась койка в четырехместной комнате, в соседнем же, одноместном номере оставался чиновник из Алма-аты, по имени Харлампи. Средних лет, доброжелательный, немного вальяжный и очень «хлебосольный». Жизненная философия его была проста, и он с удовольствием озвучивал ее квинтэссенцию: – «Все мы гости на этой планете, поэтому каждая минута, потраченная впустую, трагична и непростительна». Впустую означало – в отсутствии друзей, женщин и застолий! И жить он старался именно в соответствии с этими принципами.

Поэтому всегда в номере был накрыт стол, собирались ежедневно московские его друзья, да и женский смех часто был слышен сквозь плохо пригнанные гостиничные двери.

Однако был он, при этом, хорошим отцом и любящим семьянином. Не было дня, чтобы Харлампи не заказывал междугородний разговор, и подолгу, с радостью и нежностью говорил с женой и детьми. Андрей часто становился свидетелем этого телефонного общения, ибо сам регулярно пользовался междугородней связью. Отец не так давно перенес очередной инфаркт, и сына беспокоило его состояние.

Был Харлампи понтийцем, то есть черноморским греком, из Анапы, попавшим в трагическую бериевскую крупорушку сороковых, когда целые народы выселяли из кавказских республик и черноморского побережья в глухие, неосвоенные районы Казахстана и Средней Азии.

Узнав, что Андрей из Абхазии, прослезился, сказал:

– Ризам (дорогой), мало того, что ты земляк, еще и сын мой немного на тебя похож. Беру над тобой шефство.

И взял. Уходил Харлампи из гостиницы обычно очень рано. А проснувшийся Андрей находил в карманах пиджака вложенные соседом деньги. Одну или две «красненькие», то есть десятирублевые, купюры. «Десятка», тогда, в начале шестидесятых, была очень весомым платежным средством.

Робкие возражения Андрея даже не рассматривались.

Если в момент прихода Андрея в гостиницу Харлампи был в номере, между ними как будто возникала загадочная биоэлектрическая связь. И грек тут же, с улыбкой появлялся на пороге.

– Элалака, непе. Поспа? (Иди сюда, парень. Как дела). – Спрашивал он по – гречески и радовался, как ребенок, когда юноша, тоже по гречески, отвечал:

– Калон, (хорошо) дядя Лампи.

Абхазия тех лет была интернациональным краем. И Андрей немного говорил на нескольких языках, в том числе и на понтийском греческом.

Юрий Орлицкий _____

Константин Кедров _____

Маргарита Аль _____

Виктор Гонне _____

Настоящее издание отпечатано в количестве 525 нумерованных экземпляров.
№№ 1–50 с приложением авторской фотографии и с автографами авторов.

ЭКЗЕМПЛЯР №